

ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА 2018

ПО ТУ СТОРОНУ ИЛЛЮЗИИ

МЕМОАРЫ
ВЕЛИЧАЙШЕГО
ШОУМЕНА ЗЕМЛИ

ТЕЙЛОР
БАРНУМ

ВЕРЕНА
ВИБЕК

Annotation

Предлагаемая книга - мемуары легендарного мистификатора, которые и легли в основу сценария к фильму «Величайший шоумен».

Финеас Тейлор Барнум всегда мечтал войти в историю, но все его занятия не приносили ему удовольствия. И когда, казалось, весь мир обернулся против него, он решает пойти вслед за своей мечтой. Барнум создает завораживающее представление-сенсацию, которое стало рождением мирового шоу-бизнеса.

-
- [Тейлор Барнум, Верена Вибек](#)
 -
 - [Финеас Тейлор Барнум](#)
 - [Финеас Тейлор Барнум](#)
 - [Из предисловия к первому изданию](#)
 - [Глава 1. Ошибочная экономия](#)
 - [Глава 2. Верная \(разумная\) экономия](#)
 - [Глава 3. Здоровье](#)
 - [Глава 4. Истинное призвание](#)
 - [Глава 5. Заем денег](#)
 - [Глава 6. Энергия, выдержка, прилежание](#)
 - [Глава 7. Хозяин в деле](#)
 - [Глава 8. Чужие деньги](#)
 - [Глава 9. Приятельские векселя](#)
 - [Глава 10. Вред от разбрасывания своих сил на разные дела](#)
 - [Глава 11. О порядке и системе](#)
 - [Глава 12. Публикации и реклама](#)
 - [Глава 13. Честность - лучшая гарантия успеха](#)
 - [Добрые советы](#)

- [Верена Вибек](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1. Остров Плюща](#)
 - [Глава 2. Удиви меня](#)
 - [Глава 3. Няня Джорджа Вашингтона](#)
 - [Глава 4. Американский музей](#)
 - [Глава 5. Эффект Барнума](#)
 - [Глава 6. Русалка с Фиджи](#)
 - [Глава 7. Что это?](#)
 - [Глава 8. Генерал Том Там](#)
 - [Глава 9. На аудиенции у королевы Виктории](#)
 - [Глава 10. Шведский соловей](#)
 - [Глава 11. Иранистан](#)
 - [Глава 12. Добро пожаловать в человеческий зоопарк](#)
 - [Глава 13. Величайшее шоу на Земле](#)
 - [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
-

Тейлор Барнум, Верена Вибек По ту сторону иллюзии: мемуары величайшего шомена Земли

© Барнум Ф. Т., Вибек В., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Финеас Тейлор Барнум

Как достичь успеха в бизнесе

Выберите вид бизнеса, соответствующий вашим природным наклонностям и темпераменту. Одни люди – технари от рождения; у других всевозможные механизмы не вызывают ничего, кроме страха и отвращения; одни по своей природе склонны к одному роду деятельности, другие – к другому. Я, например, никогда не преуспел бы в коммерции; я несколько раз пробовал, но у меня ничего не получалось. И меня никогда не привлекала фиксированная зарплата; я человек, по своему характеру нацеленный на скорую и легкую наживу. У других людей нрав совершенно противоположный. Следовательно, каждый из нас при выборе рода занятий должен подходить к этому с особым вниманием и осторожностью и предпочесть то из них, которое больше всего подходит для нашего характера и природных наклонностей.

Пусть любое ваше обещание, любая клятва будут священны. Никогда не обнадеживайте людей, если сомневаетесь, что сможете все сделать с максимальной расторопностью и усердием. Для делового мира нет ничего более ценного, чем репутация человека, который всегда и в точно оговоренные сроки выполняет свои обещания. Неукоснительно придерживаясь этого правила, вы получаете доступ ко многим ранее незадействованным возможностям и приобретаете надежных друзей, которые всегда придут на помощь в самых неожиданных и непредсказуемых ситуациях.

Что бы вы ни делали, выкладывайтесь по полной. Если необходимо, работайте с раннего утра до позднего вечера, в любое время года; переверните все, не

оставив камня на камне, и никогда не откладывайте на завтра то, что можно сделать сегодня. Все знают старую добрую поговорку, абсолютно правильную и полную глубокого смысла: «Если что-то вообще стоит делать, делай это хорошо». Люди нередко сколачивали огромные состояния, делая свое дело старательно, вкладывая в него все свои силы и энергию, в то время как их соседи всю жизнь оставались бедняками, потому что выкладывались лишь наполовину. Амбиции, трудолюбие, упорство и энтузиазм – обязательные условия успеха в бизнесе.

Никогда не употребляйте алкогольных напитков. Никто не способен преуспеть в бизнесе, если у него нет мозгов, позволяющих четко определить планы, и логики, помогающей реализовать их; как бы щедро человек ни был наделен умом от природы, если его разум затуманен, а суждения искажены алкоголем, он не сможет вести дела успешно. Сколько отличных возможностей было упущено безвозвратно, пока человек пропускал с приятелем стаканчик-другой! Сколько нелепых сделок было заключено в состоянии нирваны, на короткое время превращающей свою потенциальную жертву в невероятного богача! Сколько прекрасных шансов было отложено на завтра и, следовательно, навсегда, потому что бокал вина вверх организм человека в состояние некоей эйфории, на время лишив его энергии и энтузиазма, столь важных для успеха в бизнесе. Потребление алкогольных напитков – порок не менее безрассудный, чем курение опиума, которым увлекаются китайцы, и оба в равной степени разрушительны для делового человека.

Позвольте надежде занять главенствующее положение в вашей душе, но не будьте пустым мечтателем. Многие люди никогда не разбогатеют, потому что слишком много мечтают. Каждый новый проект представляется им как нечто гарантирующее

успех, и они постоянно меняют область деятельности, занимаясь то тем, то этим, причем непременно чем-то весьма рискованным. С незапамятных времен народная мудрость предупреждает нас о том, что «делить шкуру убитого медведя» неразумно и опасно, но и сегодня у этого безрассудного плана находится довольно большое количество поклонников.

Не разбрасывайтесь. Сосредоточьтесь на каком-то одном виде деятельности и настойчиво занимайтесь им до тех пор, пока не добьетесь успеха либо пока не придете к окончательному и бесповоротному выводу, что вам следует отказаться от выбранного пути. Если все время стучать по гвоздю молотком, в результате он будет вбит в стену. Когда человек безраздельно фокусирует внимание на каком-то одном объекте, его разум постоянно предлагает ему способы усовершенствования этого объекта, повышения его ценности; но этого никогда не случится, если ваш мозг просто переполнен различными темами и идеями. Очень часто сквозь пальцы тех, кто старается заниматься сразу несколькими видами деятельности, утекают немалые деньги.

Привлекайте хороших работников. Никогда не нанимайте людей с вредными привычками, если для работы можно найти человека без таковых. Мне в жизни в основном очень везло: почти всегда удавалось найти для своих предприятий верных и компетентных сотрудников. Это благо, которое трудно переоценить. Если человек не подходит для дела, для которого его наняли, – не имеет нужных способностей либо просто не годится в силу своего характера и наклонностей, – откажитесь от его услуг; не старайтесь продлить его жалкое существование в вашей фирме, тщетно пытайтесь изменить его природу. Сделать это совершенно невозможно. Как говорится, «из свиного уха шелковый кошель не пошьешь». Этот человек был создан

Всевышним для чего-то другого, у него иное предназначение в жизни. Позвольте ему найти себя и занять свое место.

Рекламируйте свой бизнес. Не скрывайте своих талантов. Чем бы вы ни занимались и каково бы ни было ваше призвание, если ваш талант нуждается в поддержке публики, рекламируйте его постоянно и активно, любым способом, который позволит привлечь внимание общественности. Я лично откровенно признаюсь, что немалым успехом, которого достиг в жизни, обязан прежде всего прессе – в большей мере, чем всем остальным факторам и причинам вместе взятым. Возможно, профессиональные занятия, не требующие рекламы, и существуют, но мне таковые неведомы.

Не исключено, что вам неоднократно приходилось слышать жалобы деловых людей, что они рекламировали свой бизнес, однако это не принесло желаемых результатов. Так бывает, но только если рекламой занимаются без особого желания и усердия или скупятся на нее. Реклама в гомеопатических дозах действительно обычно не окупается – это все равно что дать пациенту половинную порцию слабительного, от которого его начнет тошнить, но нужного эффекта не будет. Действуйте решительно и целенаправленно, и полное излечение вам гарантировано. Некоторые люди говорят, что не могут позволить себе рекламировать свой бизнес; думая так, они совершают большую ошибку: они не могут позволить себе не рекламировать его. В нашей стране, в которой все читают газеты, нужно иметь совершенно непробиваемый череп, чтобы не понять, что это самое дешевое и простое средство общения с широкими массами населения, среди которых можно найти клиентов. Покажите свой бизнес таким, каким вы хотели бы его видеть, и он станет

таковым в действительности. Фермер сажает растения, и пока он спит, пшеница или картошка растут. То же самое происходит и с рекламой. Вы спите, едите или налаживаете контакты с одной потребительской аудиторией, а вашу рекламу в это время читают сотни и тысячи других людей, с которыми вы никогда не встречались, которые раньше ничего не слышали о вашем бизнесе – и никогда не узнали бы, если бы не ваше объявление в газете. Надо признать, что деловые люди в нашей стране в общем и целом пока не в полной мере понимают выгоды и преимущества рекламы. Время от времени широкая общественность становится свидетелем невероятных успехов и достижений Свейма, Брандрета, Таунсенда, Дженина или Рута^[1] и восхищается тем, с какой скоростью эти джентльмены сколачивают огромные состояния, совершенно не задумываясь о том, что их путь открыт для всех и каждого, кто осмелится по нему пойти. Но для этого требуются мужество и вера. Первое – для того чтобы вы решились отправиться в рискованное путешествие по глубоким и неопределенным водам будущего; вторая – чтобы убедить вас, что через какое-то время усилия непременно окупятся и принесут тому, кто понял выгоды печатной рекламы и поставил ее себе на службу, в сотни и тысячи раз больше, чем он потратил.

Избегайте излишеств; всегда живите по средствам, особенно если это не означает, что вам придется жестоко голодать! Совсем не обязательно быть пророком, чтобы предсказать: тому, кто расходует все, что наживает, ни на секунду не задумываясь о том, что на жизненном пути его могут поджидать неудачи и беды, вряд ли стоит рассчитывать на финансовую независимость.

Мужчинам и женщинам, привыкшим потакать любым своим капризам и прихотям, поначалу трудно

урезать некоторые необязательные расходы; для них жизнь в меньшем доме, нежели тот, к которому они привыкли, покажется чем-то вроде самоотречения; поначалу им будет трудно довольствоваться менее роскошной мебелью, управлять фирмой более скромного размера, носить более дешевую одежду, реже посещать балы, вечеринки, театры; меньше выезжать в экипажах, наслаждаться путешествиями, курить сигары, пить ликеры и т. д. и т. п. Однако в итоге, решив откладывать деньги на какую-то определенную цель, они будут очень удивлены тому огромному удовольствию, которое испытываешь каждый раз, добавляя к небольшой начальной сумме новые и новые взносы, – так же как и тому, насколько приятными становятся необходимые для этого привычки бережливости.

Например, со временем обнаруживается, что старый костюм, шляпка или платье вполне подойдут и для следующего сезона; обычная вода на вкус не хуже шампанского; пешая прогулка не менее восхитительна, чем поездка в роскошном экипаже; а задушевная беседа или чтение вслух в кругу семьи или игра в прятки или жмурки с домашними несравненно приятнее вечеринки, на организацию которой придется выложить пятьдесят или пятьсот долларов, – особенно после того, как размышления о различиях в расходах начинают посещать головы и искренне радовать тех, кто испытал удовольствие от экономии. Тысячи людей так и остаются бедными, а десятки тысяч становятся таковыми, даже если изначально имели достаточно средств для вполне достойной и состоятельной жизни, – и все потому, что их жизненные планы предусматривали дорогое, даже роскошное существование. Некоторые семьи в нашей стране тратят двадцать тысяч долларов в год, а есть такие, расходы которых даже больше, и они вряд ли хотя бы

приблизительно представляют, как можно прожить на значительно меньшую сумму.

Богатство, особенно неожиданное, – куда более суровое испытание для человека, чем бедность. Есть отличная и очень правильная старая поговорка: Бог дал – Бог и взял. Гордость – если человек позволяет ей взять над собой верх – является самой сильной червоточиной, безжалостно разъедающей все, что у него есть, будь то незначительное или очень большое состояние, сотни или миллионы. Многие люди, лишь начав преуспевать в жизни, тут же принимаются безрассудно тратить деньги на предметы роскоши, и довольно скоро их расходы уже превышают прибыли, а они, оказавшись на руинах былого благополучия, из последних сил тщетно стараются сохранить прежнее лицо и остаться «сенсацией». Один очень богатый джентльмен как-то рассказал мне, что, когда его дела стали идти в гору, его жене непременно потребовалась новая элегантная софа. «И эта софа, – констатировал он, – в итоге обошлась мне в тридцать тысяч долларов». Я был удивлен, но загадка объяснялась довольно просто.

Когда софу доставили в дом, оказалось, что необходимо купить «подходящие» стулья, потом – буфеты, ковры и столы, гармонирующие со стульями, и т. д. и т. п. – в общем, полный набор мебели. В конце концов хозяева поняли, что их дом слишком маленький и старомодный для столь замечательной обстановки, и построили новый, «соответствующий» софе и прочему. «Таким образом, – продолжал мой знакомый, – одна-единственная софа ввела меня в расходы на сумму свыше тридцати тысяч долларов и до сих пор продолжает обирать в виде затрат на слуг, экипаж и прочих расходов на содержание всего этого великолепия. В целом я трачу на все это одиннадцать тысяч долларов в год, и это довольно трудно. А ведь десять лет назад наша жизнь стоила несравненно

меньше и была намного комфортнее, потому что нам не надо было обо всем этом заботиться. По правде говоря, если бы не неожиданно свалившееся на меня наследство и если бы я не умерил свое желание выставиться перед всеми напоказ, из-за этой софы меня вообще ждало неизбежное банкротство».

Старайтесь ни от кого не зависеть. Ваш успех должен зависеть только от ваших личных усилий и стараний. Не верьте в помощь друзей; помните, что каждый человек – архитектор своей судьбы.

Я думаю, если вы отнесетесь к этим правилам с должным вниманием и как здравомыслящий человек дополните их наблюдениями из собственного жизненного опыта, дорога к процветанию в бизнесе не будет устлана для вас камнями.

Ф. Т. Барнум, 1852

**Финеас Тейлор Барнум
Искусство делать деньги, или
Золотые правила
зарабатывания денег**

Из предисловия к первому изданию

Не пугайтесь, честный читатель... Эта книжечка не сделает вас фальшивомонетчиком! Цель книжки этой не подведет вас под ответственность за подделку государственных монет и кредитных билетов. Правда, она учит, как делать деньги, учить, как нажить таковые честным трудом, как сделаться богатым, даже... очень богатым!

«Проходя недавно (1887 год) мимо одного лондонского книжного магазина, – говорит немецкий переводчик этой книжки, г-н Катчер, – мне бросилось в глаза большое объявление, вывешенное в окне, на котором крупными буквами было изображено: „The Art of Money-getting, or Hints and Helps to Make a Fortune“. Цена – шесть пенсов. Кто отказался бы выучиться искусству сделаться богачом за шесть пенсов? Я купил, – говорит он далее, – эту книжку и был поражен, прочитав имя ее автора, это был Ф. Г. Барнум... Барнум, знаменитый нью-йоркский антрепренер и импресарио, владелец всевозможнейших театров, зверинцев, музеев и всяких достопримечательностей! Тот самый Барнум, который пятнадцать лет тому назад обнародовал свою биографию, произведшую огромную сенсацию в читателях обоих полушарий! Настоящая книга, как я узнал в магазине, расходилась в баснословном количестве экземпляров, и я с жадностью принялся за чтение. И надежды мои, мои ожидания меня не обманули. Произведение замечательного человека нашего времени, знаменитого Барнума, оказалось произведением самого высокого интереса».

Барнум был некогда бедным мальчиком, а теперь, как оказывается из его духовного завещания, сделанного на всякий случай, он обладает состоянием в

15 000 000 долларов (30 миллионов рублей), нажитым честным и упорным трудом. Барнум разрушил нашу поговорку и народное убеждение, будто «трудом праведным не наживешь палат каменных»... Он доказал, что это вздор, что такой взгляд есть продукт распушенности и разнузданности современного нам общества. Как же он нажил эти деньги? На этот вопрос мы и получаем ответ в целом ряде взглядов, опытов, мнений и советов, изложенных в этой книжке. Это не есть собрание каких-нибудь шарлатанских принципов, каких-нибудь недомолвок и шуток, туманностей... Нет, это ряд серьезных, практических мнений и взглядов опытного, делового человека, покоряющихся на честном отношении к делу и людям.

«Эта книжка, заметил мне один знаменитый янки, – говорит г-н Катчер, – есть ценная вещь для людей, вступающих в самостоятельную жизнь (или дело). Она для него дороже ста долларов!»

В настоящее время Барнуму 75 лет. Он провел бурную, необыкновенно подвижную и разнообразную по положениям жизнь. На поприще «зрелищ и увеселений» ему нет соперника в мире. Но независимо от этого он человек глубокого ума, замечательный оратор и чрезвычайно способный писатель. Он был долгое время старшиной, затем выборным членом законодательного собрания, издавал и редактировал газету, был директором банка, директором колоссального в Америке Бриджпортского водопровода, главным директором Бриджпортского госпиталя и т. д.

Глава 1. Ошибочная экономия

Искусство приобрести деньги далеко не так трудно и сложно, как сохранить, уберечь приобретенное. По теории Франклина, путь к обогащению очень прост: «Расходуй меньше, чем зарабатываешь, – и ты будешь иметь избыток!». Ч. Диккенс говорит: «Кто имеет доход в 20 фунтов, а расходует 20 фунтов и шесть пенсов (25 коп.) – тот несчастнейший человек в мире. Но кто зарабатывает 30 фунтов, а расходует 19 фунтов и шесть пенсов – счастливейший из смертных».

Иной читатель скажет: «Знаю я это; старая история, экономия, бережливость... Я знаю, что путем сбережения можно придти к богатству. Я хорошо понимаю, что нельзя одновременно и откладывать, и тратить одни и те же деньги». Совершенно верно. Но вопрос в том, как и где экономить. Можно привести немало примеров, где неразумная экономия, ошибочная экономия была причиной гибели многих, многих людей. Другими словами: множество людей полагает, что они знают, что такое экономия, а между тем они и понятия не имеют о правильной экономии. И отсутствие этого ясного понимания наблюдается, к несчастью людей, слишком часто.

Я часто слышу жалобы: «Я получаю столько же, сколько мой знакомый А. Он каждый год откладывает что-нибудь про черный день, а у меня вечная недостача, вечный дефицит! Чем это объяснить? Ведь я же умею быть экономным». Он ошибается. Его экономия неверная, ошибочная. Очень может быть, что он прячет огарки, не сжигает лишней спички, торгуется с прачкой из-за одной копейки... Но все это не то. Это скарденничество, а не бережливость, не экономия. Нельзя назвать бережливым и экономным и того,

который покупает за бесценок дорогую вещь, ему, в сущности, совершенно не нужную. Нельзя назвать экономным и того, который экономит пять копеек там, где, переплатив их, он мог бы затем сберечь двадцать копеек. Принцип «экономить везде» есть принцип крайне односторонний и ошибочный. Такая экономия – заблуждение! Когда еще не был введен в употребление керосин, то можно было, например, получать превосходный ужин у американского фермера, но зато нельзя было иметь достаточно света, чтобы после ужина почитать книжку или газету. «У нас очень неудобно читать, – замечала в таких случаях хозяйка, – наши средства не позволяют жечь по две свечи одновременно. Мы только в редких, торжественных случаях зажигаем вторую свечу». (Т. е., замечает автор, раза два в год.)

Таким образом хозяйка, правда, сберегала в течение года небольшую сумму, но забывала при этом про пользу чтения, которое, несомненно, дало бы и пищу уму, и отдохновение, и свежесть, и бодрость всей семье ее. А бодрый, свежий дух и своевременное развлечение работника, конечно, дороже сэкономленной свечи! Но можно же читать, кое-как, и при одной свечке? Да, но при этом испортишь глаза настолько, что сэкономленной свечки не хватит на уплату врачу и оптику за очки. Если припомнить при этом, что та же хозяйка тратит в тысячу раз больше на свои прихоти и наряды, то сбереженная свечка становится уже прямо смешной. К сожалению, такая ошибочная экономия наблюдается нередко в среде даже деловых людей, которые не могут равнодушно видеть, что клерк испортил лишний бланк или конверт. Такого рода дельцы, почитатели экономии, берегут каждый клочок бумаги и отрывают ненаписанную половину полученного письма. Конечно, при систематическом собирании и употреблении в дело этих клочков

сберегается лишняя стопа бумаги, но при этом теряется гораздо больше времени. Впрочем, эти собиратели клочков не прочь в то же время проматывать крупные суммы на вечера, попойки, кутежи и рысаков. Англичане называют такую экономно «быть умным на фунт и глупым на пенни», в переводе на наш язык это значило бы: «рубли швырять - хранить копейки». Остроумнейший английский сатирический листок «Punch» так рисует людей этого пошиба: «Такой человек в состоянии купить селедку, необходимую для прокормления своей семьи, и затем тут же нанять дорогую коляску, чтобы отвезти эту селедку домой».

Достоверно одно: что путем ошибочной экономии еще ни один Плюшкин еще не сделался богачом, капиталистом.

Глава 2. Верная (разумная) ЭКОНОМИЯ

Разумнейшей и вернейшей экономией надо признать ту, которая дает возможность не тратить всего получаемого дохода. Чтобы достичь этого, извинительно, допустимо носить, например, старое платье долее, чем носилось бы оно при отсутствии экономии. Полезно возможно дольше откладывать покупку новых перчаток. Полезно переделывать, перекраивать и ремонтировать свой гардероб: но главное – необходимо вести скромную, но здоровую и сытную кухню. При этих условиях быстрее всего явятся сбережения в бюджете хозяйства, и копеечка к копеечке незаметно составят рубль.

Разумная экономия является у человека путем размышлений и опыта. Но раз человек усвоил себе правила разумной экономии, она, как всякая добродетель, принесет ему больше удовольствия и душевного удовлетворения, чем самые безумные траты на удовлетворение собственных прихотей. Но как же добиться этой разумной экономии? Как усвоить ее себе? Для этого я рекомендую записывать все расходы, все, без исключения, разбив их на два отдела и подводя еженедельные итоги им. Первый отдел озаглавьте «необходимое», а второй – «излишняя роскошь». Естественно, и это показал мне неоднократно опыт, что вторая рубрика пожирает всегда больше, чем ее соседка «необходимое». Подсчитав еженедельные итоги, оказывается обыкновенно, что в «необходимом» мы жмемся из-за каждого гроша, в отделе же «излишней роскоши» пишем рубли размахистой рукой. Если же отношение к отделам переменить, то окажется, что можно было бы жить гораздо лучше, счастливее и с

меньшими средствами, какие тратятся при преобладающем господстве рубрики «излишняя роскошь». Франклин говорит: «Не наши собственные глаза, а взгляды других нас губят: если б весь мир, исключая меня, конечно, был слеп, то не было бы мне никакой надобности хлопотать о дорогом наряде и роскошной обстановке». Общественное мнение и, главное, пересуды приятелей и знакомых загубили уже не один миллион лучших людей. Много говорят о личной свободе людей и их равенстве... В теории это, конечно, так; но что касается материального положения людей, то практика показывает нам несколько иную картину. Кто из нас не думает часто: «Вот счастливец, мой знакомый... У него 10 000 дохода, а у меня только одна тысяча. А ведь я его еще знавал, когда он был гораздо беднее меня. Разбогател, возгордился, смотрит свысока и считает меня за ничто... Так погоди же, я тебе докажу, что я ничуть не хуже тебя, – думает себе завистник. – Я тоже заведу себе коляску, рысаков... Впрочем, нет, я не могу купить коляску и рысаков... Я лучше найму себе коляску, поеду тоже в парк, велю кучеру ехать рядом с ним и докажу ему, что я не хуже его».

И что же он доказал? Он потерял время и деньги, испортил себе много крови, лишил себя, быть может, необходимого и все-таки ничего никому не доказал.

Богач продолжает ездить на своих лошадях, а этот слез на каретном дворе и дошел пешком до дому. Это грубый пример, конечно, но такова судьба всех желающих протягивать ножки длиннее одежды и тянуться за людьми более обеспеченными. Супруга Ивана Ивановича мучит его тем, что супруга его сослуживца, Марья Ивановна, купила себе шаль в триста целковых... Купи ей такую же... Ну хоть подешевле, пониже сортом, но чтоб она была с виду такую же. Супруга Ивана Ивановича хочет, во-первых,

засушить Марью Ивановну злостью, а во-вторых, доказать, что она, супруга Ивана Ивановича, ничуть не хуже Марьи Ивановны и тоже может носить хорошие шали.

Это безрассудство – непростительное безрассудство! Большинство бедняков не может угоняться за богатым меньшинством, и это меньшинство, как исключение, не должно и не может быть примером и образцом. Правила создают исключения; исключения не делают правила. Вместо того чтобы тратить силы и время на погоню за богатыми, лучше тратить эти силы на самоусовершенствование и саморазвитие, которое помогло бы подняться человеку выше этого наружного, фальшивого блеска, помогло бы ему выработать себе принципы правильной экономии и умение сберечь копеечку про черный день. Не нужно быть пророком для того, чтобы предсказать нищету человеку, который не сберег на черный день лишнюю копейку.

Человек, привыкший удовлетворять всем своим прихотям, не может, конечно, сразу отказаться от них и сразу лишиться себя удовольствия бросать деньги на эти пустяки. Таким людям трудно отказаться от их экипажей, обстановки и другой роскоши. Но раз у них явится твердость духа и решимость ограничить свой расход – они вскоре убеждаются, что при скромной жизни можно иметь еще больше удовольствия при гораздо меньшей затрате, иначе говоря – удовольствия эти будут полнее, слаще, раз они являются реже и не дают возможности пресыщаться ими. Наконец, самое сбережение, само по себе, доставит уже известное наслаждение. Переделанное прошлогоднее платье покажется новым и даст столько же удовольствия, сколько и вновь сшитое при прежних обстоятельствах,

и чистая, свежая вода покажется вкуснее надоевшего шампанского. Утреннее купание и прогулка на свежем воздухе даст большее наслаждение и освежит лучше, чем какое-нибудь катание за город в запертой карете или ландо. Маленькая вечеринка в кругу своих близких и родных покажется гораздо более приятной, чем шумное собрание, бал или раут, на котором присутствуют десятки и сотни чужих людей, требующих для приема тысячный расход.

Тысячи бедных людей остаются на всю жизнь бедными, но зато десятки тысяч богатых беднеют только оттого, что живут не по средствам и расходуют больше, чем позволяет им их приход. Многие семейства проживают десятки тысяч в год и, несомненно, имеют при этом меньшее количество истинного наслаждения, чем скромная семья, проживающая в десять раз меньше. Скромная семья всегда весела и спокойна. У нее нет долгов и никто ее не тревожит и не боится она будущего; наоборот – люди, живущие выше своих средств, всегда боятся завтрашнего дня и беспокоятся за наступающие сроки и платежи.

Неумение распорядиться своими средствами порождает много горя. И поэтому внезапное, неожиданное обогащение – большее испытание, чем постоянная, привычная бедность. «Как пришло, так и ушло» – т. е., иначе говоря – «чужое добро (легкожитое и случайно приобретенное) в прок нейдет». Почему? А потому, что внезапное обогащение рождает новые потребности, не знающие границ и пределов. Удовлетворение этих потребностей вызывает новые, и это продолжается до тех пор, пока обогатившееся лицо не разоряется окончательно.

Глава 3. Здоровье

Основанием для успеха в жизни, как и в счастье жизни, служит хорошее здоровье. Больной человек никогда не может разбогатеть собственными силами, никогда не может сделаться капиталистом, если он, конечно, не имел средств раньше.

Болезнь уничтожает честолюбие, парализует дух предприимчивости и силу воли. Многие люди не виноваты, конечно, в том, что они больны; но большинство должны пенять на самих себя. Возможно строгое исполнение законов гигиены принадлежит к главнейшим условиям успеха в деле зарабатывания и наживания капиталов. При этом нужно помнить, что чем строже мы исполняем требования самой природы, тем меньше мы ведаемся с разными болезнями. Это мы забываем, к сожалению, слишком часто, несмотря на то, что платимся за нарушение законов природы на каждом шагу.

В этом отношении можно указать на курение, как на одну из наиболее вредных привычек людей. Какие указания имеются в природе, из которых видно бы было, что животному необходим дым? Какое животное любит дым? Между тем люди курят, делают это почти потребностью, делаются рабами этой ужасной привычки, несмотря на то, что она обыкновенно очень вредно отзывается на их здоровье. То же самое можно сказать и о пьянстве. Заботы о приобретении капитала требуют свежей, неотуманенной головы, которая бы никогда не забыла, что дважды два четыре. При обсуждении планов и составлении деловых проектов нужна ясность и трезвость взгляда, нужно внимательное рассмотрение мелочей и деталей. А что может сделать в этом направлении голова,

отуманенная спиртными напитками? Сколько погибло людей и дел благодаря только тому, что предприятия и дела обсуждались легкомысленно, за стаканом вина, в трактире и ресторане! К сожалению, обычай вершить дела за вином господствует в Америке и в равной степени и в Англии. А благодаря этим пьяным разговорам сколько важных дел, сколько важных соображений и совместных обсуждений откладываются «на завтра» только потому, что сегодня голова уже устала, да и весело как-то сейчас... «Давай, выпьем, дело не убежит». А между тем до завтра кое-что уже забыто, кое-что передумано и дело пострадало. Отчего? От кабака. Биржа, кабинет, правление и контора – вот места деловой деятельности... Кабак, гостиница, ресторан, трактир – места не для дела, места распущенности, разврата, оргий, места для людей с низкими инстинктами, с животными страстями.

Глава 4. Истинное призвание

Выбор профессии и занятия для начинающего самостоятельную жизнь человека есть вещь величайшей важности, вещь первенствующего значения. Часто отцы, родные и опекуны делают непростительную ошибку, склоняя юношу на ту или другую деятельность, к которой он не чувствует ни охоты, ни призвания. Даже больше – некоторые родители прямо настаивают на той или другой профессии, несмотря на то, что сын их являет наклонности и способности к карьере совершенно противоположного характера. Часто профессии выбирают для ребенка в ту пору, когда он, кроме претензии на полную соску с хорошим молоком, никаких желаний выразить не может. Еще чаще отец распределяет профессии своих сыновей, совсем не соображаясь с их наклонностями... «Ты, Вася, будешь доктором, – говорит он старшему, – ты, Коля, – инженером, ты – адвокатом, ты – учителем» и т. д. Между тем на деле выходит, что, напротив, Коля мог бы быть учителем, Вася – инженером и т. д. И что же выходит в конце концов от такого насильного навязывания профессии своим детям? Предположим, что Коля стал инженером, что его силком дотащили до этой ученой степени. Но она ему не нравится. Душа не лежит у него к этому делу, и благодаря этому он навсегда останется плохим инженером и никогда не подыметя выше средней посредственности. А между тем – воспитай в нем то, к чему у него было призвание, он, может быть, стал бы заметным работником в этой области и занял бы выдающееся место среди своих собратьев. И нередко случается, что доктор бросает медицинскую практику и делается учителем, инженер –

артистом, учитель - чиновником, бухгалтер - литератором и т. д. Кто возместит такому человеку потерянное время, труд и энергию?

Вот почему особенно рекомендуется родителям внимательно присматриваться к наклонностям и симпатиям детей, следить за их играми в юности, чтобы подметить эти наклонности и симпатии.

Жизнь дает каждому человеку свою роль, и обходить ее не следует. К счастью, большинство людей попадает, в конце концов, на свое призвание, но нередко мы встречаем и таких людей, которые тягостятся своим положением, но не могут уже, в силу вещей, вернуться с этого пути и взяться за свое, любимое и интересующее их дело.

Но раз человек нашел свое призвание - он должен твердо и неуклонно работать в этом направлении и отнюдь не уклоняться в сторону. Важную роль играет в этом размер, широта деятельности и место этой деятельности. Человек, имеющий, например, талант держать огромную, первоклассную гостиницу в центре торгово-промышленной деятельности, при железных дорогах и морских гаванях, окажется совершенно неспособным хозяином маленького, захолустного, грошового постоялого двора.

Неразумно вообще начинать какое-нибудь дело там, где уже существует много подобных учреждений. Самое верное и лучшее - выступать с делом новым, оригинальным, не знакомым еще в данной местности. Такое дело всегда даст большой заработок и сделает предпринимателя богатым человеком.

Глава 5. Заем денег

Ничто не должно быть так страшно солидному, деловому человеку, как заем денег. Долги уничтожают самоуважение и оскорбляют человека. Долги побеждают человека всецело, делают его своим рабом. Но увы! В наше время даже мальчики, дети не отказываются делать долги. Встречаются два юноши:

- Смотри, - говорит первый, - какую я себе пару сшил! В долг, братец, в кредит.

И говорит он это с таким торжествующим, радостным видом, как будто ему подарили этот костюм. (Впрочем, часто такие вещи за их неоплатою так и остаются подарком.) Но приходит срок - юноша уплатил за пару. Портной доволен его аккуратностью и предлагает уже не одну, а две, три пары. Юноша берет платье... Но... не может уплатить за все и становится неисправным плательщиком. Платье, однако, изнашивается... К тому же портному нельзя обратиться, нужно искать нового. И вот таким путем юноша начинает привыкать к долгам, которые потом растут все больше и больше, с незаметной, но в то же время поражающей быстротой. К долгам привыкают быстро и смотрят потом на совершение займов как на естественный порядок вещей. А раз человек пришел к этому убеждению - он никогда не будет богатым человеком. При постоянных займах человек постепенно теряет к себе уважение и вечно недоволен тем, что хлопочет о прошлом; т. е. на занятые деньги он обыкновенно имеет очень мало удовольствия и наслаждения - ибо они уходят или на уплату за вещи, ранее полученные, или на отдачу прежнего долга. Он отдает деньги, ничего не приобретая на них. Вот почему сознание этой бесплодности отдачи и

удерживает многих от уплаты долгов. Зачем отдавать, – думает такой человек, – ведь я все равно ничего не получу за это. Эти соображения, конечно, не относятся к торговому кредиту. Там берется товар на срок, и когда он продан, то, отдавая за него деньги, купец оставляет себе прибыль за труд и умение продать его. Старый квакер так говорил всегда своему сыну-землепашцу: «Карл, не бери ничего в долг; но если ты уж хочешь что-нибудь взять, так бери навоз (удобрение) – он тебе даст осенью возможность заплатить за себя». Знаменитый нью-йоркский проповедник, брат г-жи Бичер-Стоу, автора «Хижины дяди Тома», всегда советовал молодежи пользоваться только одним видом кредита, т. е. покупать с рассрочкой земельные участки. «Если молодой человек должен только за землю – то он непременно станет впоследствии состоятельным фермером». Такого рода долги даже желательны, но кредитоваться для того, чтобы вкусно есть, хорошо одеваться и развлекаться, недостойно порядочного человека. Еще недостойнее закладывать что-нибудь для удовлетворения этих нужд.

Смешно говорить: «Я имею кредит на два месяца, но если я и не уплачу в срок, то кредитору моему это безразлично». Кредиторы отличаются необыкновенной способностью помнить сроки платежей, и попробуйте не заплатить кредитору в срок! Он сам придет к вам. Денег у вас нет, приходится унижаться, лгать, просить и умолять... Где же тут уважение к самому себе? Но он не соглашается ждать. Приходится искать новый заем. При этом стараются уже занять побольше, чтобы хватило на уплату первого долга, да и осталось бы что-нибудь и себе. Таким образом долг вырастает совершенно неожиданно. Не лучше, впрочем, кончается эта история и в том случае, когда кредитор и соглашается на отсрочку. Пишется новый документ; кредитор, видя ваше безвыходное положение, требует

большой, против прежнего, процент, и вы должны согласиться на это. После долгих толков вы кончаете дело и расходитесь. Но разница между вами огромная. Кредитор встанет завтра утром богаче, чем он был вчера, а вы встанете более бедным, чем были накануне.

«Деньги похожи на огонь. Они отличные слуги, но суровые властители». Раз они забрали кого-нибудь в руки, в виде неоплатного долга или тяжелых процентов, – они держат свою жертву крепко и дают немилосердно. Но кто заставляет деньги работать на себя – тому они служат хорошим, верным работником. Ни один работник в мире не отличается таким прилежанием и неустанностью, как работник-деньги. Они приносят пользу своему господину и днем и ночью, не зная ни отдыха, ни праздника, ни стужи и непогоды. Набожные граждане Коннектикута, отличавшиеся необыкновенно строгим исполнением религиозных законов своей церкви, не позволяли никому не только работать по праздникам, но даже преследовали мужа, осмелившегося публично поцеловать свою жену в воскресный день. Но тем не менее их помощники, их работники – работали. Я говорю о деньгах. Сами они ходили в церковь, читали Библию, а деньги, отданные в рост, несли в это время свои проценты. Один американский негодник, Джон Рандольф, объявил открыто, что он нашел, наконец, «философский камень жизни». И когда его спросили, в чем заключается его секрет, он ответил: «Я плачу всегда наличными».

Глава 6. Энергия, выдержка, прилежание

Нашедшему свое призвание - необходима выдержка. Тут неуместны лень, отсутствие веры в собственные силы и настойчивости. Никогда не нужно смотреть на дело и его будущее со слишком мрачной стороны, никогда не нужно омрачать себя излишней боязнью. Излишняя нерешительность в борьбе за существование губит нужную для этого энергию. И чем ближе подходишь к намеченной цели, тем непростительнее отступление, тем безрассуднее бросать дальнейшее к ней стремление. Нужно уметь пользоваться случаем и не пропускать его; малейшая нерешительность в такой момент, малейшая задержка - и все дело испорчено или упущено. «Кто тих и нерешителен - останется беднягой, кто смел и энергичен - будет богачом». Выдержка и вера в собственные силы творят чудеса. Кто вечно боится, вечно колеблется в нерешительности, вечно прибегает к чужим советам и действует только под влиянием других людей, тот никогда не добьется своими силами независимого материального положения. Как много гибнет людей от отчаяния в момент обеднения или внезапно наступившего разорения!.. Но зато сколько и есть людей, переносящих еще большую нищету и еще сильнейшие удары судьбы - благодаря только тому, что у них есть самообладание, вера в себя, энергия и выдержка! Примеров этого рода приводить не нужно; они встречаются ежедневно и во всех слоях нашего общества. Предположим такой случай: двое командующих войсками одарены совершенно одинаковыми способностями и знанием, но один из них обладает решимостью, энергией и выдержкой, другой -

нет. Несомненно, что успех будет за первым. При первом слухе о приближении неприятеля оба командующих посылают пикет для рекогносцировки. Пикет возвращается и заявляет, что неприятель хотя численностью и не больше войска генерала, но зато у него есть артиллерия, которой нет здесь. Медлительный, нерешительный генерал отдает приказ к отступлению и не идет в битву, раз не уверен в беспроегрышной удаче. Неприятель проходит мимо него безнаказанно, а в худшем случае даже нападает на него и разбивает наголову. Совершенно наоборот поступил бы другой генерал. «Гм! – сказал бы он. – Артиллерия... Но в остальном силы равны... Зато я нападаю... У меня нравственный перевес...» И, запасшись энергией, бодростью и решимостью, он ведет свою часть в атаку... Войско, ободренное энергией начальника, проникается его духом, и неприятель разбит и бежит в хаотическом беспорядке.

Все, что ты делаешь, делай полными силами, полным старанием и умением! Отдай делу всего себя, все свои лучшие порывы, весь свой огонь и прилежание. Все, что нужно и можно сделать сейчас, никогда не откладывай на после. Бог знает, что после может случиться и помешать делу; ничего не надо делать наполовину. Половинки никому не нужны. «Смелым Бог владеет», и тот, кто работает, и ищет, и трудится, тот и находит... но зато нельзя говорить «Бог милостив» тому, кто ничего не делает и все только ждет, что вот-вот подвернется какое-нибудь дело. Однако таким людям обыкновенно ничего и не подвертывается, и так они в надеждах и ожиданиях влачат самое жалкое существование и в лучшем случае находят сердобольного покровителя, который пристраивает их на старости лет в какую-нибудь богадельню. «На Бога надейся, а сам не плошай». Ведь вот настоящий текст этой пословицы... А между тем мы любим первую часть

и совершенно забываем вторую. А в ней-то ведь главная сила!

Однажды вечером Магомет услышал, как один из его учеников вел такую речь: «Развяжу-ка я своего верблюда и пущу по степи... Бог милостив, убережет его...»

Пророк заметил: «Нет, мой милый, лучше ты привяжи его крепче и тогда можешь рассчитывать на меньшие случайности».

Нельзя, однако, благодаря одной энергии действовать очертя голову. У банкиров Ротшильдов выработался парадокс: «Будь осторожен и смел». В этих словах лежит глубокий смысл... Будь осторожен и осмотрителен при обсуждении плана предприятия... Взвесь все до мельчайших деталей... Но раз ты решился – не виляй, будь смел и последователен. Одна осторожность и одна смелость, порознь, не соединенные в тесную связь, не могут ни к чему привести. Конечно, при известной смелости и я могу в несколько минут разбогатеть на какой-нибудь биржевой сделке, но зато с этой же смелостью, без помощи осторожности, я в конце концов потеряю все на спекуляциях.

Глава 7. Хозяин в деле

Быть хозяином вовсе не так легко, как это кажется с первого взгляда. Глаз хозяина и его престиж дороже дюжины рук его служащих. Служащие во всей своей массе часто упускают из виду то, чего хозяин дела никогда не упустит. Хозяин, сам плохо понимающий свое дело и рассчитывающий на своих служащих и помощников, никогда не может довести дела до широких размеров, и надежды его никогда не увенчаются успехом. Поэтому глубокое и всестороннее знание дела есть первое условие, которому должно удовлетворять лицо, начинающее то или иное самостоятельное дело. И чем солиднее понимание дела, тем лучший результат даст оно. Но, чтобы изучить дело, нужно время, внимание, интерес к делу, нужна энергия и любовь к нему. Нужно пройти длинную школу ошибок, потерь, убытков, чтобы выучиться делу. Опыт в этом случае – лучший учитель. Один финансист потерял большой куш на биржевой операции. Он не досадовал... «Отлично, – говорил он, – теперь я научен и не сделаю в будущем такой же ошибки».

Но хозяину нельзя делать всего одному. Дело требует исполнителей распоряжения хозяина и помощников. Дело должно иметь людей, работников. Но выбор их труден. Выбирать нужно с величайшей осмотрительностью, осторожностью и разбором. Даже самые лучшие служащие не могут быть достаточно хороши. И вот почему, раз вы попали на годного человека, старайтесь держаться его, дорожите им. Чем дольше у вас служит работник – тем лучше для вас. Он привыкает к делу день ото дня и становится поэтому опытнее и поэтому нужнее для вас. В этом году ваш служащий гораздо лучше в деле, чем он был в прошлом;

в будущем году будет лучше, чем в нынешнем году. Но если служащий, вообразив, что без него вы не можете обойтись, начнет капризничать или требовать повышения жалованья за ту же самую работу, то немедленно увольняйте его. Во-первых, для того, чтобы доказать ему и его товарищам, что вы можете себе всегда найти других людей, а во-вторых, потому, что человек, который считает себя незаменимым, не заслуживает доверия. Он не любит самого дела и не дорожит репутацией спокойного, хорошего работника, наоборот, если служащий хорош, старателен, трезв, интересуется и дорожит делом, необходимо поощрять его. Необходимо ему от поры до времени прибавлять жалованье небольшими сравнительно суммами. Тогда он будет дорожить местом и хозяином и знать, что постепенно он дойдет до такого оклада, какого ему никогда не дадут с первого раза на новом месте. Такой способ поддерживать бодрость в служащих и охоту в работе – самый рациональный и выгодный как для служащего, так и для хозяина. И, во всяком случае, ежегодное повышение жалованья, хотя и небольшими суммами, умнее единовременной награды, практикуемой в большинстве случаев. Щедрое жалованье приносит хороший доход. Нужно обеспечить служащего настолько, чтобы у него не было своих личных, мелких забот. Голова должна у него быть свободна, дух бодр, и энергия не должна расходоваться на другие личные дела. А это возможно только тогда, когда ваш приказчик сыт, одет, обут и весел. При таких условиях он отдает себя всего делу, и хозяин от этого в большой прибыли. В особенности все это важно для лиц, заменяющих самого хозяина. При всем том нужно наблюдать, чтобы служащий был всегда образованнее и умнее, чем требует самое дело. Образованный, умный и развитый человек принесет много пользы хозяину и советом, и собственной инициативой, и находчивостью,

и распорядительностью. Он поймет хозяина с полуслова.

Глава 8. Чужие деньги

Есть масса людей, которые, едва посвятившись в дело, едва ознакомившись с ним, начинают мечтать о собственном деле, о собственном хозяйстве. «Довольно работать на людей, – рассуждают они, – теперь я дело знаю и начну хозяйствовать сам». «Откуда же у вас деньги на собственное дело?» – спросите вы его. «Займу, на дело мне всякий даст», – ответит он вам. Но он не знает еще, какое несчастье начинать дело на «чужие деньги»! Нужно их нажить самому, чтобы понимать их цену. И сколько вы ни давайте такому «юноше» в дело денег – кончится все-таки полным разорением его и гибелью предприятия. «Как получились – так и разлучились». Известный американский богач Астор уверяет, что первая нажитая им тысяча досталась ему горше, чем все последовавшие за тем миллионы. Только трудом, упорным трудом нажитые деньги ценятся нами дорого. И поэтому пусть только тот начинает свое хозяйство, который сумел скромной жизнью и экономией нажить трудовые деньги. Такому человеку можно и помочь займом, если ему не хватает небольшой суммы для начала собственного дела. Такой человек вполне надежен. Он знает цену своим деньгам, знает, как дорого они ему достались, и поэтому умеет уважать и чужие деньги, данные ему для развития его дела.

Девять десятых богачей Америки, прежних и нынешних, начали свою карьеру, будучи прежде бедными мальчуганами. Но у них была выдержка и энергия, и все они шли потихоньку по пути обогащения, и все они начинали дело с собственными трудно нажитыми грошами. Вот в чем и заключается секрет современных миллионеров. А. Т. Стюарт, прежде

бедный мальчуган, обладает теперь капиталом в три миллиона рублей. И. И. Астор был мальчиком-работником на ферме, а умер недавно, оставив своим наследникам сорок миллионов рублей. Стеффи-Жирар^[2] был бедным юнгой на корабле и приобрел капитал в восемнадцать миллионов рублей. Корнелий Вандербильд, отец нынешнего американского железнодорожного короля, был перевозчиком на реке, а впоследствии он подарил правительству пароход стоимостью в два миллиона рублей и умер, оставив наследникам сто восемьдесят миллионов (180 000 000) рублей серебром. Но поскольку бедняки богатеют, постольку же и разоряются богачи. В особенности часто наблюдается разорение богатых наследников. Нужно умение и навык обращаться с большими деньгами. Кто не привык к богатству, того оно неминуемо губит. Мы часто наблюдаем постепенное обеднение старинных фамилий. «Дети, рожденные с золотой ложкой во рту», плохо переносят изменения в условиях жизни, и если не они, то их дети (внуки первых) становятся нищими. Факт этот наблюдается и в России, где некогда богатые фамилии терпят теперь нужду и разорены окончательно. Но в общем круговороте народной экономики явление это весьма отрадно. Люди эти, прежде тунеядствовавшие, берутся за работу и дают обществу лишнюю рабочую силу. Вот замечание одного ирландца: «Нужда породила изобретение; изобретение – удобства; удобства – удовольствия; удовольствие – роскошь; роскошь – распущенность и болезнь; распущенность и болезнь породили нужду; нужда – изобретение и т. д.».

Глава 9. Приятельские векселя

Трудно, очень трудно добиться независимого и обеспеченного состояния, когда работаешь чужими деньгами! И тем труднее, чем легче они достаются. Поэтому никогда не нужно ставить бланка (ручательства) на чужом векселе из одного чувства дружбы и приязни. Даже с лучшего друга надо брать какое-нибудь обеспечение. Иначе можно нажить много неприятностей. Приятельские векселя загубили не одну тысячу людей, пустив по миру и того, кто ручался, и того, за кого ручались. Приятель, у которого дело идет хорошо и стоит тысяч двадцать, обращается к вам с такую речью: «Вы знаете, что у меня хорошее, верное дело, стоящее 20 000 рублей. Долгов у меня нет ни копейки. Теперь мне представляется случай купить очень выгодно партию товара, который я месяца через два продам и возьму огромный барыш. Но для этого нужны наличные деньги. Пять тысяч необходимо. Дайте мне ваш бланк, я учту вексель!». Вам хорошо известно, что дело его действительно стоит 20 000 рублей, и 5000, конечно, не представляют никакого риска. Отчего не помочь человеку? Вы хотите сделать доброе дело. Приходит срок, и приятель ваш приносит вам уплаченный вексель. Он торжествует и радуется; операция удалась блестяще. Все рады и довольны; через некоторое время он снова обращается с такой же просьбой, и вы снова ручаетесь за него в убеждении, что дело стоит прекрасно, наконец, он честный и аккуратный человек. Прошел и второй, и третий раз благополучно. Но именно то, что он так легко может всегда доставать деньги, вовлекает его дела в операции, на которых он и разоряется впоследствии. И в самом деле, отчего не взять, когда это достается так

легко. Взял, написал вексель, приятель поручился, поставил бланк – неси его в банк и за небольшой процент получаешь деньги! Но вот в один прекрасный день ему пришла фантазия заняться спекуляцией совершенно другой, чем его деятельность, сферы. Нужно тысяч десять. Он снова берет векселя в полном убеждении, что к сроку этих векселей его операция будет окончена и деньги будут готовы. Вы подписываете ему вексель. Но затеянное дело затягивается. Сдали товар не вовремя; снежные заносы задержали движение на железной дороге. Часть товара не готова, покупатель уехал на время, платеж не последовал, словом – масса случайностей всегда бывает в деле. Что делать? Нужно спасти честь, имя, кредит. Берутся деньги из дела... Берутся новые векселя... Срочные уплачены, и вы еще больше верите в способности своего приятеля. (Он вам не сказал, что поколебал собственное дело, не сказал, что на затеянной операции он обжегся.) Чтобы выскочить из этого положения, он бросается опять на новое предприятие, мечется, ищет, пробует и в конце концов начинает гибнуть. Спекуляция засасывает его все больше и больше. Спокойствие потеряно. Он дрожит за каждый срок. Дух неспокоен, голова несвежа... Новый долг подоспел... Начинается беготня, искание денег. Слух идет... Деньги достать труднее... Труднее... Крррах! И фирма готова... Несостоятельность, администрация, конкурс... Он разорен, погиб. Он потерял и свое, и ваше. Ваш вексель предъявляют к вам, и вы отдаете свои последние гроши. «Мерзавец, – скажете вы. – За мою доброту, за мою любезность – так отблагодарить меня!»... Вы, положим, правы, но и он тоже прав, если скажет: «Он (т. е. вы) погубил меня. Если бы он не давал мне векселей – я бы не пускался в рискованные дела и был бы цел теперь!». А если бы вы требовали всегда обеспечения его имуществом, то он

никогда бы не мог погибнуть и никогда бы не решался на предприятия, не входящие в состав его деятельности. Вот почему надо помнить и строго следить за собой, чтобы не брать приятельские векселя. Они губят обе стороны... Примеров этому много в каждом заседании коммерческого суда.

Глава 10. Вред от разбрасывания своих сил на разные дела

У польских евреев есть поговорка: «Многие дела – мало блага». Самое лучшее – посвятить себя одному делу, оставаться при этом деле и выжидать до тех пор, пока оно даст результаты; бросать его стоит лишь тогда только, когда по зрелом обсуждении убедишься, что оно не стоит продолжения. Кто обратил все свое внимание и умение на одно дело – тот будет совершенствоваться в нем и руководствоваться такими мелочами, которые всегда ускользнут от человека менее посвященного. Сосредоточение всех своих сил на одном предмете всегда дает хороший результат, и поэтому каждый деловой человек должен стремиться к достижению высшего успеха в своем деле. Однажды один молодой студент обратился к профессору юридического факультета с таким вопросом: «Я поступаю в университет, но до сих пор еще не решил, какой мне избрать факультет. Что, скажите, юристов много?».

На это профессор ответил так: «На галерее и в средних ярусах народу очень много, но в партере их очень мало, места более, чем нужно». И действительно, нет такой профессии, нет такой области человеческой деятельности, где бы партер, т. е. лучшие места были переполнены выдающимися деятелями. Опытный врач, честный и знающий адвокат, заслуживающей уважения и почета проповедник, образованный и развитой банкир, умный купец, хороший портной, талантливый архитектор, способный артист, писатель, музыкант всегда найдут себе не только занятия, но и получат возможность зарабатывать большие деньги и составить себе капитал. Нужно твердо держаться принятого пути,

не сбиваться с него, не уклоняться в сторону и не расходовать своих сил и энергии на предприятия и дела другой области. Плох тот врач, который увлекается сельским хозяйством... Он манкирует больными; незавиден и адвокат, который садится за композицию симфонии в то время, когда нужно писать апелляционную жалобу. Плох тот писатель, который увлекается торговыми операциями... Муза и биржа плохие товарищи. Разбрасывание своих сил на другие дела есть продукт излишнего оптимизма. Пессимизм, впрочем, еще хуже. Нужно держаться золотой середины и всегда давать простор благоразумным надеждам, не впадая в излишнее благодушие и не надевая розовых очков. Избыток надежды и преклонение перед «авось» граничит часто с созиданием воздушных замков. А насколько эти замки надежны и прочны – знает каждый из нас. Мечтатели никогда не могут быть состоятельными людьми. Каждый их план, каждый проект, едва они его затеяли, считается уже выполненным, оконченным, и потому можно и должно сейчас же затеять еще что-нибудь. Таким образом фантазия и мечтательность и создают то разбрасывание сил, о котором ведем речь. Такой характер – большое несчастье для человека, он никогда не достигнет независимого положения и вечно подвергается горьким разочарованиям. И правда, нельзя продавать шкуру медведя, виденного в лесу; его нужно сначала убить, а затем уже распорядиться его шкурой.

И разбрасывание своих сил, равно как и разбрасывание капитала, одинаково ведут к разорению. Мы часто видим богатых людей, разоряющихся единственно только от того, что они разбрасывают свои средства на десятки предприятий. На своем специальном деле он нажил капиталы, а разбросавшись – погубил их. Отчего? Оттого, что он не может быть

специалистом в десятках дел. Не надо никогда верить уверениям друзей, что у вас «счастливая рука». Друзья любят подбивать богатых людей на разные предприятия и еще больше любят заманивать их в компанейство, в пайщики и проч. Не поддавайтесь. Делайте свое, родное вам дело и не верьте ни «счастью», ни вашей «счастливой руке». Прочно только то, что солидно, в чем вы знаток и мастер. Все остальное всегда рискованно и ненадежно. Многие рассуждают так: «Э, была не была – дам я на новое дело тысяч 20–30... Лопнут – меня это не разорит». И дают. Но затем оказывается, что этих денег мало. Оказывается, что нужно еще добавить тысяч десяток, чтобы спасти дело, иначе оно погибнет! Из боязни не потерять первый взнос вы решаетесь еще на десять, затем еще и еще, и в конце концов вы теряете все. Мыльный пузырь лопнул, и вы стали нищим. Куда давалось счастье? Где ваша «счастливая рука»? Нужно знание и понимание дела, а не вера в призрачное счастье. Так часто ребенок, не зная свойства огня, сует свой пальчик в горящую свечку, обжигается и плачет. Мальчуган, незнакомый с употреблением ружья, платится иногда жизнью за то, что прикоснулся к нему. Поэтому если у вас есть лишние деньги, которые вы не можете пристроить к своему делу, то отдайте их в солидные банковские, по возможности правительственные учреждения и довольствуйтесь лучше меньшим, но верным доходом. Строго наблюдайте, чтобы деньги лежали в нескольких учреждениях, везде понемногу. Излишняя предосторожность никогда не мешает. Вместо банков можете, конечно, без всякого риска держать свои деньги и в ценных бумагах, но, понятно, в бумагах солидных учреждений, а не разных мелких банков и обществ. Общий вывод, заповедь, так сказать, можно формулировать так:

«Заработанные деньги береги в деньгах же и не пускайся на всякие предприятия».

Глава 11. О порядке и системе

Чтобы не делать отдельной главы, уместно здесь же упомянуть и о порядке и систематичности в делах.

Все должно совершаться по заранее обдуманному плану и по строгой системе.

На все должно быть определено время и последовательность.

Порядок – душа всякого занятия, и чем больше наблюдается этот порядок, тем меньше тратится время на непроизводительную работу, на припоминания и розыски. У кого царит порядок в деле, тот всегда спокоен. У кого порядок в деле – тот пользуется большим досугом, чем человек беспорядочный. У кого порядок в деле, тот всегда может рассчитать свое время и заранее знает, когда он кончит свою работу, и знает, что он затем будет делать. Наоборот – человек беспорядочный мечется из стороны в сторону, хватается одновременно за десять дел, но в конце концов у него ничего не выходит, и все дела остаются сделанными наполовину. Такого сорта люди и в делах своих редко достигают чего-нибудь солидного.

Уважайте время других и берегите его, как свое собственное. Раз вы обещали что-нибудь в назначенный час или день, исполняйте безусловно. Если же не можете – уведомьте заранее, откажитесь вовремя, но только не заставляйте человека ждать напрасно. Время – деньги, и красть время значит красть деньги. «Не давши слова – крепись, давши – держись». В мелочах даже нужно быть аккуратным, и излишняя аккуратность никогда не может быть смешною. Лучше придти раньше, чем позже.

Глава 12. Публикации и реклама

Первое и самое необходимое условие, чтобы публикации (газетные объявления) и рекламы помогали делу: нужно, чтобы они были правдивы и не лгали бы. Обманом вы ничего не добьетесь. Если вы хвалите в своей публикации ваш товар, то он действительно должен быть хорош и по той цене, какую вы объявляете. Многие стесняются публиковать и боятся объявлений. Это большое заблуждение и большое невежество. Вы имеете хорошую, свежую партию товара... Кто знает об этом? Публикуйте, публикуйте больше, и публика придет к вам. И вот если она обманута, если ей предлагают дрянь, – реклама не поможет – товар сядет. Если же товар хорош, то можете потом и слабее рекламировать его, а торговля все-таки будет идти; но первым шагом во всяком деле есть все-таки газетная публикация. Объявляйте, публикуйте, рекламируйте! Всегда, безостановочно, щедро! Кто сеет, тот и жнет! Кто публикует, тот приобретает покупателей, клиентов, а они дадут барыш. Публика любит купить хорошо и дешево, поэтому если у вас явилась возможность предложить нечто порядочное за выгодную цену, то объявляйте об этом, кричите, чтобы все слышали. Печатайте публикации, прикладывайте к газетам отдельные приложения, выпускайте брошюры, прејскуранты и проч., но при этом никогда не ограничивайтесь только своим городом. Обращайтесь к «большой публике», к провинции, ко всей стране. Хорошо и дешево купить любят везде, на всем земном шаре. Публикации нельзя делать наполовину, т. е. начать их и бросить. Публиковать нужно всегда, безостановочно, ибо каждая публикация приносит новых клиентов. Наконец, публикация, хотя бы и

коротенькая, напоминает публике о фирме. Иногда раздаются такие жалобы:

- Пробовал я публиковать - ничего не вышло. А товар у меня превосходный и дешевый.

- А как вы публиковали?

- Да как, раза три вышло в одном еженедельном журнале... Ничего, нет толку.

- Гм! Зря деньги потратили.

Публикации похожи на образование. Немножко образования - хуже, чем никакого. Вот как рассуждает деловой американец. «Первую вашу публикаций читатель не замечает вовсе; вторую он видит, но не читает; третью - прочтет; при четвертой он взглянет на цену; при пятой он обратит внимание своей жены на товар и цену; при шестой он решается попробовать и при седьмой только входит к вам в магазин и покупает». Поэтому публиковать мало - значит бросать деньги на ветер. Нужно так и товар расценивать, чтобы каждая партия выдерживала известный процент, отчисляемый на публикацию о ней.

Удается иногда составить такую публикацию, которая сразу останавливает на себе внимание читателя. Такие объявления встречаются, однако, редко и принадлежат людям с особенным для этого талантом. И такой талант надо ценить очень, очень высоко в торговом и ином деловом мире. Новизна и оригинальность в рекламе всегда дают хороший результат. Один американский торговец повесил над своим магазином вывеску (ребром) и написал на одной стороне ее рекламу о товаре, а на другой - крупными буквами: «Просят обратную сторону этой вывески не читать». Понятная вещь, что всякий проходящий непременно прочитывал обратную сторону, и таким образом реклама купца удалась как нельзя лучше.

Но какой вид рекламы лучший, какой вид ее дает наибольший результат? На это ответить почти

невозможно. Газетные публикации, во всяком случае, наиболее надежный способ, но нельзя пренебрегать и объявлениями на столбах, в вагонах конно-железной дороги, в коридорах гостиниц, при путеводителях, при книгах, расходящихся в большом количестве экземпляров, на театральных занавесах и т. д. Хороши рекламы, вставленные в повесть или роман, а еще лучше – вставленные в театральные комедии, оперетки и т. п.

Глава 13. Честность - лучшая гарантия успеха

Честность и доброе имя дороже всех сокровищ и алмазов мира. Старый ростовщик так учил сына житейской премудрости: «Жизнь заключается в деньгах, заработай их, если можно, честным путем, но заработай непременно». «Если можно» звучит здесь какой-то иронией. Напрасно! Нет ничего труднее в мире, как разбогатеть нечестным путем. Подлость и обман обнаруживаются очень скоро, и ни один мошенник не составил себе прочного положения. По этому одному уже невыгодно делать подлости и вести свои дела нечисто. Как ни будь такой человек предупредителен и внимателен к публике – она все-таки отвернется от него, раз он будет уличен в мошенничестве или в каком-нибудь нечестном поступке. Самая строгая добросовестность есть лучший залог успеха во всяком общественном или коммерческом предприятии. Прочность, устойчивость убеждений и твердые принципы есть величайшее благо для делового человека. С такими данными человеку нечего бояться в жизни, и он может взяться за всякое свое дело в расчете на полнейший его успех. Ему будут верить, его будут уважать; а это уже много для всякого деятеля. Слово такого человека будет иметь вес и значение. А отсюда является и влияние его и сила. Успех дела не означает непременно наживу несметного капитала... Успехом надо тут признать ту степень развития дела, которая обеспечивает как само дело, так и безбедное существование его предпринимателя. Раз дело покрывает все расходы, удовлетворяет всем потребностям хозяина – оно и есть уже самый капитал, самое богатство. Поэтому горячая погоня за излишними

деньгами не может быть оправдываема, не может быть признана явлением нормальным и здоровым. Но деньги сами по себе, конечно, могут служить источником неисчислимых благ, раз только они в руках благоразумного, благородного человека. Деньги обеспечивают нас, дают нам возможность воспитать своих детей и помогать нуждающимся. И вот при таких-то условиях желание быть богатым есть желание похвальное и вполне законное. Помогать бедным есть обязанность каждого состоятельного человека. Но помощь эта должна быть разумная, целесообразная, не случайная, а систематическая, упорядоченная. «Не подавайте нищим». Никогда не подавайте. Истинный нищий не протягивает руку и стыдится просить. Те, которые просят Христовым именем, обыкновенно нищие-промышленники. Помогайте бедным; помогайте известной вам бедной, но честной семье! Воспитайте ребенка этой семьи, платите за него в школу, подарите этой семье в праздник новое платье, порадуйте ее, утешьте. Помогайте бедной вдове с ребятами, давайте ей определенное пособие ежемесячно; лечите бедняков, платите за них доктору и аптекарю; открывайте школы, больницы, лечебницы, богадельни – для них еще найдется много места на земном шаре; но никогда не подавайте нищим-попрошайкам.

Вот при каких условиях, вот при каких стремлениях каждый человек не только может, но должен стремиться к богатству... Иначе это стремление – разврат.

Добрые советы

Никогда не болтайте лишнего. Вы можете увлечься и разоблачить свои торговые, деловые тайны. Это прямо невыгодно. Будьте осторожны с письмами. Мефистофель говорит: «Не пишите писем и никогда не уничтожайте полученных». Но Мефистофель был совсем не деловой человек. Деловые письма пишите непременно; отвечайте по возможности тотчас же и отправляйте немедленно. В выражениях будьте осторожны и осмотрительны. Раньше времени, пока нет существеннейшей необходимости, не рассказывайте никогда о своих убытках или потерях. Такие сообщения подрывают веру в ваши силы и ослабляют репутацию дельца. Как бы вы ни были богаты, пусть у вас будут миллионы – вы обязательно должны дать вашим сыновьям хорошее и непременно специальное образование. Случая в жизни нельзя предвидеть. Вы можете обеднеть, и горе тогда вашим детям, если они не к чему не подготовлены. Пусть хоть изучат какую-нибудь специальность, тогда они не пропадут и будут в состоянии прокормить себя.

Читайте газеты, и по возможности хорошие газеты. Всякому деловому человеку нужно быть в курсе мировых и отечественных событий. Газеты часто наводят на полезные мысли, на планы и проекты, осуществление которых может принести большую пользу. Изобретения и нововведения помогают всякому делу. Политические и политико-экономические отделы газет дают часто указания, полезные развитому деловому человеку. Уважайте прессу; она лучший ваш помощник, руководитель и наставник.

Будьте изысканно вежливы и предупредительны с вашими клиентами. Ни изящество магазина, ни

роскошные зеркальные стекла, ни роскошные вывески, ни, наконец, доброкачественность вашего товара не выручат вас, если вы сами и ваши приказчики не будете вежливы и деликатны. Чем вы любезнее - тем вы приятнее вашему клиенту или покупателю, тем охотнее он идет к вам. Надо помнить, что вы для публики, а не публика для вас. Грубостью вы разгоните всех клиентов. Нетрудно путем публикации и рекламы привлечь клиентов, но нужно уметь и удержать их. А это достигается только умением обращаться с публикой. Берите лучше меньший барыш, но продавайте больше, тогда дело ваше будет процветать, и вы будете наживать деньги!

Верена Вибек

Загадочная история мистера Барнума

Благороднейшее из искусств – искусство делать счастливыми других людей.

Финеас Тейлор Барнум

Пролог

В некотором отношении деньги подобны огню: они превосходный слуга, но ужасный хозяин. Когда вы подвластны им, когда проценты играют против вас, деньги держат вас в наихудшем роде рабства. Но позвольте деньгам работать на вас – и вы получите самого верного в мире слугу (Финеас Тейлор Барнум).

- Дамы и господа, предлагаем вашему вниманию уникальный аттракцион! Джойс Хет – этой удивительной женщине сегодня исполнился 161 год, уже одно это достойно внимания, но важнее вовсе не это. Джойс Хет – первая женщина, надевшая штаны на отца Америки, именно она была няней Джорджа Вашингтона^[3]...

Ведущий продолжал свой рассказ. В углу сцены показался человек, подталкивающий перед собой наспех сделанную деревянную повозку, в которой сидела изъеденная морщинами чернокожая женщина. Взгляд ее давно остановился, а ноги и всю левую половину тела парализовало несколько лет назад.

Шоу Линдси и Бартрэма имело успех. Вот уже несколько дней подряд они собирали аншлаги. Одним из посетителей сегодня был двадцатипятилетний Финеас Тейлор Барнум. Он с интересом наблюдал за тем, как эти ребята организовали свое шоу, и не мог сдержать восхищения, увидев на сцене Джойс Хет. Слепая и практически полностью парализованная старуха сумела в своем возрасте сохранить на удивление острый ум и четкую дикцию. Сейчас она хорошо поставленным голосом читала проповедь со сцены одного из балаганов на передвижной выставке.

Здесь же работал и сам Финеас Барнум, вот только дела у него сейчас шли не очень хорошо.

Его жена сейчас была беременна вторым ребенком. Он обещал своей горячо любимой Халетт, что он подарит ей безбедную и счастливую жизнь, что он построит для нее огромный дом, настолько огромный, что... что это будет даже неприлично. И вот прошло шесть лет, а война за безбедное существование все еще продолжалась. Причем Барнум эту битву явно проигрывал.

- Сколько, говоришь, ей лет? - поинтересовался он у Рональда Линдси - одного из авторов этого шоу, а по совместительству владельца бывшей няни американского президента.

- 161 сегодня исполнилось, - с гордостью сообщил мужчина.

- Надо же, а выглядит значительно старше, - пробормотал Финеас.

- Вчера у нее тоже день рожденья был, эдак ей и двести лет через недельку стукнет, - вклинился в их беседу изрядно подвыпивший мужчина. Он, как и большинство посетителей балагана, пришел сюда скоротать вечер после трудовой смены. Здесь вся публика состояла сплошь из эмигрантов, лишь недавно ступивших на земли Нового света. Добрая половина людей здесь попросту не понимала английского, так что, по большому счету, всем было плевать, что именно кричит человек со сцены, всем просто хотелось поглазеть на диковинку за бокалом пива или рома.

Когда старуха закончила проповедь, ее повозку стали медленно откатывать назад. Оказавшись за сценой, старуха тут же начала костерить своих владельцев и жаловаться на холод в помещении. Линдси и Бертрам, желавшие похвастаться перед Барнумом своим аттракционом, лишь с презрением

приказали кому-то налить женщине чего покрепче, чтобы та наконец замолчала.

- Я бы хотел купить ее у вас, - заявил Финеас Барнум, когда старуху увели в одну из каморок, исполнявших одновременно функции складов и примерных.

Владелец Джойс поначалу оторопел, а затем наотрез отказался. Впрочем, Финеас Барнум всегда умел убеждать, поэтому уже в конце вечера изрядно выпившие устроители шоу все же согласились на сделку. Вот только сумма, которую они озвучили, была несуразно огромной. 1500 долларов. За такие деньги можно было купить здорового молодого раба, который прослужил бы своим владельцам не один десяток лет. Джойс Хет, по версии ее владельцев, был 161 год.

- 1500 долларов, - назвал свою окончательную цену Линдси и с силой стукнул кружкой по столу.

- Договорились, - кивнул Финеас Барнум после минутной заминки.

У него не было и половины требующейся суммы, а дома его ждали обожаемые «девочки»: беременная жена и дочь. С другой стороны, когда-то он дал обещание построить до неприличия огромный дом. А его дед, невероятный выдумщик и выдающийся бизнесмен, учил его, что главное для мужчины - всегда держать свое слово.

На следующий день они оформили сделку, и Финеас стал полноправным владельцем рабыни. Линдси и Бертрам уже собирались уходить, а Финеас сказал, что задержится у нотариуса еще на несколько минут. Владельцы шоу пожали плечами и попрощались с ним. Финеас же попросил нотариуса оформить еще одну бумагу - вольную для Джойс Хет. Услышав это, старуха начала возмущаться.

- Что мне делать с этой вашей свободой?! - прикрикнула на него старуха.

- То же, что и раньше. Вы будете работать в шоу, но только теперь на меня. Я сын священника, и мне противна идея рабства. Финеас Барнум никогда не держал рабов и не будет, - весьма патетично заявил он.

В те годы на продвинутом севере страны очень многие разделяли убеждения Барнума, но одно дело - сетовать на существование рабства в цивилизованном обществе, и совсем другое - намеренно оформлять законное право на свободу каждому своему рабу. Такое мог себе позволить только очень обеспеченный человек, а Барнуму было еще очень далеко до этого.

Уже через пару дней все мальчишки-зазывалы передвижной ярмарки в центре Нью-Йорка кричали о небывалом представлении - проповеди няни самого Джорджа Вашингтона в новом шоу Финеаса Барнума. Возле входа в варьете Барнума впервые за долгое время образовалась небольшая очередь. На следующий день эта очередь стала чуть больше, а спустя неделю актеры шоу уже привыкли к аншлагу. Через две недели выставка закрылась, и нужно было отправляться в турне по городам Севера страны. Обычный ритм жизни актеров сайдшоу^[4] того времени. Оставлять беременную жену, конечно, не хотелось, но и сидеть без дела Финеас не привык.

Практически все заработанное на выступлениях Джойс пришлось потратить на транспортные расходы. Нужно было купить лошадей, фургон, заплатить аванс актерам... В то время Барнум содержал шоу вместе со своим старинным приятелем и напарником. Тот всегда поддерживал любые безумные идеи друга, кроме жалованья актерам - это уж чересчур. Его тоже можно было понять: актеры балаганов - люди ненадежные. И если можно как-то проиллюстрировать поговорку о том, что деньги портят людей, то актеры балаганов XIX века были живым примером этого. Получив деньги, они

моментаально пропивали все заработанное и пропадали где-то в пьяном смраде дешевых кабаков.

Остановившись в первом же городе, они поняли, что это турне ничего, кроме убытков, не принесет. Народ совершенно не желал идти на представления передвижного театра Барнума. Несколько изрядно выпивших работяг, которые сидели на первом шоу, не окупили даже затрат на еду для актеров в тот вечер. Барнум попросил мальчишек, продающих по утрам газеты, рекламировать его шоу. Позвонил в местные газеты и стал лично ходить по магазинам города и рассказывать продавцам о своем новом шоу. Кто в городишке на пару сотен человек имеет бóльшую власть и влияние, чем продавцы бакалейных лавок? Разве что проповедники, но с ними Барнум предпочитал не иметь дела.

Напарник Финеаса, да и все актеры балагана с насмешкой смотрели на тщетные усилия Барнума. Ни няня Джорджа Вашингтона, ни какие-либо другие развлечения не могли привлечь внимание насквозь пуританской публики местного городка. Барнум попросту зря тратил деньги на рекламу. Театр в те годы считался чем-то дешевым и низкопробным, а их шоу называлось как раз театром. Идти на их представления попросту стеснялись.

- Нужно привлечь к себе внимание, и тогда люди сами будут ломиться к нам на шоу, - повторял Барнум. Конечно, нужно. Прописная истина. Вот только как это сделать?..

Через пару дней ситуация выправилась. На шоу стали приходиться люди. Первую же прибыль Барнум потратил на... новый костюм, чем окончательно вывел из себя компаньона. Всю дорогу до следующего города он без конца подтрунивал над другом, который выглядел в новом костюме как проповедник местной церкви.

Следующий городок, в котором они остановились, оказался еще меньше предыдущего. Пустынные улицы и заброшенные бакалейные лавки создавали впечатление города-призрака. Они остановились в местной гостинице, а фургон со всем реквизитом поставили прямо перед входом. Шоу намеревались поставить в небольшом баре на первом этаже этой же гостиницы – в самом приличном питейном заведении города. До выступления оставалось еще много времени, и Барнум отправился прогуляться по городу. Параллельно с этим можно было поговорить с людьми и рассказать о предстоящем шоу. Да и в редакцию местной газеты нужно было зайти, чтобы те написали о театре Барнума.

Город казался практически безлюдным. Все магазины и бакалейные лавки пустовали. Лишь пару раз Барнум натолкнулся на небольшие компании людей. Все они тихонько переговаривались о чем-то. Из обрывков фраз стало понятно, что всех волнует что-то связанное с местным проповедником, но что именно, Барнум так и не понял. Любой новый человек в таких городках навсегда оставался чужаком. И через день, и через десять лет жизни в том городе новый человек все равно оставался иностранцем.

Выйдя из бакалейной лавки, Барнум услышал чьи-то голоса. Обернувшись, он увидел толпу людей, чему страшно удивился. Он уже хотел было подойти к ним, чтобы рассказать о своем шоу, но те первыми заметили его и... побежали за ним. Барнум и не подумал убежать. Он ведь не сделал ничего плохого. Лишь когда один работяга добежал до него и со всей силы ударил по лицу, Барнум понял, что нужно убежать. Он ринулся в одну из местных лавок, в которую уже заходил сегодня, и выбежал через черный ход в соседний проулок. Толпа не сразу разгадала этот трюк, и Барнуму удалось оторваться, но вскоре десяток разъяренных мужчин

вновь поравнялись с ним. Они окружили его и начали избивать. Из разъяренных криков ничего не было понятно. Удалось уловить лишь, что все дело в проповеднике. Как связан Барнум с проповедником местной церкви, было неясно.

Каким-то чудом Барнуму все же удалось добежать до гостиницы. Толпа не просто собиралась побить Барнума, она горела желанием убить его. Причем было совершенно не ясно, за что. Ведь для убийства всегда должна быть какая-то веская причина.

Хозяин мотеля, меланхолично вытиравший бокалы за барной стойкой, уже напрягся. Толпа ломилась в запертые двери. Еще немного, и они бы разнесли всю гостиницу по дощечке. Барнум умолял не открывать им. Тут со второго этажа спустился напарник Барнума.

- Меня хотят убить, я не знаю почему, но они... - начал объяснять Барнум.

- Я знаю, - отмахнулся напарник, - это я же и подстроил.

- За что?!

- Шутка, - развел приятель руками, - все как ты учил. Теперь о нас заговорили, и на шоу придут люди.

Оказалось, что совсем недавно проповедник местной церкви убил двоих человек. Жители жаждали отмщения и собирались линчевать его, но служитель церкви где-то затаился. И тут недавно приехавший в город мужчина указал на человека в костюме и котелке точь-в-точь как у проповедника...

Толпа по указке напарника Барнума приняла хозяина театрального шоу за убийцу и собиралась свершить над ним правосудие. Компаньон оказался прав: вечером их ожидал аншлаг, однако сразу после представления Барнум объявил, что они уезжают из города.

- Это все бессмысленно, - наконец сказал кто-то из артистов труппы Барнума. Парень уже затолкал в

повозку все свои вещи и сейчас стоял, прислонившись к стене здания гостиницы.

- Ты о чем?

- Мы слишком много сил и времени тратим на то, чтобы рассказать людям о своем шоу, это невыгодно. Нужно бы вернуться в Нью-Йорк...

«Он сказал тогда: „Дорогой мой Барнум, все это было сделано для нашего с тобой блага. Запомни, чтобы добиться успеха, нам с тобой нужно одно - дурная слава. Вот увидишь, сегодня же весь город заговорит о том, какую шутку сыграл один управляющий цирка с другим, и завтра вечером наш шатер будет забит под завязку“. Он был прав, но слава такой ценой мне была не нужна...» (Финеас Тейлор Барнум).

Там Барнума ждала жена, которой он обещал вернуться победителем. Он не мог себе позволить не сдержать обещание. Так не должны поступать мужчины. Финеас долго смотрел невидящим взглядом на парня, озвучившего только что его собственные мысли, а потом вдруг встал и зашел внутрь гостиницы. Барнум попросил хозяина гостиницы принести ему канцелярские принадлежности. Мужчина недоверчиво посмотрел на него, но все же ушел за ними. Он как будто не верил, что такому, как Барнум, могут потребоваться чернила.

- Пиши, - приказал Финеас своему компаньону, водрузив перед ним стопку бумаги. - Уважаемая редакция, пишет вам житель города (где мы там оказались?), слишком скромный, чтобы назвать свое имя, но слишком восхищенный, чтобы умолчать о прошедших недавно в нашем городе представлениях театра многоуважаемого и достопочтимого мистера Финеаса Барнума. То удивительное мастерство, с которым артисты исполняли все задуманное,

ошеломило и поразило каждого жителя нашего маленького городка. Даже проповедник и шериф, обычно равнодушные к подобным вещам, не остались в стороне и посетили потрясающие представления...

В общей сложности они написали несколько десятков писем с очень похожим содержанием. Все они были написаны анонимными отправителями и все предназначались главным редакторам местных газет, а также шерифам и градоначальникам городков, которые они намеревались посетить в самое ближайшее время.

Почтовая служба в то время работала значительно быстрее, чем передвигались измученные лошади театра Барнума, поэтому анонимные послания достигли администрации города быстрее, чем туда успела въехать труппа передвижного театра. Их здесь уже давно ждали. Компаньон Барнума попросту не верил своим глазам: впервые в жизни он наблюдал очередь за билетами на его шоу.

Глава 1. Остров Плюща

Счастливым случаем всегда на стороне смелого, и никогда не приходит на помощь тому, кто не помогает себе сам.

Финеас Тейлор Барнум

На берегу бурной реки на севере страны, в сотне километров от истерзанного бандами Нью-Йорка, расположилось небольшое поселение, получившее название Бетел. Сюда приезжали эмигранты из Нового света, которые уже успели разочароваться в так называемых больших возможностях Нью-Йорка. Эти люди уже разучились мечтать о моментальном богатстве и оставили надежду отыскать Эльдорадо^[5]. Единственное, чего им на самом деле хотелось, так это спокойной и размеренной жизни в согласии с Богом и с самим собой. Как и полагается, здесь не принято было выделяться, иметь свое мнение и стремиться к чему-то большему, что мог дать этот город.

Возможно, именно поэтому старик Барнум, дед Финеаса, хоть и слыл богатым человеком, но особенным уважением среди местных жителей не пользовался. Судья, владелец местной лотереи, крупный землевладелец, входящий в состав правления города, Фило Барнум слыл интриганом и сплетником, а заодно и знатным выдумщиком. Любимым его занятием было посещение местного бара, в котором он мог часами рассказывать совершенно невероятные истории. Причем каждый раз рассказы старика так поражали и удивляли, что им никто не хотел верить, но иногда все же верить приходилось.

«Я думаю, что в каждом небольшом городе Штатов найдется хотя бы один бар, в котором царит совершенно неповторимая атмосфера. Там обязательно есть человек десять-пятнадцать, которые буквально живут там. Это совершенно особые люди. Они могут часами рассказывать совершенно невероятные байки. Поскольку никаких других развлечений в таких городках нет, их собираются послушать. Бетел не был исключением. Мой дед обожал сидеть здесь и рассказывать невероятные истории и придумывать разнообразные розыгрыши» (Финеас Тейлор Барнум).

Особенно дед мальчика гордился одним розыгрышем, за который его чуть не забили до смерти. В то время он служил на морском судне и пользовался уважением у своей команды. В море они пробыли долго, да к тому же вся команда была новой, откуда-то из Европы. Решив подшутить, старый Барнум убедил всех, что в Штатах модно брить лишь половину лица, а вторую оставлять с бородой. Все, конечно, решили побриться под стать современной моде, а старый Барнум всем уступал свою очередь воспользоваться бритвой. Он привел свое лицо в порядок, когда на горизонте уже показалась суша. Дед Финеаса как и всегда побрил себе все лицо и... случайно выронил бритву в море. На сушу вышел один похожий на человека Барнум и целый отряд матросов, выглядевших как отряд беглецов из лечебницы для душевнобольных.

Всем было известно, что во владении старика находится старинное поместье Остров Плюща. Об этом говорилось во всех городских документах. Старик Барнум мог часами напролет рассказывать о фантастических богатствах, сокрытых в этих землях. Остров действительно принадлежал Барнуму, а побывать там никому доселе не приходилось, так что

жителям Бетела оставалось только верить и завидовать.

«Впервые я появился на сцене под названием Земля в пятый день июля 1810 года от Рождества Христова. Как только закончился День независимости, отгремели пушечные залпы в честь годовщины нашей страны, рассеялся дым, затихла барабанная дробь и восстановились тишина и порядок, настало время моего дебюта» (Финеас Тейлор Барнум).

Финеас Барнум родился в семье кладовщика и его второй жены Айрин. С отцом Финеас никогда не ладил. Мальчик с рождения бредил завиральными идеями, а отцу мальчика таких историй хватало и от собственного отца, от сына он всю эту глупость слышать не желал. Большую часть времени Финеас проводил с дедом, именно он и воспитал мальчика, научил того читать, считать и вести бизнес.

- Когда подрастешь, тебе в наследство перейдет мое поместье - Остров Плюща, - скрипел старый Барнум.

Об этом острове Финеас слышал чуть ли не с рождения. Детская фантазия подкидывала ему все новые образы этого удивительного и сказочного места, скрывающего сотни и сотни тысяч долларов в своих недрах. Финеас никогда не бывал на этом острове, поэтому оставалось лишь фантазировать и мечтать. Естественно, обо всех своих домыслах он без конца рассказывал соседям и друзьям, и, уж конечно, каждая домохозяйка Бетела считала своим долгом подтрунивать над не в меру разбушевавшимся детским воображением.

- Ну что, лорд Барнум, вы уже разбогатели? - с доброй издевкой интересовались они.

- Пока нет, - на полном серьезе отвечал мальчик.

«Дед любил мне повторять, что Остров Плюща достанется после его смерти мне, а не моим братьям и сестрам. Он говорил, что это из-за моего имени – Финеас, в честь деда» (Финеас Тейлор Барнум).

Дед Финеаса рассказал мальчику о тонкостях проведения городской лотереи, и мальчик явно увлекся этим делом. Он уже хотел было открыть свою собственную лотерею, но тут произошло то, чего мальчик никак не ожидал. Старый Барнум умер, а вместе с ним Финеас должен был похоронить и все свои мечты о лучшей жизни. Горю мальчика не было предела. Целыми днями он без дела слонялся по городу и попросту не знал, как найти себе применение. Отец настаивал на том, чтобы сын начал помогать ему в бакалейной лавке, но Финеас не желал и думать об этом. Мысль о том, чтобы, как и отец, провести всю свою жизнь за прилавком этого небольшого магазина, приводила его в ужас.

- У меня есть поместье, и я найду ему достойное применение, - категорично заявлял он отцу.

Старик Барнум не обманул, он действительно оставил в наследство внуку свое главное богатство – поместье Остров Плюща. Вот только мальчик никогда его не видел.

- Хорошо, лорд Барнум, поедem посмотрим твое поместье, а потом начнешь работать у меня в лавке, - с нескрываемой злостью сказал отец мальчика. Мужчине было обидно и досадно, что старый Барнум оставил все свое имущество в наследство не ему, законному сыну, а внуку. Мало того, что в их семье деньги никогда не были лишними, так еще этим поступком старик окончательно сбил с толку Финеаса. Тот теперь окончательно уверовал в то, что разбогатеет. Большие

деньги – это всего лишь большие проблемы... Но как объяснить это двенадцатилетнему мальчишке?

Спустя несколько месяцев после смерти старого Барнума они действительно поехали в поместье Остров Старого Плюща. Финеас буквально не мог и не желал верить тому, что открылось его глазам. Никаких роскошных замков и несметных богатств, зарытых в землю, тут не было и в помине. До самого горизонта тянулось бескрайнее, затянутое тиной и травой болото. По окаемке поместья росли редкие деревья. Кроме них здесь были лишь редкие кустарники, ил и ледяное зыбкое месиво, именуемое здесь Болотами Плюща. Старик не обманул, поместье действительно было, плющ тоже, но... Эта земля стоила сущие копейки, на которые невозможно было даже приличный дом в Бетеле купить. Да, по большому счету, и продать такие земли было невозможно. Кому нужны заброшенные болота в десятках километрах от ближайшего населенного пункта. Здесь даже индейцев не встретишь. Они же не дураки, чтобы погибать в трясине, зачем им здесь показываться?..

– Теперь понял, что у тебя за поместье, лорд Барнум? – с довольной ухмылкой поинтересовался отец Финеаса. Мальчик лишь ошеломленно кивнул.

«Моя мама часто напоминала мне о том, какая огромная собственность мне принадлежит, а отец время от времени спрашивал меня, буду ли я, вступив в права наследования, помогать своей семье, не забуду ли я о них. Когда я увидел, что представляет собой это поместье, я был буквально раздавлен. Оказалось, что все мои родственники и соседи дурачили меня на протяжении нескольких лет» (Финеас Тейлор Барнум).

Вернувшись из этой поездки, Финеас действительно начал помогать отцу в бакалейной лавке. День за днем

он продавал самые разные товары жителям Бетела, слушал сплетни, моментально разлетавшиеся по городу, иногда помогал советом и всегда умел развеселить даже самую грустную покупательницу. Жители Бетела обожали наглого и веселого мальчишку из лавки бакалейщика и часто заходили сюда просто для того, чтобы поболтать.

Бизнес отца Финеаса постепенно расширялся. За несколько лет он приобрел еще пару магазинов и даже стал владельцем единственной в городе гостиницы. Финеас неплохо справлялся со своими обязанностями, а с недавнего времени стал уговаривать отца разрешить проводить городские лотереи в магазине. Дело это, безусловно, обещало быть прибыльным, вот только небогоугодным. Население Бетела, равно как и любого другого небольшого городка Америки тех лет, было очень религиозным. Главным в городе был вовсе не градоначальник, а настоятель местной кальвинистской церкви. Не только выпивка, но даже громкие детские игры считались здесь делом, противоречащим божественному замыслу. По воскресеньям надлежало сидеть дома. Все магазины должны были быть в этот день закрыты, а общественные мероприятия и празднества переносились на другое время. Для магазинов эти так называемые «синие законы» были настоящей катастрофой. Все работающие граждане имели лишь один день в неделю, когда им позволено было отдохнуть от трудов праведных, запрещать торговлю в этот день было, по мнению Финеаса, как минимум жестоко. Что уж и говорить о лотереях. Прямого запрета церкви на них пока не было, но лишь по той простой причине, что в городе доселе никто никаких лотерей не проводил. Финеас прослышал о новомодной забаве от весьма сомнительных типов из Нью-Йорка, остановившихся здесь на пару дней. Мальчик, страстно мечтавший хоть раз в жизни

побывать в «дьявольском муравейнике», с замиранием сердца слушал подробности о жизни в самом большом на тот момент городе страны.

Когда Финеасу исполнилось шестнадцать, отец его начал сильно сдавать. Здоровье мужчины резко подкосилось, и все дела постепенно стал вести Финеас. Несколько месяцев отец мальчика постепенно угасал, а за несколько дней до Рождества его не стало. Отныне все заботы о матери и двух сестрах теперь лежали на Финеасе. Впрочем, если смерть старика Барнума действительно подкосила мальчика, кончину отца он переживал относительно легко. Он никогда не был близок с ним, никогда не понимал его логики в бизнесе и не разделял взглядов. Да Финеас даже в Бога не верил, впрочем, он опасался об этом говорить даже собственной матери. Финеас Барнум всегда верил лишь в людей, в их доброту и благородство.

«Люди лучше и умнее, чем думают многие бизнесмены. В этом-то и заключается главная их ошибка. Всех всегда можно одурачить, ведь, по большому счету, люди сами этого хотят, но они не должны при этом разочароваться в вашем товаре. Люди всегда должны получать больше, чем ожидали, а не меньше. Можно подшутить, чтобы продать свой товар, но никогда нельзя держать людей за дураков» (Финеас Тейлор Барнум).

Глава 2. Удиви меня

Спустя несколько дней после похорон Финеас Барнум вновь стоял за прилавком бакалейной лавки. Покупателей было много. Все хотели зайти сюда, чтобы поддержать мальчишку, на которого в шестнадцать лет свалилось столько проблем.

- Заходите еще, кстати, не желаете поучаствовать в лотерее? - сказал на прощание Финеас. Это произошло случайно. Он наклонился, чтобы взять несколько монет для сдачи, и увидел стопку лотерейных билетов, которые сделал еще год назад. Отец тогда запретил даже думать о лотереях, но сейчас он был сам себе хозяин.

- Лотерея? Ну что ж, сколько там мне билетов полагается на сдачу? - пожал плечами фермер, покупавший здесь чай и кофе.

Практически все покупатели в тот день купили по билету, а в конце недели добрая половина города собралась на розыгрыш призов. Так продолжалось несколько недель подряд.

«Среди многочисленных способов, которые я использовал, чтобы самостоятельно заработать денег, еще будучи подростком, был такой, как лотерея... Лотерею в те годы поощряли и церковь, и государство. Как сказал один писатель: „Люди играли в лотерею, чтобы отнести выигранные деньги в церковь, где можно было бы молиться против азартных игр“. Каждый день я продавал билеты на сумму от пятисот до двух тысяч долларов» (Финеас Тейлор Барнум).

Выручка от магазинов росла, и Финеас стал задумываться над тем, как ему рассказать о своей

лотерее всем жителям городка и ближайших фермерских хозяйств. Конечно, можно было надеяться на сарафанное радио, но ведь реклама в газете будет куда эффективнее. Он видел подобное в нью-йоркских газетах, которые оставляли нечастые постояльцы гостиницы.

Вот только газета в их городе была одна, и выпускала ее церковь. Вряд ли там бы одобрили идею рекламы лотереи. Одним из посетителей лавки был и градоначальник, у которого Финеас и решился однажды спросить:

- А что бы вы сказали, если бы, к примеру, я решил выпускать свою газету?

- Свою газету? А что ж ты там печатать будешь, малец? - снисходительно усмехнулся мужчине.

- Я неправильно выразился. Это будет городская газета с обычными новостями, нерелигиозными. Никаких проповедей. Просто новости о том, что где-то открылся магазин, а где-то закрылся, - поспешно исправился Финеас. - И, возможно, там будет колонка, в которой я буду рассказывать о еженедельной лотерее...

- Это та, в которой я выиграл в прошлое воскресенье? Хорошая затея, - все так же снисходительно и добродушно улыбался мужчина.

Отныне дела действительно пошли в гору. Градоначальник даже и не предполагал, что мальчишка воплотит в жизнь завиральную идею с газетой, но уже через пару месяцев детвора на центральной площади истошно кричала о том, что первый выпуск «Глашатая свободы» уже в продаже.

Главный доход теперь приносили лотерея и магазин. Дела гостиницы шли из рук вон плохо, и вскоре Финеас продал ее городу. Она все равно приносила только убытки, а ему срочно нужны были деньги на типографские расходы.

Каждый день рано утром он вновь открывал свою лавку бакалейщика. В целом он уже мог себе позволить нанять продавца, но не спешил с этим. Все дело было в том, что практически каждый день сюда заходила мисс Халетт со своей юной дочерью. Это было одно из самых богатых семейств города, притом очень религиозных. Мисс Халетт с дочерью активно занималась благотворительностью и частенько покупала что-то для сиротских домов. Дочь мисс Халетт была на целых два года старше Барнума, поэтому всерьез мальчишку за прилавком не воспринимала, но всегда живо реагировала на шутки продавца. В лотерее она никогда не участвовала и считала это делом небогоугодным. Впрочем, Финеас подозревал, что так считает скорее не Черити, а ее мать. Всякий раз, когда они заходили, мисс Халетт удалялась в глубь магазина, чтобы изучить ассортимент новых тканей, иголок и тому подобных мелочей, а Черити подходила к прилавку, за которым стоял Барнум, и улыбалась.

- Ну же, удиви меня, - говорила она, и через мгновение они уже хохотали. Над чем именно, знали только эти двое. Эту девушку Финеасу действительно хотелось удивлять. Всю жизнь.

- Только одно свидание, и если тебе не понравится, я больше никогда даже не заговорю с тобой, - в сотый раз предложил девушке девятнадцатилетний Финеас Барнум. Все происходило за пару недель до выпуска первого номера газеты, и Финеасу буквально необходимо было отвлечься. Черити согласилась, но, что еще важнее, согласилась и ее мать. Прогулка по берегу реки стала лучшим, что происходило с Финеасом за все несколько месяцев. Они отчаянно спорили,

смеялись, ссорились и тут же мирились. Двухчасовая прогулка с Черити уверила Финеаса в том, что она та единственная девушка, с которой он хочет прожить эту жизнь, которая всегда будет в него верить, а это ведь самое главное.

Мисс Халетт не хотела этого союза и не одобряла его. Нахальный и наглый Финеас Барнум никогда ей не нравился, и, по мнению женщины, ее дочь была достойна лучшей партии. Она наотрез отказалась благословлять этот союз и даже запретила им видеться. Всегда покорной Черити не оставалось ничего, кроме как согласиться с решением матери.

Спустя пару месяцев в продаже появился первый выпуск «Глашатая свободы», прославивший Финеаса на весь Коннектикут. В одночасье он превратился в одного из самых уважаемых жителей города. Отличное время для сделки на всю жизнь.

Черити исполнился уже двадцать один год, а для того времени быть незамужней в таком возрасте было по меньшей мере странно, если не сказать постыдно. Мисс Халетт не оставалось ничего, кроме как, скрепя сердце, разрешить молодым обвенчаться в церкви. С одним только условием: никогда не уезжать из города.

Финеас обожал и боготворил свою молодую жену, поэтому согласился со всеми условиями ее матери, да и уезжать пока он не собирался. Конечно, мечта о покорении Нью-Йорка все еще маячила перед глазами, но все это так, фантазии, а нужно было уже повзрослеть. Он обещал Черити, что та никогда и ни в чем не будет нуждаться, и намерен был сдержать свое слово.

«К тому времени мне стало ясно, что я еще не нашел своего места в деловом мире. Я понял, что у меня отличные способности зарабатывать деньги, равно как и избавляться от них; но своего призвания,

уготованного мне судьбой и, как я надеялся, для которого я был создан, еще не нашел. Точнее сказать, на тот момент я еще не понял, что оно состоит в том, чтобы удовлетворять ненасытную потребность человеческой природы - любовь к развлечениям и всяческим надувательствам» (Финеас Тейлор Барнум).

Сразу же после свадьбы Финеас и Черити отправились на несколько дней в Нью-Йорк к родственникам девушки. Барнум всегда мечтал побывать в этом огромном мегаполисе, но даже не предполагал, насколько то, что он увидит, будет различаться с рассказами отца об этом городе. Отец бывал там во времена войны, еще в далекой молодости. За несколько десятилетий этот город преобразился до неузнаваемости, превратившись в один из самых современных городов того времени. Более всего Финеасу понравился музей Нью-Йорка, в который они зашли совершенно случайно. Возможно, все дело было в том, что они жили в одном из богатых домов в центре города, возможно, в том, что посещали лишь туристические достопримечательности, а возможно, к впечатлениям прибавился любовный туман медового месяца. Ведь всем известно, что впечатления от города зависят прежде всего от того, с кем ты их разделяешь. Так или иначе, Черити и Финеас были буквально очарованы Нью-Йорком. Когда пришла пора уезжать, оба они уже считали дни до того момента, когда сюда можно будет вернуться. По возвращении домой Черити узнала о том, что беременна, и мечту о новой поездке в Нью-Йорк пришлось отложить до лучших времен.

- Что за глупость этот закон о запрете торговли по воскресеньям?! - воскликнул однажды кто-то из покупателей магазина.

- Единственный день, когда можно отдохнуть, а нам запрещают веселье и праздники, - поддержал его

владелец местной пивной.

- Так велит церковь, а вы и так нарушаете ее заветы, продавая людям яд, - пробормотала вошедшая некстати мисс Халетт.

Финеас Барнум предпочел тогда промолчать. Редкий случай. С одной стороны, он никогда не понимал любителей алкоголя и считал продажу спиртного действительно грязным бизнесом, но, с другой стороны, этот кальвинистский закон о запрете продаж по воскресеньям он ненавидел всей душой. По самым скромным подсчетам, он лишал его четверти всех доходов, а ведь в соседнем Денбери давно отказались от этой глупости. Возможно, стоит просто донести свои мысли до местной администрации? Вот уже несколько раз этот трюк у него получался. Он печатал в своей газете статью о чем-то важном, это поддерживал кто-то из администрации, и что-то начинали делать. Этот трюк и по сей день работает. Сила СМИ поистине всемогуща. Впрочем, ни одному человеку не может везти всегда и во всем.

- Как ты посмел написать это, мальчишка?! - в магазин вошел буквально трясущийся от гнева проповедник. В руках у него был свежий выпуск «Глашатая свободы».

- В чем дело, святой отец? Вы про статью об отмене воскресного закона? - весело поинтересовался Финеас. - Так это просто сведения о мнении общества, не более того. Я опросил нескольких людей и опубликовал их мнение.

- Я закрою твою газету, а в твою чертову лавку больше никто и никогда не придет, поганец, - прошипел проповедник.

Сила церкви в Бетеле была поистине всеобъемлющей. Как бы хорошо к Финеасу ни относились, а все же проповедника уважали больше, да

и боялись его как огня. Даже градоначальник его побаивался.

Спустя пару дней к Финеасу зашел местный судья, а по совместительству сослуживец отца Финеаса, и рассказал о том, что проповедник настроен более чем решительно. Святой отец горел желанием посадить наглого Барнума за решетку и подал иск о клевете.

- Ты ведь можешь рассказать, кто именно высказывался против этого закона, верно? - спросил тот. Финеас мог лишь покачать головой на это. Он не собирался доносить на своих же покупателей, да и глупо предполагать, что кто-то признается в таких речах.

- Тогда мне придется тебя арестовать, парень, - обреченно покачал головой мужчина. Финеас с каким-то удивлением посмотрел сначала на свои руки, а затем на друга отца, после чего протянул обе руки для того, чтобы их связали, как настоящему преступнику.

Предстоящее заключение не сильно волновало Финеаса, но в тот момент его обожаемая Черити была беременна их первенцем. Такие потрясения могли повлечь за собой необратимые последствия, но отступать от своих же слов Финеас был не намерен.

Газета Барнума уже давно была главной головной болью местного проповедника, поэтому тот просто ждал повода для иска о клевете. А заодно он позаботился о том, чтобы подобные иски подали и самые верные его прихожане, в том числе и мисс Халетт.

Процесс длился всего пару недель. За это время Барнум превратился в главного оппозиционера и «глашатая свободы» Коннектикута. У судьи просто не было выбора. Оправдать Барнума означало бы породить волну народных бунтов, а этого он не мог себе позволить. Большой срок означал бы то же самое.

Итогом разбирательства стал арест на два месяца и безутешные слезы Черити.

По истечении положенного срока Финеас вышел на свободу настоящим героем. Встречать его пришла добрая половина города. Все спрашивали о том, когда откроется его магазин и когда можно будет купить билет на следующую лотерею.

Мысли о том, чтобы запретить подобные розыгрыши, уже давно витали в администрации штата, но здесь градоначальник был непреклонен. Он сам обожал все эти розыгрыши, так что запрещать невинную забаву был не намерен, а вот выпуск газеты все же пришлось остановить. Еще одним последствием ареста Барнума стали колоссальные убытки магазина. За время заточения большинство товаров испортилось, но, что еще страшнее, отныне покупатели опасались отовариваться в лавке Барнума. Тем самым можно было навлечь гнев проповедника и даже получить отлучение от церкви, а более страшного наказания для богобоязненных жителей Бетела просто быть не могло.

Главным и единственным постоянным источником дохода теперь были еженедельные лотереи, которые Барнум проводил с нескрываемым удовольствием. Никакие запреты проповедника не могли заставить тихих американцев отказаться от подобного развлечения. По большому счету, не считая редких передвижных театров, периодически заезжавших в их городок, это было единственным развлечением для жителей города.

В один из дней в тоскующий без покупателей магазин Барнума постучал тот самый друг отца, пару лет назад арестовавший его за ту статью. Мужчина посмотрел на Финеаса немигающим взглядом, а затем положил перед ним газету штата Коннектикут. На первой полосе там был выведен заголовок: «Запретим лотереи!». Такие статьи постоянно печатались и в

местных изданиях, и в газетах штата, но никто уже давно не воспринимал их всерьез.

- На сей раз решение окончательное. Со следующего месяца вступает в силу закон о запрете проведения лотерей на территории штата. Теперь ты вне закона, парень, - сообщил он.

Придя домой, Финеас сообщил Черити эту новость. Девушка заплакала от ужаса. Перед ее глазами уже весьма правдоподобно замаячила перспектива нищеты. Магазин больше не приносил никакого дохода, если они лишатся и лотереи, жить им будет попросту не на что, а ведь у них подрастала дочь.

- У нас нет выбора, мы должны переехать в Нью-Йорк, там я смогу добиться настоящего успеха, - сказал Барнум.

Черити поверила мужу. Она всегда в него верила, и именно за это Финеас души в ней не чаял. Даже в самые мрачные и безысходные моменты, в такие, когда даже величайший шоумен мира переставал верить в свой успех, в него продолжала верить Черити. А ведь это очень важно: чтобы хотя бы один человек в мире верил в то, что ты добьешься успеха. Этого вполне достаточно для того, чтобы изменить мир.

Глава 3. Няня Джорджа Вашингтона

Каждую минуту рождается еще один простак.

Финеас Тейлор Барнум^[6]

Финеас Барнум поспешно выставил на продажу свой магазин и ветхий родительский дом, в котором они с Черити жили. Все это ушло за бесценок. Все в городе слишком хорошо были осведомлены о том, как туго идут дела сейчас у Барнума. Впрочем, он и не надеялся выручить за все это сколько-нибудь приличную сумму. Проповедник постарался на славу и действительно основательно подпортил жизнь Барнуму. Вырученных денег должно было хватить на несколько месяцев жизни в Нью-Йорке, за которые Финеас надеялся найти себе занятие по душе. Тогда он еще весьма смутно представлял, чем именно ему бы хотелось заниматься. В голову приходили разве что передвижные театры, которые изредка навевались в их город. Конечно, услышь подобные мысли его отец, он бы придушил сына собственными руками. Но отец Финеаса давно умер, и за эти несколько лет Финеас Барнум понял, что мир ограничивается лишь тем, на что способно твое воображение, и никакие запреты родителей, проповедников и градоначальников не способны помешать осуществлению планов. Только ты сам в ответе за свою жизнь и жизнь своей семьи. Только тебе решать, как ты хочешь зарабатывать деньги.

Черити покидала родной город с тяжелым сердцем, а вот Финеас буквально горел желанием начать все с чистого листа в огромном городе возможностей. Именно таким ему всегда представлялся Нью-Йорк.

Единственным человеком, с которым ему действительно горько было расставаться, был Уильям Генри Джонсон, с которым за годы работы в лавке они стали лучшими друзьями. Уильям порывался поехать вместе с ними, но Финеас настоял на том, что поедет в Нью-Йорк с женой и дочерью и, лишь когда наладит там дела, позовет друга на работу. Как именно он собирался наладить дела, даже сам Финеас пока не представлял.

В 1834 году Финеас Барнум с женой, дочерью и весьма скромной суммой в кармане прибыл в Нью-Йорк. К тому моменту это был огромный промышленный город, буквально утопающий в зловонных запахах из-за гниющего прямо на лицах мусора. Бедные кварталы выглядели особенно мрачно. По вечерам здесь было действительно опасно появляться, в особенности в местах, облюбованных эмигрантами из Старого Света. Эти места превращались в гигантские ночлежки, рассадники чумы, холеры и других опасных для жизни заболеваний. Вдобавок ко всему город буквально разрывали на части местные банды. Преступники, а вовсе не полиция, чувствовали себя здесь хозяевами жизни. Именно таким было первое впечатление от Нью-Йорка. И лишь приглядевшись, можно было увидеть тот город, в который можно было влюбиться. Повсюду здесь были разбросаны магазины, выставки и лаборатории, в которых чуть ли не ежедневно придумывались самые разные технические новинки.

«Я все время рисовал в своем воображении, как добьюсь успеха, если только мне удастся привлечь внимание публики, но я не представлял, как это сделать в таком большом городе, как Нью-Йорк» (Финеас Тейлор Барнум).

Сразу же, как только они взяли в аренду небольшой дом на окраине города, Финеас и Черити вновь

отправились в музей. Это было далеко не самое популярное место в городе. Лишь изредка сюда забредали только что приехавшие в город туристы. Здесь в пустынных залах можно было увидеть удивительные диковинки, древние украшения индейцев, наскальные рисунки, всевозможные «ловцы снов» и прочие неожиданные вещи. Особенный интерес представляли изображения древних животных, которые должны были водиться на территории, которую сейчас занимал Нью-Йорк.

- Если бы грамотно распорядиться этим музеем, он бы мог превратиться в главную достопримечательность города. Не понимаю владельцев музея, как можно так запустить дела... - сетовал Финеас, когда они с Черити выходили из музея.

По дороге домой им предстояло пройти через ряды передвижной ярмарки, расположившейся на нескольких центральных улицах. Вот это место было по-настоящему популярно. Бары, балаганы, кукольные и театрализованные представления... Чего здесь только не было. Барнум заморожено наблюдал за тем, как один мужчина руководит наиболее популярным театром. Несколько его людей бродили по ярмарке и громогласно оповещали людей о предстоящем представлении. У входа толпилась внушительная очередь. Они с Черити тоже встали за билетами. Представление оказалось самым что ни на есть посредственным. Теперь уже стало ясно, что все эти люди попросту послушались громогласных зазывал, явно имеющих доход с каждого приведенного клиента. А ведь и представление тоже можно было сделать ярким, тогда не нужно было бы столько сил тратить на рекламу...

- Вот чем действительно интересно было бы заниматься, - пробормотал Финеас. Жена удивленно повернула к нему голову, но Финеас решил не

продолжать этот разговор. Такие ярмарки считались чем-то совсем уж низкопробным. Конечно, Черити знала, что выходит замуж за обычного лавочника, но ведь продавец – это хотя бы не шут. Театр в Штатах того времени считался чем-то дешевым и очень постыдным. По большому счету, в сознании людей театр и бордель были если и не синонимами, то, по крайней мере, вещами очень сходными.

Альбиносы, бородатые женщины, трансвеститы, шпагоглотатели, гадалки... Балаганы покрупнее предлагали людям посетить сразу несколько аттракционов. Внутри обычно можно было встретить пару представлений, иллюзионистов и обязательно людей с какими-то дефектами. «Шоу уродов» в Европе уже постепенно стали запрещать, или, по крайней мере, осуждать за аморальность, а вот в Америке они были на пике моды. Вплоть до середины XX века такие шоу будут главным развлечением всех ярмарок. Чем более ужасным был дефект, тем было интереснее. Человек без ног зарабатывал в несколько раз больше, чем самый талантливый иллюзионист. Ученые – другое дело. На ярмарке обязательно были небольшие павильоны на одну комнату, где предлагалось подивиться новому чуду техники. К примеру, частенько можно было понаблюдать за тем, как ученый проводит в свой чудесный аппарат женщину, долго настраивает в кабине какие-то дымящиеся трубки и... отрезает ей голову. Затем «ученый» включал свою чудо-машину и женщина оживала. Безголовое создание продолжало двигать руками и ногами, хотя головы у нее уже не было. Естественно, голову потом пришивали на место, а «ученый» начинал свое шоу сначала. Особенной популярностью пользовались всевозможные гадалки, целители и экстрасенсы, коих на таких передвижных ярмарках всегда было несчетное множество. Здесь можно было не только узнать свою судьбу, но и

подкорректировать, купив, к примеру, любовный напиток. Частенько на ярмарке открывались и шоу-музеи, в которых можно было посмотреть на заспиртованных уродцев и древних животных. К примеру, зародыша дракона увидеть здесь можно было запросто. Практически на каждом сайдшоу был такой забальзамированный труп животного, при жизни, правда, бывшего ящерицей, но после смерти преобразившееся в дракона. Практически от каждого здесь можно было услышать совершенно невероятную историю жизни, которая обычно процентов на девяносто состояла из не самого искусного вымысла.

Спустя несколько месяцев бесцельного хождения из одной конторы в другую энтузиазм Барнума немного поугас. Он устроился в одну компанию кладовщиком, а затем даже вновь стал продавать всевозможные мелочи в лавке бакалейщика, но не ради этого он приехал в Нью-Йорк. Финеас Барнум отчаянно хотел начать свое дело, а не заниматься отчаянно скучной и совершенно бесполезной работой. По вечерам он частенько заглядывал на передвижную ярмарку, и в один из дней владелец одного из передвижных театров предложил ему поработать его помощником. Несмотря на ничтожно маленькое жалованье, Финеас согласился. Атмосфера ярмарки казалась ему магической. Все эти странные люди, жонглеры, клоуны, гимнасты, вечно пьяные актеры и галдящая публика, – все это завораживало. Барнум хотел понять, каково это – создавать праздник, работать тем, кто создает радость для людей. Ведь по большому счету основной доход он получал всегда именно этим. Он шутил, радовал и продавал лотерейные билеты. Чем больше он шутил, тем больше была его выручка за день.

Уставшие за рабочую смену люди более всего жаждали зрелищ и развлечений. Именно за хорошее развлечение они готовы были выложить все свои

деньги. Такого же мнения был и приятель Барнума, с которым он познакомился во время работы в том балагане.

- Помню, мой дядя рассказывал о том, как в годы войны его друг купил переносные качели. Он пошел в район, где царили голод и нищета. Над ним подсмеивались, но парень был убежден, что сможет заработать так себе на хлеб. И оказался прав. Изможденные и истощенные голодом люди с готовностью платили по пенни за то, чтобы прокатиться на тех качелях. Это было для них важнее, чем лишняя буханка хлеба, - рассказал как-то будущий партнер по бизнесу. На Барнума эта история произвела настолько сильное впечатление, что впоследствии он вспоминал ее во всех вариантах своей автобиографии, коих он написал за свою жизнь великое множество.

И вот в один из вечеров Финеас Барнум зашел на популярное шоу: проповедь няни самого Джорджа Вашингтона. Увидев то, с каким ликованием публика принимает рассказы слепой и практически парализованной старухи, Финеас Барнум был восхищен. Перед его глазами буквально вспыхнули сцены из его нового будущего шоу. Он знал, как оно должно выглядеть, и знал, как нужно рассказать об этом людям.

«Не стоит и говорить о том, что прежде всего мне нужно было тем или иным способом войти в этот бизнес, и схема проникновения, конечно, была придумана не мной. Мне предстояло найти нечто, что уже некоторое время пользовалось вниманием публики и имело столько поручителей и гарантов своей подлинности, что к тому моменту, как я стал его владельцем, я и сам искренне верил в его достоверность. Таким и было шоу с „няней Вашингтона

Джойс Хет“, которое впервые представило меня миру как шоумена» (Финеас Тейлор Барнум).

В тот же вечер он потратил все свои оставшиеся сбережения на покупку Джойс Хет и принялся за организацию собственного шоу. Узнав о том, что провернул ее муж, Черити расплакалась. Она всегда и во всем поддерживала Финеаса, но потратить все деньги на чернокожую старуху? Собираться вместе с ней на гастроли, которые продлятся по меньшей мере три месяца? Все это было уже слишком.

- Я построю для нас такой большой дом, что это будет даже неприлично, - говорил Финеас, но сейчас, спустя несколько лет после свадьбы, эти обещания звучали уже не так убедительно.

Как только все было готово для начала представлений, Финеас пошел в редакцию местной газеты. В небольшой пыльной комнате здесь сидело лишь несколько человек. Барнум поинтересовался, как ему найти главного редактора. Оказалось, что он сидит в отдельном кабинете, в глубине редакции.

- Чем могу помочь? - весьма вежливо поинтересовался он, с интересом разглядывая посетителя.

- Я бы хотел предложить вам сенсацию. Завтра на передвижной ярмарке будет давать проповедь женщина, которой 161 год и которая была няней самого Джорджа Вашингтона...

Поначалу редактор подумал, что это очередной городской сумасшедший, но по мере того, как Барнум говорил, мужчина убеждался в том, что эта история действительно может заинтересовать людей. Какая разница, сумасшедший тот или нет, если история и вправду интересная?

Вскоре все мальчишки, продающие газеты рядом с площадью анонсировали предстоящее представление

Джойс Хет. Аншлаг был им обеспечен. То же было и на следующий день, а через неделю уже весь город говорил о Джойс Хет. Публика быстро теряет интерес к подобным сенсациям. Людей становилось все меньше, и стало понятно, что нужно ехать на гастроли по маленьким городам.

«Я в долгу перед американской прессой почти за каждый доллар, который у меня есть, и за все мои достижения на ниве управления.»

Свою огромную популярность в родной стране и за рубежом я практически полностью объясняю тем, что в США свободно и постоянно выпускаются массовые журналы» (Ф. Т. Барнум, 1891, за пять дней до смерти).

За пределами Нью-Йорка никто не слышал о Джойс Хет, так что публика вовсе не ломилась на их представления. Финеас без конца твердил о необходимости рекламы их шоу, но никто не воспринимал его слова всерьез. Даже когда он повторил трюк с публикацией в газете информации о выступлении бывшей няни Джорджа Вашингтона, компаньон был весьма скептически настроен в отношении рекламы. Да и актеры Финеаса не поддерживали. Слишком много сил уходило на то, чтобы анонсировать представление. Впрочем, без рекламы не было публики. Как ни крути, а несколько недель подряд они терпели лишь убытки.

После той неудачной шутки компаньона, когда Барнум чуть было не оказался на виселице из-за своего сходства с проповедником, Финеас придумал новый трюк. Нужно анонсировать свои шоу еще до приезда в город, чтобы не тратить время на рекламу. В те годы еще даже телеграф не использовали, поэтому оставалось лишь одно: писать письма. Они стали буквально заваливать городскую администрацию и

редакции местных газет анонимными письмами, в которых расхваливали шоу некоего мистера Барнума. И действительно, в следующем же городе их поджидала толпа людей, желающих воочию увидеть няню отца американской нации.

Спустя несколько месяцев гастрولي подошли к концу. Дорожные расходы превысили все разумные пределы, прежде всего из-за сложностей в транспортировке Джойс и ее постоянных болезней и пристрастия к спиртному. Им удалось немного заработать, но до больших прибылей было еще очень далеко. Вернувшись в Нью-Йорк, Финеас отправился к старому знакомому – редактору одной из местных газет. Мужчина был искренне рад видеть приятеля.

– Мы вернулись в город, об этом стоило бы написать в газете, – сказал Финеас через несколько минут ничего не значащей болтовни.

– Это уже давно не новость, Барнум. Людям быстро надоедают такие диковинки... – развел руками мужчина. – Да и вообще многие сомневаются в том, что она настоящая, – добавил он.

– Как ты сказал? – заинтересовался Финеас.

– Слышал о фонографе? Недавно все газеты трубили об изобретении устройства, записывающего звук. После этой новости многие решили, что Джойс – всего лишь хитрый механизм, – ответил редактор.

– Так вот об этом и напиши, – встрепенулся Барнум.

– Ты... уверен?

– Конечно! Напиши, что Джойс – кукла, а рядом стоящий человек – чревовещатель. Людям захочется проверить, так ли это!

– Если ты просишь...

Финеас вновь оказался прав. Люди действительно вновь повалили поглазеть на старуху, чтобы лично убедиться в том, что она настоящая. Джойс привычно рассказывала о том, как качала кроватку с маленьким

Джорджем, а затем привычно выпивала добрый литр рома. День за днем. Столько спиртного для шестидесятилетней старухи – это уж слишком.

– Где Джойс?! Скоро выступление! – обеспокоенно кричал Финеас за пять минут до очередного представления.

– Мистер Барнум, Джойс сегодня совсем плохо... – промямлил недавно нанятый помощник Финеаса.

– Как?..

Глупо было предполагать, что Джойс проживет еще сотню лет, хотя она частенько над этим шутила. И тем не менее никто не ожидал, что все произойдет так быстро. И именно сейчас, когда он наконец начал действительно неплохо зарабатывать.

Барнум велел отвезти женщину в больницу, но помощник отговорил его от этого. Там бы попросту отказались лечить чернокожую старуху, чьей бы няней та ни была. Пришлось вызвать частного доктора прямо на ярмарку. Эскулап прибыл спустя пару часов. Мужчина скрылся в здании театра, а Финеас остался ждать на улице.

– Мистер Финеас Барнум? – окликнули его. Мужчина обернулся и увидел перед собой полицейского. Барнум вежливо поклонился и удивленно вскинул брови, как будто спрашивая, что произошло.

– Это правда, что вы организуете представления женщины, называющей себя няней Джорджа Вашингтона?

Барнум лишь кивнул.

– Правда ли ей сто шестьдесят один год?

– Уже даже больше, – пробормотал Финеас.

– Вы можете это как-то подтвердить?

– Пойдите и пообщайтесь с ней. Уверю, вам будет интересно, правда, она выглядит чуть... старше своих лет, – усмехнулся Финеас.

- Вынужден пригласить вас в участок, мистер Барнум, - сказал полицейский, оставшись равнодушным к юмору Финеаса.

Наутро Финеас явился в участок. Там выяснилось, что его обвиняют в мошенничестве.

- Вы можете предоставить ее документы? - спросил служитель закона.

- Нет...

- Тогда я вынужден буду вас арестовать за мошенничество, мистер Барнум.

- Джойс была рабыней, а у таких людей нет документов. Человек, у которого я ее купил, утверждал, что ей 161 год, а я искренне поверил в этот факт. Не вижу поводов для сомнений и сейчас. Я оформил бумаги на ее освобождение, и...

- Погодите. Зачем нужно было оформлять эти бумаги?

- Идея рабства противоречит Библии. У меня никогда не было рабов и не будет. Только сотрудники и партнеры по бизнесу.

Полицейский замолчал на секунду, а Финеас продолжал говорить.

- Если пожелаете, я найду нотариуса, который предоставит бумаги, где был указан ее возраст. А если посчитаете необходимым, то я соглашусь на то, чтобы после смерти старушки было проведено вскрытие в местном анатомическом театре. Я даже буду настаивать на этом варианте, так как мне самому интересно, обманули меня или нет...

- Хорошо. Если предоставите такие бумаги, то, вполне вероятно, удастся замять дело, - сдался наконец полицейский.

Выйдя на улицу, Финеас не смог сдержать вздоха облегчения. Впрочем, радость его была явно преждевременной. Из участка Финеас отправился сразу на ярмарку. Его помощник кинулся к нему сразу же, как

только в толпе показался его чересчур экстравагантный плащ, которым Барнум очень гордился.

- Мистер Барнум, Джойс умерла сегодня утром, - сообщил помощник.

Барнуму ничего не оставалось, кроме как устроить шоу из вскрытия Джойс Хет. Только так он мог избежать суда. Глупо было упускать возможность устроить шоу из такого представления в анатомическом театре, поэтому Барнум сумел договориться об анонсе этого события уже в нескольких газетах. Удивительнее было то, что эти газеты успели выйти в положенный срок. Уже через два дня после смерти Джойс во всех газетах города была информация о том, где и когда будет происходить вскрытие знаменитой няни Джорджа Вашингтона.

Полицейский подошел к зданию анатомического театра и был буквально поражен увиденным. Перед входом в это мрачное заведение толпилось несколько сотен людей. Мужчина минут пятнадцать безмолвно наблюдал за тем, как возбужденно гудит толпа в предвкушении зрелища, а привратник у входа взимает плату за вход.

- Добрый день, а мы только вас и ждем, - похлопал по плечу полицейского Финеас Барнум. Мужчина в форме в ужасе обернулся, а Финеас все еще продолжал по-дружески держать служителя закона за плечо. - Вам не нужно платить за посещение, я договорился, - весело подмигнул Барнум.

Полицейский, равно как и толпа зрителей, ожидал какого-то подвоха, искал хоть малейший намек на трюк, но ничего этого не было. На сцену анатомического театра вышел один из самых известных в городе врачей, затем санитары выкатили труп, и эскулап принялся за вполне привычную ему процедуру вскрытия. Большинство людей охнуло от удивления, когда доктор подтвердил тот факт, что старуха была

настоящей и внутренности у нее самые что ни на есть настоящие, а ведь сейчас по всему городу обсуждали куклу по имени Джойс Хет.

- Итак, это, несомненно, очень старая чернокожая женщина, но возраст ее совершенно точно не превышал ста лет, - заключил доктор.

- Он подменил тело! - выкрикнул кто-то из зала. Финеас обернулся на голос и лишь усмехнулся, но никак не возразил. Чем больше слухов, тем лучше. Пора бы уже новое шоу организовывать, в конце концов.

Конечно же, по городу вскоре поползли новые слухи о Джойс Хет. Все твердили о том, что Барнум подменил тело, желая скрыть обман. Кое-кто даже утверждал, что видел его ночью возле здания анатомического театра. Впрочем, это были самые что ни на есть бесполезные слухи. Старушка Хет отправилась в лучший из миров, а Барнум начал готовить новое шоу.

«Если Джойс Хет была самозванкой, то кто научил ее всем этим фокусам? И как получилось, что она так хорошо знала не только старинные псалмы, но и была посвящена в мельчайшие подробности жизни семьи Вашингтонов? На все эти вопросы я, не колеблясь, отвечаю: не знаю. Я ее этому не учил.

Пока Джойс Хет была жива, я лично ни разу не встречался с теми шестью из многих тысяч людей, приходивших посмотреть на нее, которые сомневались в ее возрасте и истории. При этом сотни медиков подтвердили мне, что, по их мнению, заявления негритянки о том, сколько ей лет, вполне соответствовали истине» (Финеас Тейлор Барнум).

Величайший шоумен мира всегда преклонялся перед техникой. Он без конца посещал открытые лекции знаменитых ученых, ходил на презентации то и дело появляющихся новых изобретений. В особенности

сильное впечатление на него произвели опыты с электрическим светом. В те годы в Штаты приезжал знаменитый химик и физик Гемфри Дэви, который презентовал свое уникальное изобретение – дуговую лампу, а вместе с ней показывал удивительные химические опыты. Со стороны казалось, что он настоящий иллюзионист, который без конца показывает фокусы. Правда, в отличие от фокусника, Дэви рассказывал и объяснял все то, что происходило на сцене, с точки зрения науки. Электрический двигатель, лампа накаливания, газовая плита... Все эти изобретения XIX века поражали воображение искушенной публики Нью-Йорка; так что же было бы с публикой в маленьких городках Севера Штатов при виде чудес электричества? Барнум уже предвкушал успех своего нового научного шоу. Он изучил ряд наиболее простых с точки зрения организации трюков, нанял актеров и открыл свое новое шоу. Научно-экспериментальный театр Финеаса Барнума. С этим шоу он намеревался покорить эту страну.

«Везение ни в коем случае нельзя считать основой моего благосостояния; с первых шагов на карьерном пути я все планировал и шел к успеху целенаправленно» (Финеас Тейлор Барнум).

Черити недавно родила третью дочь и была совсем не рада тому, что муж намеревается отправиться в очередное турне по стране. Несколько месяцев разлуки – это слишком долго. Она умоляла мужа остановиться и попробовать себя на более приземленном поприще. Ей хотелось, чтобы Финеас, как и все добропорядочные мужчины среднего класса, каждый день ходил на работу в небольшую контору рядом с домом, а по воскресеньям они бы вместе посещали различные лекции и представления на передвижных ярмарках.

Ведь именно так и выглядит обычное семейное счастье, и не нужно никакого до неприличия большого дома и всех прочих глупостей, о которых все так мечтают в юности. Пора было бы уже спуститься с небес на землю и прочно встать на ноги, но вместо этого Финеас притащил домой новомодную игрушку – калейдоскоп – и стал показывать дочкам свои новые трюки.

– Я просто не прощу себе, если не попробую, – сказал наконец Финеас, когда они в очередной раз поругались из-за предстоящей поездки. – Ты ведь все еще веришь, что я добьюсь успеха?

– Конечно! – ответила Черити. Вполне искренне. Она совершенно не представляла как именно, но Финеас точно должен был добиться успеха. Она попросту не знала людей, более достойных успеха, чем ее муж.

Глава 4. Американский музей

Такой хорошей памяти, как у кредиторов, нет ни у кого другого во всем мире.

Ф. Т. Барнум

Гастроли научно-экспериментального театра провалились, да притом с треском. Кое-как, по большей части благодаря рекламе Финеаса, они держались на плаву, давая представления в Нью-Йорке, но потом и здесь поток зрителей постепенно иссяк.

- Финеас, дорогой, пора повзрослеть... - сказала однажды Черити, когда очередное представление Барнума провалилось. На дворе был 1837 год. Европа, а вслед за ней и Америка переживали глубокий кризис. На днях банки отказались выплачивать золото и серебро, что привело к настоящей панике среди населения. Повсюду начали разворачиваться митинги и шествия, простые люди готовы были разгромить отделения банков, но и это ни к чему не приводило, так как денег в банках больше не было. Впоследствии все это так и назвали - паника 1837 года. Конечно, озлобленные и обнищавшие люди не хотели тратить свои деньги на сомнительные представления в театре.

- Театр - низкопробное искусство, твои эксперименты здесь никому не интересны, - сказал однажды бывший компаньон Барнума, работавший теперь где-то на заводе и получавший два доллара в неделю, которых едва хватало на то, чтобы не умереть от голода.

- Шекспир с тобой бы не согласился, - возразил Финеас Барнум.

- Его времена давно прошли, сейчас театр - это красивое название для борделя, - вздохнул мужчина. В его голосе не было ни грамма злорадства, было видно, что он сам расстроен этим фактом.

Если в Европе театры по-прежнему считались элитарным видом искусства, то в Штатах театры представляли собой холодные и грязные закутки, в которых плохо загримированные актрисы жеманным голосом говорили свои реплики, бросая хищные взгляды на публику. Сюда приходили лишь подвыпившие мужчины, а уж о том, чтобы превратить театр в семейный вид досуга, не могло быть и речи. Идея научно-экспериментального театра провалилась с громким треском и огромными долгами. Им пришлось переехать в небольшую квартирку, чтобы снизить затраты на аренду, но все равно бремя долгов висело над семейством Барнум, словно дамоклов меч.

Мужчина должен зарабатывать деньги. Что бы ни случилось, он должен обеспечивать семью, причем обеспечивать достойно. Об этом Финеас Барнум писал чуть ли не во всех своих статьях и автобиографиях. Пришло время стиснуть зубы и следовать собственным советам.

Нью-Йорк буквально погряз в безработице. Конторы закрывались одна за другой. Побродив несколько дней подряд по городу в поисках работы, Барнум понял, что так ни черта себе не найдет. Неожиданно для себя он оказался на улице, на которой располагалась редакция той самой газеты, в которой впервые написали про Джойс Хет. Почему бы и не зайти к старому другу? Уж что-что, а статьи он всегда писал неплохо.

- Единственное, что я могу предложить, так это написание рекламных статей, но это ведь непостоянный заработок, сам понимаешь, - развел руками сильно постаревший за эти пару лет редактор газеты.

- Это уже хоть что-то! - с преувеличенным энтузиазмом откликнулся Финеас.

Вскоре ему все же удалось устроиться на службу в Bowery Amphitheater. Он пришел туда со стопкой газет, в которых были его рекламные тексты, и его приняли на работу. Это была редакция крупного журнала. Офис ее располагался в нескольких огромных комнатах, заставленных десятками рабочих столов. Ежедневно приходилось писать множество глупых и бесполезных текстов, лишь малая часть которых впоследствии шла в печать. Трудились здесь в основном совсем молодые люди, среди которых двадцатисемилетний Финеас Барнум чувствовал себя настоящим стариком. Жалованья в четыре с половиной доллара в неделю едва хватало на то, чтобы свести концы с концами.

Так продолжалось очень долго, даже слишком долго, чтобы продолжать мечтать. Черити была счастлива тому, что теперь они все вечера проводят вместе. Дочери обожали проводить время с отцом, который был способен каждую минуту превратить в праздник, а самую обычную свечу сделать проектором для показа удивительных картинок. Для этого он использовал самодельный абажур из бумаги, который надевал на свечу и раскручивал. По небольшой спальне девочек в одночасье начинали пролетать тени причудливых животных и растений, вырезанных из бумаги.

Для Черити этой магии было вполне достаточно, но Барнум буквально умирал каждый день, когда понимал, что сейчас ему придется провести еще десять бесполезных часов в редакции. Чтобы развеяться, он частенько проходил мимо музея Скуддера. Иногда он позволял себе заплатить за входной билет и пройтись по пустующим залам. Здесь никогда не было посетителей. Подумать только, одно из самых удивительных мест в Нью-Йорке с тысячей

разнообразных экспонатов, каждый из которых способен был поразить воображение самого привередливого жителя города, и ни одного посетителя.

Пару раз он встречал директора музея. Вскоре уже пожилой мужчина стал вежливо здороваться, легко касаясь бортов своего котелка, когда видел странного посетителя. А однажды они даже разговорились о делах музея. Владелец сетовал на то, что он уже давно и прочно погряз в долгах. Если так дела пойдут и дальше, его скоро придется продать, а этого очень не хотелось делать. Финеас понимал, что если музей продадут, то, скорее всего его закроют, а на его месте откроется какой-нибудь доходный дом, уж слишком хорошим было месторасположение этого здания.

Однажды Барнум решил заглянуть на передвижную ярмарку, вновь открывшуюся в Нью-Йорке. Ему хотелось снова ощутить то восхитительное ощущение легкости и праздника, какое неизменно охватывало каждого, кто здесь оказывался. Собственно говоря, именно ради этого ощущения сюда и приходили. Удивление и праздник – вот то, за что во все времена американцы готовы были платить. К сожалению, Финеас стал замечать, что публику становится сложно удивить. Он всегда считал, что клиенту нужно дать чуть больше, чем он хотел, и только тогда он будет доволен. Сейчас уже и этого становилось мало.

Барнум даже не заметил, что вот уже минут двадцать наблюдает за тем, как человек, больше напоминающий бездомного, а не актера, на удивление талантливо жонглирует бутылками. Мужчина выглядел просто ужасно, а пахло от него так, что собравшаяся вокруг публика невольно сумела организовать весьма большое пространство для уличной сцены. Подходить ближе было попросту неприятно. Мужчина с темной

бородой и спутанными волосами явно пренебрегал личной гигиеной.

Прошло еще около получаса, прежде чем мужчина объявил перерыв. Поборов приступ брезгливости, Финеас все же решился подойти к нему.

- Позвольте поинтересоваться, как вас зовут и почему вы до сих пор не работаете в каком-нибудь цирке, - преувеличенно вежливо спросил Барнум и учтиво поклонился.

- Синьор Антонио из Италии, - в тон Барнуму ответил мужчина. - Ни в одну здешнюю труппу меня не взяли, поэтому приходится выступать здесь.

Барнум сделал шаг назад и придирчиво осмотрел мужчину. Помолчав с минуту, он заявил:

- Пожалуй, я смогу вам помочь, если вы мне пообещаете две вещи: во-первых, помыться и привести себя в человеческий вид, а во-вторых, нужно будет сменить имя на что-то более экстравагантное.

Жонглер согласился. Желая проконтролировать нового знакомого, мистер Барнум вместе с жонглером отправился к ближайшему цирюльнику. Поначалу старый парикмахер даже засомневался, что у мужчины найдутся деньги на его услуги, поэтому синьору Антонио пришлось заплатить за стрижку заранее.

- Сделайте его настоящим итальянцем, - попросил Барнум и вышел на улицу.

Спустя пару часов преобразование жонглера было закончено. Вместо неухоженной бороды и свалявшихся волос на голове теперь были аккуратные усики под стать карикатурам на итальянцев и короткая мужская стрижка.

- Ну вот, теперь уже есть с чем работать, - обрадовался мистер Барнум.

- Для мужчины не важно, как он выглядит, - недовольно пробормотал жонглер.

- Запомни, красивым всегда быть выгоднее, - парировал господин Барнум. - Осталось только придумать звучный псевдоним. Любимый композитор?

- Вивальди, Антонио Вивальди^[7], - ответил жонглер. Очевидно, ему было неуютно в новом для себя образе.

- Уже лучше, но не подходит, - кивнул Финеас Барнум. - Вивалла! Синьор Антонио Вивалла! Как тебе?

- Звучит красиво, - охотно согласился жонглер.

- Тогда пошли на собеседование, - воскликнул Финеас Барнум, предчувствуя нечто интересное. Вот уже слишком долго в его жизни не происходило ничего сколько-нибудь заслуживающего внимания.

Несмотря на все протесты жонглера, они все же отправились к директору самого крупного шоу на ярмарке. Старый, очень уставший мужчина давно был знаком с Финеасом, поэтому охотно согласился их принять. Выслушав просьбу Барнума, управляющий ответил категорическим отказом. Барнум не привык отступать так просто и начал сыпать новыми аргументами в пользу предполагаемого сотрудника. Чем настойчивее был Финеас, тем категоричнее был ответ управляющего. Наконец пожилой мужчина не выдержал и пошел к двери. Открыв тяжелую створку, он крикнул:

- Кто-нибудь из артистов, немедленно ко мне.

На его зов явился угрюмый мужчина лет пятидесяти. На нем все еще значились остатки грима на лице, а на голове был парик рыжего цвета.

- Пожонглируй чем-нибудь, - попросил директор.

Клоун непонимающе уставился на начальника, а затем пожал плечами и взял со стола пару статуэток и пустую чернильницу. Через секунду он уже ловко жонглировал этими предметами. Директор цирка красноречиво взглянул на Финеаса и остановил клоуна.

- Можешь идти, - сказал он. - Вот видишь, у меня тут каждый первый жонглер, этим уже никого не удивишь, - вторая часть реплики уже относилась к Барнуму.

Финеас Барнум молча смотрел на закрывшуюся за клоуном дверь.

- Хорошо, у меня к тебе другое предложение. Первое выступление будет бесплатным. Оно будет дано только для того, чтобы ты увидел, как на него реагирует публика. Если тебя все устроит, то за семь последующих выступлений ты заплатишь пятьдесят долларов. Впоследствии ты должен будешь платить ему по пятьдесят долларов за каждое его выступление.

- Первое выступление бесплатно? - недоверчиво переспросил директор цирка, как будто пробуя свою реплику на вкус. - Ну что ж... Я не против. Я ничем не рискую, - заключил он.

Они ударили по рукам и распрощались. Финеас Барнум пребывал в самом прекрасном расположении духа, а вот синьор Вивалла не понимал, что хорошего в бесплатном и заведомо провальном выступлении.

- А чему радоваться? Вы же слышали, что жонглеры сейчас не в новинку, никого этим не удивишь. На меня никто не придет и на работу никто не возьмет, не понимаю, зачем все это нужно было...

- Это уже не твоя забота, - остановил поток жалоб мистер Барнум. - Готовься к выступлению.

«В течение трех дней до дебюта „знаменитого и экстраординарного итальянского артиста синьора Виваллы“ на американской сцене я в полной мере использовал мощь печатного слова и иллюстраций, и они оказались весьма действенными инструментами. К началу выступления зал был набит битком» (Финеас Тейлор Барнум).

Весь следующий день Финеас Барнум потратил на то, чтобы грамотно вписать пару слов о гениальном жонглере в каждую из своих рекламных статей, а заодно и договорился о том, чтобы за небольшую плату отпечатать несколько рекламных проспектов, которые должны были продаваться все ближайшие дни.

Через три дня на выступление нового жонглера Антонио Виваллы набрался полный зал. Такого здесь уже давно не бывало, так что директор цирка был в совершеннейшем восторге от всего происходящего. Публика восхищенно рукоплескала каждому ловкому трюку актера, а синьор Антонио Вивалла получил работу еще до того, как завершилось его первое выступление.

Подобные эпизоды случались довольно часто. Они поднимали настроение и возвращали веру в собственные силы. Однако до настоящего успеха Финеасу Барнуму было еще очень далеко.

В 1841 году Финеас Барнум узнал о том, что музей Скуддера все же пришлось выставить на продажу.

- Я должен купить его! - воскликнул Барнум.

- Чем же ты за него заплатишь? У тебя долгов больше, чем у музея, - усмехнулся приятель Финеаса, который и рассказал ему о том, что музей продается.

- Медью, дорогой друг, медью, так как ни золота, ни серебра у меня нет! - воскликнул Барнум и направился к выходу.

- погоди, а как же работа? - вдогонку ему крикнул приятель.

- Передай всем, что я увольняюсь! - бросил Финеас и резко вышел из помещения душного офиса. Он спешил в музей Скуддера. Пока он еще не знал, как именно, но он должен был заполучить это здание: он сможет превратить его в главную достопримечательность Нью-Йорка. Он знает, как это сделать.

«Я много раз ходил в этот музей и был очень внимательным посетителем. Со временем я понял - или мне хотелось надеяться на это, - что для того, чтобы вновь вдохнуть в него жизнь и превратить в прибыльное заведение, достаточно энергии, такта и широты взглядов. И хотя, возможно, с моей стороны было слишком самонадеянно даже мечтать о том, чтобы выкупить такую ценную собственность, не имея за душой ни цента, - я серьезно нацелился на него, решив добиться своего, если такое вообще было возможно» (Финеас Тейлор Барнум).

За несколько лет написания рекламных проспектов ему удалось скопить пару тысяч долларов, по тем временам вполне приличную сумму, но здание музея стоило в разы дороже. Те несколько кварталов, которые следовало пройти от офиса конторы до музея, решили все. Он должен был придумать, как купить этот музей, и он сделал это.

Он очень давно уже не заходил в музей, даже мимо этого здания перестал проходить, чтобы не расстраиваться. За те несколько месяцев, что он здесь не был, музей превратился в еще более мрачное и унылое зрелище. Он потянул за ручку и с трудом отворил тяжелую дверь. Буквально в первом же зале он встретил директора музея, бесцельно разглядывавшего один из экспонатов.

- Я слышал, что вы собираетесь продать музей... - с места в карьер начал Финеас.

- Мне не нужен партнер, молодой человек, - ответил директор музея.

- Я не хочу быть вашим партнером, я хочу купить у вас этот музей, - заявил Финеас.

- Вряд ли у вас найдутся на это деньги, - вздохнул мужчина, скептически разглядывая потертый костюм

Финеаса. – Видите этот грунт? Он из Африки, – сменил тему директор музея.

Мужчина указывал на кусок глины, лежавший за стеклом музея.

– Вполне вероятно, что внутри этого куска глины живут невиданные существа, – продолжал директор.

– Наверное, – растерялся Финеас, решив, что директор немного тронулся умом.

– А в целом мы можем это и сейчас проверить, – хлопнул в ладоши мужчина. Он огляделся по сторонам и увидел на одном из окон кувшин с водой. Не обращая внимания на оторопевшего Финеаса, он принес кувшин с водой и налил немного в стеклянную колбу. Часть глины начала таять, а в изрядно помутневшей воде появилось нечто, похожее на кусок ветки или червяка. Еще секунда, и эта ветка начала шевелиться, извиваться и плавать в воде, все быстрее и быстрее. Приглядевшись, можно было понять, что это небольшая рыбка.

– Протоптер, молодой человек, двоякодышащая рыба. Имеет свойство впадать в спячку при засухе и оживать, когда река вновь наполняется водой. Весьма полезное для Африки качество, – пояснил довольный директор. Мужчина был рад тому ошеломительному эффекту, который ему удалось произвести на Финеаса.

– Вы будете здесь завтра? – спросил наконец опомнившийся Финеас. Он с трудом оторвал взгляд от извивающейся в воде рыбки и посмотрел в глаза директора музея.

– Точно так же, как и каждый божий день, – развел руками управляющий музеем.

Придя домой, он рассказал обо всем Черити. Женщина не могла поверить в то, что ее муж уволился с такой хорошей должности и сейчас бредил очередной идеей о быстром богатстве.

- Сейчас или никогда, любимая, - усмехнулся Финеас. - Сейчас или никогда...

Всю ночь он просидел над стопкой бумаги. Сейчас ему нужно было создать самый креативный и рекламный свой текст, самый главный текст в своей жизни. Сейчас или никогда...

Финеас Барнум вывел несколько строчек и запечатал письмо. Наутро он чуть ли не бегом отправился к музею. Директор музея добродушно кивнул своему постоянному посетителю.

- Просто прочитайте это предложение и рассмотрите его, обещайте, что рассмотрите его, - попросил Финеас и протянул письмо, в котором значилось:

«Выделите мне двенадцать долларов и полнедели для поддержания семьи - и если я когда-либо не смогу выплатить очередной взнос по кредиту, я освобожу помещение и потеряю все, что было уплачено до этого.

По сути, мистер Олмстед, вы можете связать меня любым способом так крепко, как только захотите, но дайте мне шанс выкарабкаться, вырваться из пут, и я либо сделаю это, либо все усилия, затраченные мной, будут тщетными, и все трудности, с которыми я столкнусь, будут пережиты мною зря» (Финеас Тейлор Барнум).

- Вы серьезно?

- Абсолютно. Я знаю толк в развлечениях и сумею превратить этот музей в самое посещаемое место в городе, мне нужно только немного времени. Вы просите двенадцать тысяч долларов? Я заплачу тридцать в течение года, если вы согласитесь на мое предложение, - заявил Финеас Барнум.

- Мне нужны хоть какие-то гарантии, - развел руками директор музея.

- У меня нет денег, - повторил Финеас. Воцарилась неловкая пауза. У Барнума не было ни денег, ни недвижимости, кроме, разве что... - У меня есть поместье, которое называется Остров Плюща. Это несколько акров земли в Коннектикуте, я готов предоставить его в качестве гарантии, - сказал наконец мистер Барнум.

- Я рассмотрю ваше предложение, - кивнул мистер Олмстед и выжидательно посмотрел на Финеаса. Тот опомнился и стал медленно отступать к двери.

Вечером Финеас Барнум объявил «своим девочкам» о том, что вскоре он станет владельцем музея в самом центре Нью-Йорка. От восхищения Черити даже не могла найти слов, чтобы поздравить мужа. Пожалуй, именно ради этого и стоило жить, ради удивления и восхищения в глазах других. Нет ничего дороже впечатлений. Радость - самый дорогой, ценный и в то же время эфемерный товар. Финеас Барнум знал об этом, как никто другой.

- Боюсь, у меня плохие новости для вас, мистер Барнум, - сказал владелец музея в следующую их встречу. - Мы решили отклонить ваше предложение.

«Меня словно молнией ударило. Я воззвал к его чести. Но он ответил, что не подписывал со мной никаких документов и, следовательно, не связан никакими юридическими обязательствами» (Финеас Тейлор Барнум).

- Позвольте спросить о причине такого решения? - поинтересовался Барнум. Это был тот редкий случай, когда ему не удалось скрыть разочарования в голосе.

- Все просто. Я вместе со своими партнерами рассказал о вашем предложении другим потенциальным покупателям, и они смогли предложить

более выгодную цену. Более того, они уже внесли задаток.

- Вы использовали меня как наживку? - кипящим от возмущения голосом спросил Финеас Барнум.

- Это лишь бизнес. Я знаю вас, Барнум, очень хорошо и уверен, что вы поступили бы точно так же, - подчеркнуто корректно ответил мистер Олмстед.

Впоследствии выяснилось, что другими потенциальными владельцами оказался еще один музей. Они вовсе не хотели возрождать музей Скуддера, они хотели заполучить удачно расположенное здание, а заодно и прикрыть конкурентов.

- Но это же биржевое мошенничество! - воскликнул знакомый Барнуму владелец газеты.

- Вот именно об этом я и предлагаю написать, - удовлетворенно кивнул Финеас Барнум. - Более того, мистер Скуддер, чье имя значится в названии музея, даже не знает о том, что собираются сделать с его собственностью. Всему этому у меня есть доказательства...

Старый и всегда хорошо работающий метод борьбы с конкурентами помог Барнуму и на этот раз. Уже через неделю все газеты Нью-Йорка трубили о грядущем мошенничестве со зданием в центре города, в котором замешаны владельцы музея Пила. Еще через неделю его пригласили на переговоры в один из самых фешенебельных джентльмен-клубов города. Здесь, в одном из кабинетов для особых гостей, уже собрались все владельцы музея Пила. Они заметно нервничали, ведь за прошедшие две недели на них обрушился целый ворох проблем.

- Мы очень рады тому, что вы все же согласились на эту встречу. Надеюсь, вы понимаете, что наше предложение музею Скуддера более выгодно, чем ваше?

- Без сомнения, - кивнул Финеас Барнум.

- В таком случае я не вижу причин для разногласий и обид. Тем не менее мы видим, как дорог для вас этот музей, поэтому хотим предложить вам должность управляющего музеем с жалованьем в три тысячи долларов ежегодно, - сказал один из владельцев музея Пила.

- От таких предложений не принято отказываться, - кивнул Финеас Барнум.

- Это можно расценивать как согласие? - поинтересовался другой акционер музея.

- Считайте, что так, - обезоруживающе улыбнулся Финеас.

Весь остаток вечера Финеас был предельно вежлив и весел. Владельцы музея Пила были полностью удовлетворены этой встречей.

- И, пожалуйста, мистер Барнум, больше никаких публикаций в прессе, - на прощанье крикнул ему кто-то из акционеров.

- Я всегда стараюсь учитывать интересы своих заказчиков, - кивнул Финеас и закрыл за собой дверь.

Со стороны могло показаться, что Барнум предпочел менее рискованный вариант действий, согласившись стать лишь управляющим музея. На деле же все оказалось вовсе не так.

Утром следующего дня Финеас Барнум вновь был в кабинете директора музея Скуддера. Он намерен был выяснить подробности сделки с музеем Пила. Оказалось, что, согласно договору, акционеры музея Пила должны заплатить оставшуюся сумму до 26 декабря 1841 года. В противном случае сделка признавалась недействительной.

- Ну что ж, мистер Олмстед. Это предложение, несомненно, более выгодно, чем мое, однако я прошу вас рассматривать меня как своего рода запасной вариант.

- В этом я уж точно не посмел бы вам отказать, - растекся в улыбке директор музея.

- В таком случае давайте подпишем соответствующие бумаги, - Финеас также улыбнулся.

В тот день они подписали соглашение, согласно которому если до 26 декабря музей Пила не внесет положенную сумму, в силу вступает контракт с Финеасом Барнумом. По новым договоренностям Барнум должен был внести определенную сумму, а все оставшееся нужно было выплачивать в течение трех последующих лет. Около пятнадцати долларов каждую неделю. Вся хитрость состояла в том, что на дворе было 25 декабря, а один из акционеров музея Пила на той встрече обмолвился о том, что всю ближайшую неделю они собираются провести за городом. Они планировали отдохнуть в имени одного из своих друзей. Опьяненные согласием Барнума, все совершенно забыли о данных ранее обещаниях.

Рождественский вечер Финеас помнил смутно, да и весь следующий день бесцельно ходил из угла в угол и ни на кого не обращал внимания, чем очень обидел жену и дочерей.

Ранним утром 27 декабря Финеас Барнум нанял экипаж и отправился к музею Скуддера. Мистера Олмстеда еще не было на месте, поэтому кучеру пришлось немного доплатить. За несколько пенни кучер согласился отъехать за угол и подождать несколько минут, чтобы подъехать к музею ровно в тот момент, когда туда прибудет Олмстед. Ждать пришлось недолго. Очень скоро на горизонте появилась карета управляющего музеем. Вернее, уже бывшего управляющего.

На сей раз у Барнума все получилось. Огромное здание музея перешло к новому владельцу. Тысячи никому не нужных экспонатов, заплесневевшие от недостаточного отопления и сырости стены,

отваливающаяся штукатурка и прогнившие перекрытия, дикое количество просроченных долговых обязательств... Отныне владельцем всего этого «богатства» стал Финеас Тейлор Барнум.

Вечером того же дня он, как и обещал, привез «своих девочек» в самый центр Нью-Йорка, чтобы показать им дворец полный самых невероятных чудес.

Из дверей выскочил Финеас Барнум и шутливо поклонился, открывая двери для своих любимых девочек. Черити и две их дочери (третью девочку оставили дома, так как она была еще слишком мала) вышли из кареты и уставились на огромное здание музея.

- Теперь я почти полноправный владелец этого музея, девочки, - возвестил Финеас и поклонился так, будто приглашал Черити на танец. Все рассмеялись.

Глава 5. Эффект Барнума

У нас всегда найдется что-то интересное для каждого. В этом и есть секрет успеха

Финеас Тейлор Барнум

Вечером 31 декабря 1841 года на углу Бродвея и Энн-стрит творилось что-то невообразимое. Весь день внутри трудилось около сотни рабочих. Вся улица буквально утопала в отборной брани, доносившейся с крыши здания, где на высоте пятиэтажного дома весь день что-то мастерили и перестраивали. Каждые десять минут перед входом останавливались экипажи, привозившие очень странных людей. Одни приезжали в гордом одиночестве, другие – группами. У кого-то в руках был лишь небольшой чемодан с инструментами, за другими тянулись целые вереницы повозок с реквизитом. Во главе всего этого безумства был Финеас Тейлор Барнум, который вот уже несколько дней как ночевал внутри этого поистине магического здания. Казалось, новый директор музея уже на грани нервного срыва от переутомления и стрессов. Повозки с плакатами задерживались, материалы строителей заканчивались на середине, поставщик не смог обеспечить нужным количеством свечей, и пришлось заказывать новую партию у другого... И так несколько дней подряд. Спасал лишь недавно нанятый помощник Филипп Карлайл, совсем молодой человек, с которым Барнум познакомился всего несколько дней назад. Молодой человек заинтересовался идеей Барнума превратить музей в увлекательный аттракцион и даже предложил пару интересных идей.

«Итак, мой универсальный план состоял в том, чтобы публика узнала, что я могу ей предложить; дать ей все самое лучшее из того, что у меня есть, а потом рекламировать свой бизнес свободно и без опаски.

Никогда не пытайтесь поймать кита на мелкую рыбешку» (Финеас Тейлор Барнум, 1891, за пять дней до смерти).

В те годы только набирала популярность новая наука – френология. Идея о том, что по строению черепа можно предсказать будущее, настолько всем пришлась по душе, что теперь чуть ли не в каждом балагане можно было встретить странного типа с человеческим черепом в руках. Чезаре Ломброзо^[8], самому известному в мире френологу, тогда исполнилось лишь семь лет, до того момента, когда во френологии появились первые хоть сколько-нибудь напоминающие научные знания, было еще далеко, а вот домыслов о костях и всевозможных бугорках на черепе было великое множество. Френология тогда в большей степени напоминала искусство гадания на картах таро, каждый интерпретировал особенности черепа по-своему. Кстати, и гадалки вновь вошли в моду. Искусство французской прорицательницы мадам Ленорман набирало обороты. Гадание по модной методике Ленорман теперь предлагали повсюду. Всего за пару пенни можно было узнать свою судьбу. Ну и самым последним веянием моды была таксидермия. Желание увековечить память о домашнем питомце теперь удовлетворяли посредством создания чучел. Стоило это довольно дорого, поэтому позволить себе такое развлечение могли лишь очень богатые люди, однако поглазеть на сам процесс создания чучел ведь тоже интересно...

Все это Филипп предложил организовать внутри музея. Барнум был согласен и на таксидермистов, и на гадалок. Лишь с одним условием – все это должно быть готово уже 1 января 1842 года.

– Это же невозможно! – оторопел Филипп.

– Это необходимо! – в тон ему отвечал Барнум.

Никто не ожидал, что самым трудным будет вовсе не организация цеха таксидермистов, а поиск самого обычного оркестра. Все музыканты в начале года были заняты, их расписание концертов было максимально плотным, а Барнум просто не мог себе позволить сейчас поднять ставку, чтобы переманить оркестр себе. Почти все деньги ушли на перестройку лестницы и типографские расходы.

Филипп притащил троих музыкантов, играющих на улице. Послушав их, Финеас пришел в ужас.

– Это лучшее, что удалось найти.

– Это худшее, что я когда-либо слышал.

– Тогда я умываю руки!

И вот в девять часов вечера 31 декабря в воздухе над крышей музея появился гигантский светящийся шар. Он крутился и мигал, заставляя всех прохожих останавливаться и безмолвно наблюдать за происходящим. Первый в городе проектор был установлен как раз за несколько часов до открытия. Установленные внутри шара лампы мигали и освещали близлежащие дома, создавая ощущение чуда. По каждой стороне углового здания музея были установлены американские флаги, трепетавшие от сильных порывов ветра. Все наружные стены завесили огромными афишами, на которых было написано, что в день открытия посетителей музея ждет множество новых аттракционов, которые можно будет посетить без всякой дополнительной платы.

На уровне второго этаже расклеили плакаты поменьше – на них были изображены самые редкие,

диковинные животные в мире.

За пять минут до начала нового года все стены музея озарились светом тысяч свечей. Свет то вспыхивал, то пропадал. А вместе со светом на стене дома то в одном месте, то в другом появлялись изображения разнообразных чудовищ. В середине XIX века. Интерактивное световое шоу на стенах здания. Это производило впечатление. Казалось, что это не просто дом, но сказочный замок, наполненный самыми разнообразными волшебными предметами. В происходящее просто сложно было поверить.

Память человека слишком коротка. Уже наутро, когда музей открыл двери для посетителей, люди забыли о невообразимом шоу, которое они наблюдали накануне вечером.

- Приведи сюда всех, кто умеет держать в руках музыкальный инструмент, - приказал Финеас Барнум своему помощнику. Хозяин музея с тревогой наблюдал за входом в музей. Сюда шли люди. Один за другим. Посетители действительно появились, но, чтобы хотя бы окупить расходы на открытие, Барнуму требовалась очередь в кассу, а не редкие посетители.

- Простите, у вас тут накануне стройка шла, вам не нужны лишние руки? Я бы согласился на любую работу... - раздался за спиной чей-то голос.

Когда Барнум обернулся, перед ним стоял невзрачного вида мужчина. Достаточно опрятный для того, чтобы быть попрошайкой, но слишком бедно одетый, чтобы его можно было принять за служащего ближайшей конторы. Придирчиво оглядев мужчину, Барнум вдруг сказал:

- Будете работать глухонемым, сможете?

- Наверное...

- Пойдите и положите один кирпич на тротуаре на углу Бродвея и Энн-стрит; второй - недалеко от музея; третий - по диагонали через дорогу, на углу Бродвея и

Веси-стрит, у отеля Astor House; четвертый – напротив, на тротуаре перед собором святого Павла; а потом с пятым кирпичом в руках быстрым шагом ходите от одного кирпича к другому, по кругу, заменяя каждый раз лежащий кирпич принесенным. И никому ни слова.

Безработный, понятно, поинтересовался, с какой целью он должен проделать всю эту странную процедуру, на что Барнум ответил:

«Не важно. Единственное, что вам нужно знать, что эти манипуляции принесут вам пятнадцать центов в час. Считайте это моей прихотью. Но, чтобы действительно мне помочь, вы должны делать вид, что глухи, словно пень; напустить на себя самый серьезный вид; не отвечать ни на чьи вопросы; ни на кого не обращать внимания. Вовремя приходите на работу и каждый раз, когда часы на соборе святого Павла будут отбивать очередной час, показывайте привратнику у входа в музей вот этот билет, входите в здание, медленно и торжественно проходите по всем залам, выходите на улицу и начинайте все сначала» (Финеас Тейлор Барнум).

Мужчина согласился. Он вот уже несколько месяцев не мог найти работу, а тут только и нужно, что молчать и кирпичи таскать. Это очень странно, но какая разница? Главное, что за это обещали заплатить.

Как только Финеас отдал несколько центов в качестве аванса и указал мужчине на четыре кирпича, которые ему нужно было перетаскивать с места на место, началась магия. Даже помощник Барнума, искренне восхищавшийся талантом своего начальника, решил, что Финеас переутомился и разум его немного затуманился.

– Теперь главное, чтобы этот парень действительно не произнес ни слова, – довольно сказал шоумен, глядя

на удаляющуюся фигуру мужчины.

План сработал. Бродяга разнес кирпичи по перекресткам и стал бродить по кругу. Дойдя до очередного кирпича, он молча ставил кирпич, который держал в руках, на мостовую, а другой брал в руки. Затем операция повторялась. Круг заканчивался возле музея Барнума. И все опять повторялось. Поначалу несколько удивленных зевак лишь со стороны наблюдали за ним. На втором круге у бродяги уже появились первые постоянные зрители, неотрывно следовавшие за ним по пятам, желая разгадать тайну кирпичей. К десятому кругу за бродягой уже следовала целая толпа людей. Мужчина, как и договаривались, понес последний кирпич не к воротам музея, а внутрь. Он спокойно прошествовал мимо входа и побрел куда-то. Уже внутри его остановил помощник Барнума и попросил его как можно медленнее подниматься по главной лестнице музея. Так, чтобы его было видно со входа.

Как и ожидалось, толпа зевак тут же выстроилась в очередь за билетами. Все очень спешили, желая поспеть за человеком с кирпичом. Естественно, мужчина к тому моменту уже исчез. Вернее, скрылся в кабинете Барнума, где преспокойно ждал своего работодателя.

- Ты нашел музыкантов? - уже немного рассерженно поинтересовался Финеас Барнум.

- Можно и так сказать... - стушевался помощник.

Как и просил Барнум, Филипп Карлайл собрал всех, кто хоть как-то умеет держать инструмент в руках. Это были не самые успешные уличные музыканты, согласившиеся за более чем скромную плату выступить на открытии музея.

- Приведи их ко входу, и пусть играют гимн, - распорядился Барнум.

Как и ожидалось, очень скоро угол Бродвея и Энн-стрит стали отравлять душераздирающе фальшивые и нестройные звуки марша. Слушать это было невозможно, но внимание они привлекали всеобщее. Удивительно, но спустя несколько минут после начала этого уличного концерта люди струйкой потянулись ко входу. Всем было любопытно узнать, что внутри этого нового музея.

«Великий секрет успеха в любом деле заключается в том, чтобы заставить себя услышать. Если удалось собрать аудиторию, считайте, половина дела сделана» (Финеас Тейлор Барнум).

А внутри их ожидал настоящий парк развлечений. При входе расположился павильон таксидермистов. Услуги по превращению домашних питомцев в чучела стоили дорого, но понаблюдать за этим действием можно было совершенно бесплатно. Поднявшись на второй этаж, можно было зайти в одну из небольших, обитых тканью кабинок, в которых сидели специалисты по магии. Здесь можно было погадать на картах, купить любовный напиток, а по выходным и поговорить с умершими родственниками на спиритических сеансах.

Поначалу всего этого мракобесия в музее не было. Барнум просто ради интереса пригласил поработать в музее одну знакомую гадалку с передвижной ярмарки. Женщина всегда ему импонировала тем, что весьма скептически относилась к своей работе и иначе как надувательством ее не называла. При этом когда она надевала свой сценический парик и балахон, она превращалась в настоящую ведьму. Ей верили все, даже сам Барнум. Он даже иногда садился неподалеку, чтобы послушать то, что она говорит людям.

Накануне очередного большого шоу гадалка неожиданно сказала, что собирается выйти замуж и

перестать работать «шарлатанкой». Огорошила она этой новостью буквально перед важной премьерой, и нужно было срочно найти кого-то на замену. Павильон гаданий был одним из самых прибыльных, закрывать его не хотелось. Барнум решительно пошел к танцовщицам с нижнего Манхэттена, весьма успешно изображающим ансамбль юных черкешенок, и окинул их взглядом. Выбрав девушку с самым решительным взглядом, он буквально за руку потащил девушку к павильону.

- Но я не умею гадать на картах! - возмутилась она.

- А я тем более, - невозмутимо ответил он.

- Поэтому мы с вами и не занимаемся гаданиями, - взвизгнула девушка.

Барнум втолкнул девушку в павильон и усадил на место клиента.

- Смотри, - приказал он и вытащил несколько богато иллюстрированных карт. - Ты очень нуждаешься в том, чтобы другие люди любили и восхищались тобой, но ты весьма самокритична. Я вижу в тебе много скрытых возможностей, которые ты пока не смогла реализовать во благо. Я вижу некоторые личные слабости, хотя тебе под силу восполнить их твоими сильными качествами. Внешне дисциплинированная и уверенная, на самом деле ты всегда очень переживаешь и чувствуешь неуверенность в своих силах. Временами тебя охватывают серьезные сомнения, приняла ли ты правильное решение. Ты предпочитаешь некоторое разнообразие, рамки и ограничения вызывают у тебя недовольство. Также ты гордишься тем, что у тебя есть собственное мнение; ты не принимаешь чужих утверждений на веру без достаточных доказательств. Ты давно поняла, что быть слишком откровенной с другими людьми - не слишком мудро. Иногда ты приветлива и общительна, иногда же - осторожна и сдержанна. Некоторые твои мечты нереальны, да ты и

не сильно к ним стремишься. В глубине души ты знаешь, что более всего тебе хочется стабильности.

На этом Барнум закончил сеанс магии и уставился на оторопевшую девушку.

- Похоже?

- Это точь-в-точь про меня, - всхлипнула девушка, едва сдерживая слезы.

- Вот и выучи этот текст, - заключил Барнум и выложил на стол листок с только что произнесенной речью.

Чуть позже в магическом зале работало уже пять гадалок, а затем появились и другие сотрудники магических профессий. Во все времена люди хотели, чтобы в их жизни появилось нечто сказочное и магическое. Барнум это понимал и дарил людям такую возможность. Ведь всегда нужно иметь что-то интересное для каждого.

Впоследствии в психологии даже появился специальный термин, обозначенный именем великого шоумена. Суть его состояла в том, что человеку свойственно верить описанию личности, в котором на самом деле присутствуют лишь общие и нейтральные фразы^[9].

В залах первого этажа можно было встретить скелеты, чучела и рисунки необычных животных. На втором этаже посетители натыкались на зал с мумифицированными уродцами, среди которых был, к примеру, двухголовый теленок, которым особенно гордился Барнум. На третьем этаже были представлены чудеса науки и техники. Самые новые изобретения демонстрировались именно здесь. К примеру, уникальная швейная машина старого друга Барнума Элиаса Хоу^[10] впервые была представлена на суд зрителей именно здесь. На этом же этаже часто можно было услышать ученых, рассказывающие о своих новых

открытиях и теориях. В самом конце первого коридора была расположена лаборатория френологии, где каждый желающий мог измерить свой череп и узнать о себе чуть больше нового. На последнем этаже музея был оборудован зал, посвященный космосу. На потолке тут было сияющее звездное небо, различные рисунки и карты, а поднявшись по лестнице, можно было заглянуть в телескопы, установленные на крыше.

«Только представьте, какое удивление и возбуждение должен был испытать Элиас Хоу, вынырнув из потного, захватывающего дух и приводящего в ужас ночного кошмара, когда понял, что странные отверстия на копьях только что атаковавших его во сне дикарей-людоедов дают ему отличное решение для швейной машины – приспособления, над изобретением которого он так долго и до сих пор безуспешно работал» (Финеас Тейлор Барнум).

Несмотря на открытие, перестройка музея шла полным ходом. Четвертый этаж был временно недоступен для посещения зрителей, так как его нужно было полностью переоборудовать. Барнум хотел установить по периметру огромные балконы с зимним садом, а для этого требовалось укрепить напольные перекрытия всего этажа. Лишь к концу весны удалось кое-как закончить реконструкцию. Идея действительно оказалась эффективной. На балконе люди могли передохнуть, выкурить сигару и прогуляться среди экзотических растений. Отсюда открывалась прекрасная панорама на город, привлекавшая сюда всех туристов города, но, что еще важнее, людей на балконе было видно с улицы. Они привлекали внимание, а следовательно, и новых посетителей.

Барнум чуть ли не каждую неделю заказывал новые листовки и буклеты для рекламы музея, а недавно задался целью издать собственный путеводитель по

музею, в котором будут представлены и описаны все его экспонаты; уже тогда это означало несколько тысяч описаний, а спустя несколько лет эта цифра перевалит за отметку в десятки тысяч.

Впрочем, главным и единственным увлечением Финеаса Барнума всегда был театр.

- Это дешевое развлечение для кабаков, люди не пойдут в театр, - увещевал его помощник.

Барнум и сам это понимал, благо у него уже был неудачный опыт организации передвижного театра.

- В таком случае нужно придумать другое название, - парировал Финеас Барнум.

Лекционный зал в Американском музее Барнума открылся уже в конце 1842 года. Барнум умудрился доказать правительству, что подобный лекционный зал необходим городу, благодаря чему получил значительные дотации от правительства и местных меценатов. Согласно его рассказам, в лекционном зале должны были выступать знаменитые ученые и политики. На деле же предполагалось, что кроме подобных лекций здесь будут ставить водевили и комедии. Поначалу публика неохотно шла и на лекции, и на водевили. Все предполагали увидеть здесь нечто низкопробное. Однако с каждым новым представлением зрителей в зале становилось все больше. Помимо известных комедий здесь начали ставить серьезные драматические спектакли. К примеру, именно на этой сцене впервые была поставлена «Хижина дяди Тома»^[11], весьма провокационная для того времени.

«Такие шоу были одновременно популярными и уникальными и отлично окупались с финансовой точки зрения, но главной моей целью было заставить газеты говорить обо мне, то есть еще раз громко заявить миру

о моем музее, как я старался делать на протяжении многих лет» (Финеас Тейлор Барнум).

Представления шли только вечером, а удивлять публику требовалось по пятнадцать часов в день. Нужно было сделать так, чтобы посетители не просто уходили довольными, но и хотели вернуться сюда еще раз. Ради этого в музее постоянно проводились различные лотереи, конкурсы, выставки домашних животных... Все, чтобы только маленькие посетители музея пришли в восторг. Ведь нет более преданных и постоянных фанатов, чем дети. Даже вырастая, они продолжали приходить в музей, чтобы вспомнить то детское ощущение счастья, которое неизменно испытывали, оказываясь здесь, будучи детьми.

«Однажды мы проводили конкурс, ради которого пришлось притащить в музей восемь тысяч куриц. Восемь тысяч куриц в музее! О Боги! Представляете, что это было за кудахтанье!

Выставки цветов, собак, домашней птицы – все эти мероприятия проводились в перерывах между экспозициями и были нацелены на то же, что и конкурсы детей, – на популяризацию музея» (Финеас Тейлор Барнум).

Глава 6. Русалка с Фиджи

Если у вас есть что-то, что, с вашей точки зрения, способно заинтересовать потребителей, то, что, предложи вы им, вызовет у них желание раскошелиться, непременно сделайте так, чтобы они об этом узнали.

Ф. Т. Барнум

В далеком 1817 году английское судно должно было отчалить от берега и отправиться в опасное путешествие через Индийский океан. Статистика таких торговых рейдов была весьма неутешительной. До пункта назначения добирались далеко не все. Отчасти именно этот риск и прельщал моряков, соглашающихся на столь опасную авантюру. Загадочная Индия, в которой продавались фантастически дорогие специи, не менее дорогие ткани и изделия из слоновой кости, словно магнитом притягивала к себе внимание мореплавателей. Калькутта всегда была главным торговым портом этой страны. Именно отсюда, из кишящего крикливыми торговцами города, и должно было отправиться то судно.

Один капитан, чье имя уже затерялось в лабиринтах истории, умудрился за это путешествие заработать достаточно для безбедной старости. Своей семье он пообещал, что это путешествие будет для него последним, поэтому сейчас, имея в кармане баснословные для обычного человека деньги, он бродил от одной торговой лавки к другой и старался запомнить каждый миг, каждый звук и запах этого сказочного города.

- Если господин желает купить что-то по-настоящему чудесное, он должен будет спуститься со мной вниз, - заискивающе улыбнулся один из продавцов.

Продавец провел капитана в душный застенок лавки и снял покрывало со стола в самом центре комнаты. Капитану английского судна предстало поистине чудовищное и, бесспорно, необычное существо. Наполовину обезьяна, наполовину рыба. Русалка или морская дева.

Мифы о сиренах и русалках существовали во все времена, а уж моряки слышали сотни историй о подобных созданиях. Естественно, им хотелось их встретить. Мало кто бы из них признался в этом, но ведь увидеть такое существо мечтал каждый, кто отправлялся в дальнее плавание. Правда, в фантазиях моряков русалки были чуть симпатичнее создания, которое сейчас демонстрировал продавец.

Не колеблясь, капитан отдал баснословную по тем временам сумму, эквивалентную шести тысячам долларов. На эти деньги вполне можно было купить дом. Уродливое создание благополучно перекочевало через океан, а спустя еще какое-то время оказалась в Штатах.

В 1842 году внук того капитана пришел на прием к владельцу Бостонского музея Мозесу Кимбаллу. Мужчина вошел в комнату с гигантским свертком в руках, который еле-еле дотащил до дивана для посетителей. Учитывая тот факт, что мужчина был явно из числа рабочих, а сверток все равно был слишком тяжел, оставалось лишь догадываться о весе предполагаемого экспоната.

- Мне тут дом в наследство перешел, я в нем вот что нарыл... - выдавил из себя мужчина. Он явно стеснялся говорить перед столь уважаемым человеком, поэтом просто сдернул ткань со свертка. Перед глазами Мозеса

оказалось самое уродливое существо из всех, что он когда-либо видел. Лицо и тело морщинистой обезьяны плавно перетекало в чешуйчатый хвост. Детальность и натуральность существа не оставляла сомнений в том, что это достойный музейной экспозиции артефакт, вот только не для этого музея.

Мозес Кимбалл вот уже много лет возглавлял музей Бостона, который сам же и основал, так что равных в торгах ему не было. Ему удалось сохранить спокойное лицо при виде этого существа, более того, он весьма мастерски объяснил, что вовсе не заинтересован сейчас в покупке каких-либо экспонатов. Благодаря такой тактике ему удалось купить существо за вполне приемлемую цену, значительно меньше той, какую когда-то выложил за нее капитан английского судна.

Мозес Кимбалл с недавнего времени состоял в переписке с Финеасом Барнумом. Лично они не были знакомы, но Финеас только начал карьеру директора музея, и Мозес с видимым удовольствием консультировал его по самым разным вопросам. Кимбалл решил написать другу по переписке об интересном экспонате. Если уж и не удастся заключить сделку, то, по крайней мере, это будет отличный повод для личного знакомства.

Финеас ответил моментально. Он писал о том, что очень заинтересован в том, чтобы увидеть экспонат, но, к его глубокому сожалению, в ближайшую неделю он не может приехать, поэтому приглашает Мозеса погостить в его доме.

Кимбалл согласился на приглашение и отправился в Нью-Йорк. Из багажа у него был лишь небольшой чемодан и уродливая статуя.

- Это же морская дева! Русалка, вроде тех, о которых поется в песнях моряков, - воскликнул Финеас Барнум.

- Вроде того, - согласился Мозес Кимбалл, - экспонат весьма и весьма интересный, но вот в подлинности его я не уверен...

- Зато я уверен! - воскликнул Барнум.

Величайший шоумен моментально проникся экспонатом. Это было как раз то, что нужно. Крючок, на который можно подцепить весь Нью-Йорк. Скандал и сенсация. Даже если и фальшивая. Так даже лучше, так как это уже две сенсации: о русалке и о подделке.

Тот разговор с Мозесом продлился до самого утра. Они говорили не только о русалке, но и обо всем, что их волновало: о будущем музеев, о рекламе, развитии бизнеса... И все же расчетливый Мозес отказался продавать русалку, но вот отдать ее в аренду за без малого пятнадцать долларов в сутки он был согласен. Барнум заплатил за первый месяц аренды экспоната, но, вопреки всем ожиданиям, не спешил выставлять морскую деву на всеобщее обозрение. Вместо этого он велел своему помощнику собрать всех ученых музея у себя в кабинете.

Несколько десятков человек собрались в небольшом душном кабинете Финеаса и с недоумением разглядывали покрывало на столе, скрывавшее, по-видимому, нечто очень важное.

- Господа, я бы хотел представить вашему вниманию то, чего вы еще никогда не видели. Более того, вы даже не подозревали, что подобное возможно...

Когда Барнум сдернул покрывало, собравшаяся в кабинете публика ахнула.

«...обезьяна и рыба были прилажены друг к другу так хорошо, что человеческий глаз не мог найти места соединения. Хребет рыбы без каких-либо видимых швов переходил в основание ее черепа, а волосяной покров животного начинался на несколько дюймов ниже рыбы.

В микроскоп было отлично видно множество рассыпанных в шерсти крошечных рыбьих чешуек. Зубы и форма пальцев и кистей сильно отличались от зубов и рук любой известной обезьяны или орангутанга, а расположение плавников не походило ни на один вид рыбы, известный натуралистам. Существо было чрезвычайно уродливым: нечто высушенное, почерневшее, длиной не больше метра. Его рот был открыт, хвост изогнут, а ручки засохли в жесте, позволяющем предположить, что оно приняло страшную и мучительную смерть» (Финеас Тейлор Барнум).

- Думаю, не стоит говорить, что экспонат будет интересен нашим посетителям, но его нужно правильно представить. Для этого я вас здесь и собрал. Мне нужно, чтобы вы подготовили документацию о подлинности этого существа. Заключение, акты, экспертизы, - все, чтобы это выглядело максимально правдоподобно.

- Но это же мошенничество, - возразил кто-то из сотрудников.

- Американцы любят, чтобы их дурачили. По большому счету только за это они готовы платить, - сказал Барнум фразу, впоследствии ставшую его визитной карточкой.

«На одной из самых модных и респектабельных улиц города живут два врача. Оба получили отличное образование в лучших медицинских институтах страны, оба успешно сдали экзамены и имеют дипломы и степени доктора медицины. В искусстве врачевания они равны. Один из них посещает пациентов, тихо и спокойно разъезжая по городу на двуколке или в небольшом экипаже; другой выезжает с огромной помпезностью, в шикарной карете, упреждая свое

появление музыкой, а его экипаж и лошади увешаны рекламными плакатами, возвещающими миру о том, каким замечательным целителем он является. И его по праву называют... плутом. Почему? Не потому что он обманывает или дурачит людей, а потому что, как многие считают, „надувательство“ заключается в том, чтобы специально напускать на себя впечатляющий вид, используя любые приемы и трюки, чтобы как можно быстрее привлечь к себе внимание публики и как можно сильнее занять ее глаза и уши.

Если, однако, сумев благодаря уникальной рекламе привлечь толпы клиентов, человек оказывается настолько глупым и неумелым, чтобы предложить им нечто полностью эквивалентное потраченным ими деньгам, люди к нему больше никогда не придут. И они с полным правом будут называть его обманщиком, плутом и лгуном» (Финеас Тейлор Барнум).

Когда вся документация была подготовлена, Финеас Барнум обратился в три крупнейших газеты Нью-Йорка и пообещал дать эксклюзивный материал для публикации. Барнум был известен своими скандальными выходками, поэтому журналисты с радостью приняли это предложение. 14 июля 1842 года три крупнейших газеты города опубликовали «эксклюзивный» материал о том, что в музей Барнума поступил экспонат, которому нет и не могло быть равных. Русалка, выловленная у островов Фиджи. Почему Барнум выбрал именно эти острова? Все очень просто. Перед приходом журналиста первой газеты он раскрутил свой глобус и ткнул наугад. Палец указал именно на это место.

«...продавший русалку человек утверждал, что это существо было выловлено им живым у островов Фиджи; в ее подлинность безоговорочно верят многие ученые

*мужи, хотя некоторые убеждены, что это подделка и что существа, ей подобные, в природе просто не существуют. А устроитель выставки может с полной уверенностью говорить лишь одно: на вид она не менее реальна, нежели любая рыбина, лежащая на прилавках наших рыбных базаров, но кто станет спорить, если доктора не согласны? В любом случае, является она творением природы или изготовлена искусственно, это, без сомнения, самая необычная и редкая диковинка, когда-либо выставлявшаяся на обозрение публики. Если это существо не настоящее, то на вид и на ощупь этого не скажешь, потому что сделано оно чрезвычайно искусно. Если же это творение природы, то в этом случае никто не станет спорить, что это **ВЕЛИЧАЙШАЯ РЕДКОСТЬ В МИРЕ!**» (Отрывок из рекламной статьи тех лет, написанной Ф. Т. Барнумом).*

«Тогда, да и сегодня, основной способ привлечь внимание публики заключался в том, чтобы развесить повсюду яркие афиши, обещавшие посетителям и зрителям все, что угодно, и ничего. Признаюсь, я не стал ломать голову над тем, как стать примером для своих предприимчивых и инициативных сограждан, отыскав какой-то иной путь. Я воспользовался общепринятым способом; и если моя реклама была более настойчивой, тексты – более нахальными, афиши – яркими, иллюстрации – гиперболизированными, а флаги – патриотичными, чем когда музеем управляли другие люди, то это объяснялось не тем, что я был менее щепетилен, а тем, что я действовал энергичнее и умнее и у меня было больше оснований раздавать столь щедрые обещания. И я до сих пор не слышал ни об одном посетителе, ушедшем из моего музея с жалобами на то, что его надули и что он зря потратил свои деньги» (Финеас Тейлор Барнум).

Конечно, все три газеты обозлились на Барнума, поняв, что тот их одурачил. В отместку они принялись наперебой писать о том, что русалка – подделка, но теперь это только подогревало интерес к экспонату, а заодно и к музею.

«Реклама для хорошей вещи, как навоз для почвы, серьезно улучшает и усиливает ценность продукта. Ваше рекламное объявление прочитают тысячи людей, а вы в это время будете есть, спать или заниматься другими делами. После того как вам удастся привлечь внимание публики, к вам потянутся новые клиенты, и, если вы сумеете предложить им нечто эквивалентное уплаченным ими деньгам, они не только станут вашими постоянными потребителями, но и начнут рекомендовать вас своим друзьям» (Финеас Тейлор Барнум).

Несколько лет подряд велись жаркие споры о том, подлинный экспонат у Барнума или нет. Стали появляться люди, которые утверждали, что русалка Барнума – фальшивка, но вот русалки эти действительно существуют. В доказательство эти люди представляли своих русалок. Естественно, все это тоже были подделки, и, естественно, все желающие нажиться на успехе Барнума лишь подогревали интерес к его музею. Русалка стала именно тем крючком, на который все попадались. Именно ради русалки они покупали билет, но не ради нее они шли в музей. Посетители хотели получить за свои двадцать пять центов несколько часов развлечений, и их ожидания оправдывались сполна даже в те моменты, когда сама русалка находилась где-то на выставке в другом музее. Здесь, в царстве великого Барнума, каждый мог найти развлечение себе по душе.

«Какой бы ценной ни была коллекция экспонатов, когда я его выкупил, это была лишь основа Американского музея в том виде, в котором его создал я. За то долгое время, пока я был его владельцем, постоянная экспозиция увеличилась больше чем в два раза. В 1842 году я купил и добавил в нее все содержимое музея Пила; в 1850 году была выкуплена большая коллекция Пила в Филадельфии; так, год за годом, я, невзирая на цену, скупал разные интересные экспонаты повсюду, где мне удавалось их отыскать в Америке и Европе.

Сначала я просто стремился показывать своим постоянным клиентам как можно больше интересного и нового, и дело было вовсе не в моей щедрости; это был бизнес чистой воды. Если посетитель уходит от вас довольным и удовлетворенным зрелищем, это значит, что он придет к вам опять и приведет с собой друзей. Я хотел, чтобы люди заговорили о моем музее...

Это была бы самая лучшая реклама, которую только можно изобрести, и, кстати, единственная, которую я тогда мог себе позволить» (Финеас Тейлор Барнум).

- У нас возникла проблема, - сообщил однажды помощника директора музея. - Мы не справляемся с потоком посетителей, они толпятся возле одних и тех же экспонатов и слишком долго слоняются без дела, - пояснил он.

Когда слух о русалке достиг бедных кварталов Нью-Йорка, поток посетителей действительно достиг критических пределов. Нужно было что-то придумать. Барнум весь день ходил по музею, ничего не говоря.

- А что это за дверь? - поинтересовался он, натолкнувшись случайно на неприметную створку в комнате для уборщиц.

- Черный ход, он уже давно не используется, - пояснила одна из служанок.

Барнум открыл дверь и буквально вывалился на Энн-стрит. Дверь при этом захлопнулась и больше не открывалась. Восхищенный этим открытием, Барнум поспешил вернуться в музей.

- Повесьте над этой дверью табличку «продолжение осмотра экспонатов», - велел он.

- Но ведь люди будут путаться... - начала было женщина. Барнум прервал ее жестом и повторил свою просьбу.

На следующий день сотрудники действительно повесили такую табличку. Восхищенные увиденным на первом этаже, посетители спешили увидеть как можно больше.

- Мы же уже все здесь посмотрели, - говорил кто-то.

- Скорее всего, там вольер с каким-нибудь редким животным, - отвечал кто-то и решительно открывал дверь... Вся толпа вваливалась туда и оказывалась на улице. В первую минуту они не понимали, что произошло, и лишь спустя какое-то время понимали, какую глупость совершили. Те, кто не имел проблем со средствами, плелись за новым билетом, а большинство отправлялось домой. Эта небольшая выходка помогла в значительной степени разгрузить от посетителей первый этаж музея.

«Да будет вам известно, что у меня сохранились чеки Американского музея за четыре недели до того, как в нем была выставлена моя русалка, на общую сумму 1272 доллара. А за аналогичный период после того, как русалка появилась в экспозиции, было продано билетов на 3341 доллар и 93 цента.

Если исходить из того, что моя русалка подделка - что, без сомнения, так и было, - то это самый замечательный образец гениальности и бесконечного терпения изготовившего ее мастера из всех, которые мне когда-либо встречались. Но лично меня, по правде

говоря, в то время этот вопрос не слишком занимал»
(Финеас Тейлор Барнум).

Глава 7. Что это?

«Я постоянно изучал разные способы привлечения внимания публики: как удивить людей, как заставить их говорить о себе... короче говоря, как рассказать миру о том, что у меня есть музей и его стоит посетить» (Финеас Тейлор Барнум).

- Мистер Барнум, к вам посетители, - сообщила горничная. Девушка явно была растеряна и не знала, как себя нужно повести. Это насторожило Барнума, и тот отвлекся от изучения деловой корреспонденции.

Через мгновение в его кабинет неловко зашла темнокожая пара. Мужчина и женщина ничем не выделялись, что было странно. В музее платили очень хорошие зарплаты, поэтому к нему постоянно записывались на прием люди, которые хотели работать у него. Все знали, что для такой работы нужно быть особенным, чем-то отличаться от других. Причем этот человек должен был не только иметь необычную внешность, но и уметь развлекать публику. Крайне редко к нему на прием записывались действительно достойные музея люди.

- Мы бы хотели, чтобы вы посмотрели нашего сына, - робко начала женщина. - Думаю, он подойдет для работы у вас.

Барнум согласно кивнул, и женщина позвала ожидавшего у входа в кабинет сына. Им оказался восьмилетний Генри Уильям Джонсон. Мальчик был очень высокого для своего возраста роста, но при этом голова у него была непропорционально маленькой и приплюснутой, как у булавки. Барнум решил, что это очередной микроцефал^[12], и уже ожидал невнятного бормотания ребенка, который сильно отстает в

развитии. Вместо этого мальчик вежливо поздоровался и присел на край дивана.

Генри приняли на работу в музей в тот же день. «Человек – Булавочная головка» – так окрестил его шоумен.

Как и всех других детей музея, Барнум обязал мальчика посещать занятия с преподавателем. На уроках он показывал отличные результаты и был весьма смышленным мальчишкой, правда, очень скромным и тихим. Небольшая микроцефалия сильно испортила ему внешность, но вот интеллект у него был что надо. Вот только стоило ли об этом знать публике?.. Нужно было срочно придумать легенду для нового экспоната.

«Представляя факт обычным языком, ты оставляешь за читателем или слушателем право сомневаться в этом факте. Предположим, продавец рекламирует отличную свежую треску, а его сосед – конкурент – крупнейшую, сладчайшую, наилучшую треску, какую когда-либо вылавливали рыбаки; огромную рыбу в четверть человеческого роста, с мясом белее снега; лучшую из всего, что когда-либо давал Атлантический океан. Как вы думаете, кто из этих двух торговцев продаст больше трески?» (Финеас Тейлор Барнум).

– Что это?! – негодовал Генри Джонсон спустя пару дней. – Что это?!

– Что я могу поделаться, если этот Дарвин сейчас в моде, – оправдывался Барнум.

Совсем недавно скандально известный ученый Чарльз Дарвин опубликовал свою работу «Происхождение видов», согласно которой человек произошел от обезьяны. Работа эта наделала много

шума в научном сообществе и даже вышла за пределы лекционных аудиторий. Теперь эту теорию обсуждали во всех газетах и журналах. Было бы глупо не сыграть на этом.

В газетах Генри назвали недостающим звеном эволюции, получеловеком-полуобезьяной.

- Прости, но теперь это твое рабочее место, - сказал Барнум, указывая на железную клетку, предназначенную для крупных животных.

- Издеваетесь? - вполне миролюбиво поинтересовался Джонсон.

- Десять долларов в день, - живо отреагировал Барнум.

Джонсон согласился. В конце концов, рабов частенько заставляли сидеть в клетке, и никому из них за это не платили такие деньги. Вскоре гонорар Джонсона увеличился до десятки за выступление, а через пару лет он уже получал сто долларов за одно шоу. В рабочие обязанности Джонсона входило лишь сидение в клетке. Периодически он должен был рычать и пускать слюни, а если он хотел получить премию, то нужно было почаще бросаться на посетителей.

Однажды, когда ажиотаж вокруг Джонсона уже немного спал, проходя мимо зала, где сидел Джонсон, Финеас услышал душераздирающие звуки скрипки. Неожиданно музыка прекратилась. Директор музея решил понаблюдать за тем, что происходит в его музее. Оказалось, что Джонсон раздобыл где-то скрипку и теперь на радость публике периодически начинал на ней «играть», производя при этом чудовищные звуки. Чтобы «недостающее звено эволюции» поскорее прекратило играть, ему начинали бросать мелочь. За пару часов мальчишка заработал больше сотни долларов.

Когда очередная группа посетителей музея вышла из зала, в котором сидел Джонсон, Финеас в бешенстве

ворвался туда.

- Ты обворовываешь меня! Ты обворовываешь музей!.. - негодовал он. Краем глаза он следил за тем, чтобы никто не увидел этот разговор.

- По контракту мне запрещено говорить, а чаевые брать разрешено. И про скрипку там тоже ничего не написано, - парировал Джонсон.

Барнум продолжал возмущаться, когда в дверях показались новые посетители. Джонсон с видом мирового спокойствия на лице взял в руки скрипку и стал издеваться над слухом посетителей музея. Барнуму пришлось замолчать. Желая остановить «музыку», мужчина уже протягивал Джонсону доллар. Барнум в бешенстве ударил по тянущейся из клетки руке и выхватил из рук оторопевшего посетителя доллар. После чего стремительно вышел из зала.

Несмотря на подобные стычки, Джонсон и Барнум дружили в течение последующих сорока лет.

«Я не верю в „одурачивание публики“, но твердо убежден, что людей первым делом надо привлечь, а потом доставить им удовольствие. Я вовсе не пытаюсь оправдать все сделанное мною на жизненном пути, но точно знаю, что обычно давал людям за их деньги в два раза больше, чем обещал» (Финеас Тейлор Барнум).

Глава 8. Генерал Том Там

Быть богатым и быть успешным – не всегда одно и то же.

Финеас Тейлор Барнум

[13]

4 января 1838 года в семье плотника Сифа Шервуда и Эми Шарп родился мальчик. Ребенка решили назвать Чарльзом. Это была самая обычная семья, жившая на окраине Бриджпорта. Поначалу эту семью даже считали образцом семейного счастья, но так продолжалось недолго. Вскоре после свадьбы Эми забеременела и родила двойню. Дети родились очень слабенькими и болезненными, уже через несколько дней двое малышей умерли от лихорадки. В те годы люди еще не придумали антибиотики, поэтому подобное не было редкостью. Кто-то умудрялся пережить утрату, но кому-то это оказывалось не под силу. После смерти малышей Сиф Шервуд стал все чаще появляться на пороге дома вусмерть пьяным. Эми также не смогла пережить смерть детей. В надежде на то, что новый ребенок поможет возродить былые чувства, Эми вскоре вновь забеременела. В 1838 году она родила Чарльза Шервуда Страттона, здорового и умного мальчугана. Радости Эми не было предела, но лишь до 1839 года.

Спустя полгода Эми заметила, что сын стал медленнее расти, а еще через шесть месяцев выяснилось, что мальчик перестал расти вовсе. Ни денег, ни сил для борьбы за жизнь и здоровье ребенка в семье не было. Эми вслед за Сифом стала топить свое горе в алкоголе. С каждым днем все труднее становилось поддерживать иллюзию приличной,

благовоспитанной семьи, но Эми по-прежнему пыталась не давать соседям повода для лишних пересудов.

Финеас Барнум наведалься к ним в 1842 году. Он просто приехал в Бриджпорт по делам и собирался проведать своих дальних родственников (Эми приходилась Финеасу троюродной сестрой). Он не ожидал, что они прозябают в такой нищете, не ожидал он и встретить здесь лилипута.

Чарльза вывели в гостиную, желая удивить гостя. На тот момент его рост составлял лишь 70 сантиметров, но при этом он был удивительно хорошо сложенным мальчиком, который к тому же на удивление выразительно читал стихи. Чарльз действительно удивил Финеаса, но вовсе не ростом, а свободной манерой держаться на публике.

«Высотой не больше шестидесяти сантиметров, весил меньше шести килограммов; это был самый маленький умеющий ходить ребенок из всех виденных мною в жизни. Но он был идеально сложен, с яркими умными глазками, светлыми волосами и румяными щечками; весь его вид говорил об отменном здоровье. Мальчик был чрезвычайно застенчив, но, немного поупрямившись, все же разговорился со мной, и я в ту же секунду понял, что должен получить согласие его родителей и начать показывать это чудо публике» (Финеас Тейлор Барнум).

- Что, если я буду платить вам каждую неделю зарплату за то, что он будет выступать в моем музее? - поинтересовался Финеас у Эми.

Женщина согласилась на предложение практически сразу. Во-первых, они действительно очень сильно нуждались в деньгах, ну а во-вторых, какое будущее ожидало ее сына здесь? «Почетная» должность городского уродца, побирающегося рядом с церковью?

Жизнь за счет доброты других людей? Все это, конечно, не могло сравниться с теми блестящими перспективами, которые рисовал перед ними Барнум. Слава, почет, уважение – все это ждало ее сына в Нью-Йорке.

– Нужно только придумать тебе громкий псевдоним, – сказал Барнум уже в экипаже, везущем их с Чарльзом в Нью-Йорк.

Ребенок с энтузиазмом воспринял эту идею, и все оставшееся время они провели за веселыми разговорами о разных известных личностях. Чарльз считал своим кумиром Наполеона и настаивал на том, чтобы у него был псевдоним Бонапарт, но Барнум понимал, что это все-таки не то, что нужно. В ответ на это Чарльз стал уморительно пародировать Наполеона. Хохотали все, включая кучера, краем уха слышавшего их разговор.

– Мальчик-с-Пальчик! – воскликнул Барнум. – Твой новый псевдоним Мальчик-с-Пальчик.

– Мне не нравится, – запротестовал Чарльз.

– А если... Если Генерал Мальчик-с-Пальчик? – исправился Барнум.

– Это уже лучше, – удовлетворенно кивнул Чарльз.

Публика быстро утрачивает интерес к сенсациям. Уже через неделю трюк с кирпичами перестал работать. Примерно столько же требовалось, чтобы привыкнуть к новому шоу менестрелей^[14], которое теперь можно было видеть каждый четверг в лекционном зале. Правда, здесь все же Барнуму удалось возродить интерес к актерам, загримированным под чернокожих людей. В ту пору активно развивалась фармакология. Именно производители лекарств первыми стали использовать рекламу для продажи своей продукции, притом зачастую странную и агрессивную. Производство безрецептурных микстур и пилюль было

на тот момент самым прибыльным делом. Естественно, очень скоро аптек стало слишком много, а лекарств еще больше. Большинство из них были совершенно безвредны (правда, и пользы от них не было никакой), но встречались и весьма опасные. К примеру, как раз в то время была очень популярна детская успокоительная микстура под названием «Морфин», в состав которой входил один из самых опасных наркотиков мира. Дети от нее действительно становились очень спокойными... Покупать лекарства от всего на свете вошло в моду. Барнум с восхищением рассказывал о самой необычной рекламе из всех, что он когда-либо видел. Это были шарманщики, заполонившие вдруг город. Они ходили по улицам и меланхолично крутили ручку музыкальной коробки, внутри которой было явно что-то весьма интересное. Люди останавливались и просили шарманщика дать им заглянуть внутрь необычной коробки. Барнум поступил точно так же. Он ожидал увидеть какую-то картинку или кукольную миниатюру, но на дне коробки было лишь красивое изображение конфеты и надпись под ней: «Покупайте леденцы от кашля фирмы «Pease». Именно один из производителей лекарств придумал продакт плейсмент. Он вызывался писать для газет статьи на любую тематику. Статьи были емкими и интересными. Отличало их лишь одно: в каждой из них было умело ввернуто пара фраз о прекрасных таблетках его компании.

Однажды Барнум услышал от одного из своих темнокожих танцоров, которые исполняли народные пляски, что какая-то старуха на ярмарке предлагает всем купить чудодейственное средство, превращающее темную кожу в светлую. Это было уже интересно. Конечно, ни в какое средство Барнум не поверил, но ведь это действительно могло вызвать ажиотаж. Он пригласил на ужин одного из известных фармацевтов и предложил выпустить специально для его музея

микстуру, превращающую темнокожих в белых людей. Поначалу производитель добродушно рассмеялся. Подобные волшебные микстурки уже пару лет ходили по ярмаркам, но, к сожалению, чего-то мало-мальски действенного еще никто не придумал.

- Ничего действенного и не нужно, - отмахнулся Барнум...

Вскоре в музей уже выстроилась очередь из темнокожих кухарок, кучеров и других людей, желающих купить в магазине музея волшебную микстуру. Лавка располагалась рядом с выходом, поэтому чтобы до нее добраться, человек смотрел все экспозиции, и подходил к магазину в совершенно счастливом расположении духа. Вскоре шумиха по поводу чудодейственного зелья улеглась, но темнокожие люди все равно продолжали ходить в музей, а ведь это был очень неплохой доход. Еще никому из владельцев музеев не удавалось привлечь к себе внимание кухарок и кучеров.

Пару месяцев в кассы музея выстраивались очереди за билетами на провокационный спектакль «Хижина дяди Тома», но и это скоро приелось публике. Скандальная русалка с далеких островов Фиджи до сих пор привлекала посетителей, но ажиотаж уже давно спал. Нужно было вновь чем-то удивить публику. Барнуму оставалось еще полгода выплачивать кредит за покупку музея. Согласно долговым обязательствам, если бы он хотя бы раз просрочил выплату, музей переходил в собственность мистера Скуддера. Поскольку посетителей сейчас стало значительно меньше, а зарплаты актерам нужно было продолжать платить, перспектива лишиться музея сейчас была как никогда реальной.

«Когда я начал выплачивать долг его тогдашним владельцам, никто не сомневался, что отныне мне

придется отдавать этому делу все свои силы и энергию. Ситуация была из тех, которые называют „пан или пропал“. Я должен был либо уложиться в оговоренные сроки, либо музей бы у меня отобрали, собственно, как и все деньги, выплаченные мной к тому моменту» (Финеас Тейлор Барнум).

Генерал Мальчик-с-Пальчик оказался спасительной соломинкой для Барнума, ну а Чарльз Страттон получил взамен самое удивительное детство в мире. В музее все восприняли Чарльза с восхищением. Танцовщицы из ансамбля черкешенок стали наперебой кружиться с ребенком в танце, актеры из числа менестрелей наперебой играли с ним в карты, лилипут Генри Уильямс Джонсон стал считать его своим сыном... Оказалось, что Чарльз обладает куда более значимым достоинством, чем рост, – он умел нравиться абсолютно всем. Вдобавок к этому он обладал фантастической для ребенка памятью. Чарльз буквально с первого прочтения мог запомнить самый сложный текст, а затем воспроизвести его с уморительно серьезным видом.

Генерала Тома Тама хотели баловать абсолютно все. Его буквально заваливали после выступлений игрушками, сладостями и цветами. Чтобы поддерживать образ маленького взрослого, Барнум заказывал для Чарльза костюмы у лучших портных города. Страттон ходил в шикарном фраке, котелке и иссиня-белой сорочке. Удивительно, но Чарльз был при этом совершенно не избалованным ребенком. Он редко капризничал и считал слово Финеаса Барнума законом и истиной в последней инстанции. Сам Барнум вскоре стал считать Страттона своим названным сыном. Долгое время Чарли даже жил вместе с его семьей. Дочери обожали играть со своим дальним родственником, да и Черити души в нем не чаяла.

Главной страстью Чарли всегда были экипажи и кареты. Он с замиранием сердца наблюдал за тем, как перед входом в музей Барнума останавливаются необычные, богато украшенные кареты. Иногда он даже просил владельцев впустить его внутрь кареты, чтобы изучить то, как она устроена. Конечно, все были рады выполнить просьбу Генерала.

Когда Барнум купил свой первый экипаж, невероятно дорогую, сделанную на заказ карету, Чарли несколько дней подряд не вылезал из нее, пытаясь разобраться в механизме работы различных деталей кареты. Видя такую фанатичную любовь к экипажам, Барнум решил сделать названному сыну подарок. Он заказал для Чарли карету, выполненную в форме ореховой скорлупы. Этот экипаж стал одной из городских достопримечательностей. Карета неизменно привлекала внимание людей, а следовательно, увеличивала поток посетителей музея.

«Русалка, лошадь с головой вместо хвоста и хвостом вместо головы, пашущий землю слон и т. д. – все это я использовал только как рекламу, чтобы привлечь внимание публики и прославить Музей и другие действительно очень ценные экспонаты и аттракционы, которые я предлагал людям.

Я верю в огромную мощь рекламы и, не щадя сил, трублю в трубы, бью в гонги и барабаны, чтобы пробудить интерес к своим шоу; но я никогда не считал, что самая активная реклама и поистине титанические усилия способны обеспечить долгосрочный успех чему-либо фальшивому, ненастоящему» (Из личного письма Финеаса Тейлора Барнума).

«Зачастую я хватался за представившуюся мне возможность на интуитивном уровне, не обдумав как следует, как именно буду ее использовать, и

получалось, что со временем она сама по себе перерастала в нечто служащее достижению моих целей.

Пожалуйста. Покупая волосатую лошадь, я не имел ни малейшего понятия, что буду с ней делать. Но когда поднялась шумиха вокруг спасения полковника Джона Ч. Фремонта (он заблудился в снегах Скалистых гор), лошадь была выставлена в Нью-Йорке на обозрение публики и широко разрекламирована как самое удивительное животное из всех пойманных во время горной экспедиции этого знаменитого исследователя. А когда люди узнали, что владелец Американского музея и хозяин „волосатой лошади“ – одно и то же лицо, обо мне и моем музее заговорили еще больше» (Финеас Тейлор Барнум).

Публика моментально влюбилась в Мальчика-с-Пальчик. На его выступления хотели попасть абсолютно все: от обычных рабочих до президентов. Все с восхищением слушали забавные монологи, сценки и стихи, которые читал ребенок, рост которого не превышал восьмидесяти сантиметров.

Очень скоро Барнум сумел выплатить долг за музей. Теперь он был на равных со всеми посетителями закрытого джентльменского клуба, в котором проходили обычно встречи с кредиторами.

- ...А вскоре, может, и с президентом познакомлюсь, – расхохотался Барнум, не в меру повеселевший от пары бокалов шампанского. Сегодня он внес последнюю выплату и стал полноправным владельцем пятиэтажного здания музея. Вполне можно было себе позволить расслабиться.

Тут на сцену вышел Генерал Мальчик-с-Пальчик и начал читать свой самый популярный монолог. Публика неизменно ухохатывалась, и лишь мистер Пиллс, владелец музея по соседству, был мрачнее тучи.

- Вы никогда не будете желанным гостем здесь, Барнум, - задумчиво сказал он. - Вы можете стать втрое богаче меня, показывая карликов и уродцев, но даже тогда вы не будете равней членам этого клуба. Вы выскочка и деревенщина. Бесспорно, вы сумели добиться многого, это достойно уважения. Просто я хочу сказать, что иногда нужно вспоминать то, откуда вы родом и кто вы на самом деле. Я говорю это, ни в коем случае не желая вас обидеть, скорее, наоборот, хочу помочь вам. Вы посмешище этого клуба. Не Мальчик-с-Пальчик, а вы - главный здешний клоун...

Слова мистера Пиллса попали в точку. Это был один из тех редких случаев, когда Барнуму пришлось приложить усилия, чтобы сохранить невозмутимый вид и даже отделаться шуткой.

- Ничего, когда королева Виктория будет мне рукоплескать, думаю, вы измените свое мнение, - сказал он.

- Ну разве что королева Виктория... - добродушно рассмеялся мистер Пиллс. Вряд ли можно было придумать что-то менее правдоподобное, чем овации королевы Виктории, с удовольствием желающей посмотреть на шоу уродцев.

«Я очень надеялся на успех этого проекта, однако даже в самых радужных мечтах не мог себе представить, к чему все это приведет; я не мог даже вообразить, что пройдет совсем немного времени - и благодаря этому артисту я лично познакомлюсь с королями, королевами, лордами и людьми пусть и незнатного происхождения, но необычной судьбы; что благодаря моему другу и партнеру обо мне узнает широкая общественность, которая толпой хлынет на мои шоу, а ее денежки рекой потекут в мои сундуки» (Финеас Тейлор Барнум).

Глава 9. На аудиенции у королевы Виктории

«Если бы я не был невероятно скромным человеком, я бы, скорее всего, захотел похвастаться и сказал, что сделал то, что до меня не удавалось ни одному американцу; но, будучи „невероятно скромным“, я ничего не скажу, а просто подожду, пока появится другой американец, который в течение восьми дней дважды имел аудиенцию у королевы Великобритании в ее дворце» (Ф. Т. Барнум, статья в газете Atlas, 1844).

- Ты остаешься здесь за главного, пожалуйста, не разрушь все, что я создал, - говорил Финеас Барнум Филиппу Карлайлу уже на пристани. Барнум принял вызов, брошенный ему мистером Пиллсом, и сейчас всерьез собирался покорить Старый Свет. Доселе это еще не удавалось никому из американцев. Багаж был уже погружен на судно, а Барнум и Генерал Том Там все никак не могли проститься с родными и близкими. Помимо жены, детей, Филиппа и многочисленных друзей Финеаса, сюда пришли и все артисты шоу Барнума. Сейчас пристань больше напоминала театральную сцену музея. Здесь можно было встретить карликов, великанов, танцоров, переодетых в женщин мужчин, актеров, загримированных под негров, одноруких жонглеров и безногих гимнастов. Мало кто из артистов мог сдержать слезы, прощаясь с Барнумом и Генералом Томом Тамом. В те годы путешествие через океан все еще было слишком рискованным мероприятием. В пути могло произойти все что угодно. Впрочем, Барнум и Генерал тоже переживали, но вовсе не из-за трудностей, связанных с долгой дорогой. Они боялись того, что окажутся никому не нужны в Старом

Свете. Вот это было куда страшнее любого шторма и урагана.

Путешествие через океан не запомнилось ничем примечательным. Генерал привычно веселил скучающую публику, за что их с Барнумом обожали все без исключения пассажиры. Финеас успел за время путешествия завязать множество полезных знакомств. В целом все шло своим чередом. Лишь маячившая перед Барнумом цель – аудиенция у королевы Виктории – немного выбивала из колеи. У Барнума не было никаких полезных знакомых в Старом Свете. Он надеялся лишь на блестящую рекомендацию известного журналиста Хораса Грили, адресованную американскому послу в Англии Эдварду Эверетту^[15].

Сойдя на пристань Лондона, Финеас Барнум и Генерал Том Там почувствовали себя выброшенными на сушу рыбами из аквариума Барнума, недавнего музейного приобретения директора музея. Здесь никому не было до них дела. Хозяин гостиницы, в которой они собирались остановиться, не встретил их. Повсюду сновали обозленные торговцы и моряки, отовсюду слышалась отборная портовая брань. Вдобавок ко всему в тот день Лондон был окутан плотным туманом, из-за которого нельзя было разглядеть здание, находящееся буквально в паре метров от тебя. Очертания города терялись в белесой дымке тумана, создавая совершенно мистическое впечатление.

Барнум нанял извозчика и приказал отвезти их в какую-нибудь хорошую гостиницу. Остановившись в отеле, хозяин которого забыл их встретить, он не пожелал. В итоге пришлось поселиться в другой, менее престижной. Буквально на следующий же день после приезда Барнум отправился на аудиенцию к послу США в Великобритании.

- Простите, но мистер Эверетт не принимает сегодня посетителей, - сообщила им вежливая пожилая женщина в приемной.

- Передайте ему рекомендательное письмо, - учтиво поклонился Барнум, все еще не растеряв оптимистичного настроения.

- Хорошо, положите его на стол, - невозмутимо кивнула женщина.

- Я бы попросил вас передать ему это письмо сейчас, - уже немного теряя терпение, сообщил Барнум.

- Хорошо... - Женщина недовольно покосилась на Барнума, но все же отправилась в приемную дипломата. Вышла она оттуда уже через минуту. Вид у нее был подозрительно довольный.

- Повторяю, мистер Эверетт не принимает у себя бродячих актеров, - с видимым удовольствием сказала женщина, усаживаясь за стол.

Это было только первое разочарование. Вслед за ним последовали и новые неудачи. Ни в одном театре не согласились на выступление Генерала Мальчика-с-Пальчик.

- Вы полагаете, что публика никогда не видела карликов? - саркастически спрашивали владельцы театров и лекционных залов. - Поверьте, здесь подобным вы никого не удивите...

Так отвечали буквально повсюду. Уже через неделю пребывания в этом городе Барнум и Генерал Том Там растеряли весь свой оптимизм. Нужно было придумать новую стратегию...

Барнум решил, что начать нужно с перемены места жительства. Ему нужен был самый роскошный особняк в центре Лондона. Такой, в котором не будет стыдно принимать королеву. Гостиница явно не подходила для таких целей.

На аренду огромного дома с видом на Тауэр ушло баснословное количество денег, однако Барнум к тому

моменту был достаточно состоятельным человеком, чтобы позволить себе такие траты. Более того, вместе с домом он нанял пять человек прислуги – совершенно ненужные для обычных туристов траты. Ну а дальше он решил воспользоваться своим излюбленным способом и написал во все газеты Лондона.

«Я разослал письма редакторам газет и некоторым уважаемым горожанам и пригласил их посетить Генерала Тома Тама в его новом жилище. Большинство приняли приглашение и отнюдь об этом не пожалели. Их лестные отзывы распространились в высшем обществе города так стремительно, что украшенные гербом кареты начали подвозить к нашим дверям людей без приглашений, но в дом их не допускали» (Финеас Тейлор Барнум).

Кареты подъезжали ко входу в богатый особняк. Посетителей приглашали выпить чаю в гостиной, но к Генералу и мистеру Барнуму прислуга их не пускала. Они говорили, что Генерал слишком устал с дороги, плохо себя чувствует, готовится к выступлению... На самом деле Генерал Том Там изнывал от скуки на втором этаже дома. Он уже готов был возненавидеть Барнума за то, что тот не разрешает ему выходить на улицу. За окном можно было разглядеть очертания одного из самых красивых и богатых городов мира, но пройтись по его улицам было нельзя. Настоящая пытка, особенно для семилетнего мальчишки. Вместо этого нужно было учить новые монологи и стихи для выступлений. Скучнее занятия не придумать.

– Мистер Барнум? – В двери гостиной второго этажа вошла нанятая недавно горничная. – Вам письмо от мистера Эверетта. Дипломат приглашает вас с Генералом на аудиенцию.

- Наконец-то! - подпрыгнул Генерал Том Там, умудрившись в прыжке выхватить письмо из рук горничной.

- Не спеши, - попросил Финеас ребенка. - Сейчас я напишу ему ответ. - Вторая часть фразы относилась к горничной.

В ответном письме значилось, что Барнум и Генерал найдут время для встречи с дипломатом лишь в том случае, если тот пообещает организовать ему аудиенцию с королевой. Ответ на это письмо последовал незамедлительно:

«Это смешно. Если вы добьетесь аудиенции с королевой, я сниму перед вами шляпу. Эдвард Эверетт».

Ответ Барнума был еще короче. Там значилось всего лишь два слова: «Вызов принят». После чего Барнум попросил принести накопившуюся за неделю корреспонденцию. Весь день он разбирал пачки приглашений на выступления в частных гостиных лучших домов Лондона. Финеас Барнум совершенно не знал, чьи приглашения следует принять. Пришлось попросить одного из людей, с которыми Финеас познакомился на корабле, помочь в этом непростом деле.

В итоге Барнуму удалось создать программу мероприятий на две недели вперед. Все наиболее влиятельные семьи Лондона с нетерпением ждали загадочного американского Генерала. Каждое появление Барнума сопровождалось настоящим представлением, в центре которого был Генерал Том Там, рост которого не превышал еще и восьмидесяти сантиметров. Хорошо сложенный, по-настоящему красивый ребенок, одетый в военную форму, мало напоминал уродливых карликов из бродячих балаганов. А уж когда Генерал начинал говорить с уморительно серьезным видом и демонстрируя знание всех светских

манер, им очаровывались даже самые скептически настроенные гости.

Вскоре все газеты Лондона написали о Генерале, покоровшем лучшие дома Лондона. В них писалось, что Генерал совершенно не похож на лилипутов, которых все видели на выступлениях уличных балаганов. Это удивительно красивый, высокообразованный человек, знающий наизусть огромные отрывки из пьес Шекспира. Тот факт, что его рост всего 80 сантиметров, ничуть не умалял достоинств этого блестящего актера... И вот уже лицо Генерала украшало все первые полосы газет. На одном из выступлений Генерала к Финеасу подсел пожилой мужчина, который чуть приподнял шляпу, приветствуя антрепренера Генерала.

- Посол Соединенных Штатов Эдвард Эверетт, - представился тот, и Барнум не смог удержать скользящей по его лицу самодовольной улыбки.

Спустя несколько дней Финеас Барнум и Генерал Том Там явились в Букингемский дворец для встречи с королевой Викторией. Королева и ее трехлетний сын, принц Альберт, были в полном восторге от маленького актера. Выступление Генерала настолько понравилось королеве, что спустя пару дней она вновь пригласила Барнума со своим актером. Такого не удавалось еще ни один артист в мире, что уж и говорить о Штатах. В те годы еще ни одному американцу не удавалось покорить искушенную публику Старого Света.

«Теперь, когда исполнилось мое самое заветное желание, спешу поблагодарить вас, человека, которому я в полной мере обязан этим невыразимым удовольствием. Будьте уверены, я никогда не забуду вашей доброты» (Из письма Финеаса Барнума Эверетту).

«Вы обязаны - повторяю, обязаны - всегда предлагать людям великое и прогрессивное шоу,

которое непременно должно быть чистым, честным, высоконравственным и поучительным. Никогда не апеллируйте к низменным инстинктам человечества; стремитесь, как это неизменно делал я, повышать духовную составляющую развлечений и всегда помните, что нашими лучшими клиентами были и будут дети. Мне приятнее слышать довольный смех ребенка, остановившегося у того или иного моего экспоната, нежели лестные отзывы принца Уэльского, которые, кстати, я от него действительно получал» (Финеас Тейлор Барнум, 1891, за пять дней до смерти).

«Генерал Том Там затмил славу шведского соловья Дженни Линд» – так звучали заголовки всех лондонских газет.

– Кто такая эта Дженни Линд? – поинтересовался Финеас Барнум у одного из своих новых лондонских приятелей.

Оказалось, что так зовут знаменитую оперную певицу, «шведского соловья», как ее прозвали в прессе. Ее тонкий, хрустальный тембр покорила к тому времени всю Европу. Правда, по заключению друга Барнума, непримечательная внешность молодой женщины слишком сильно контрастировала с поистине божественным голосом. Вдобавок ко всему певица славилась своим весьма скандальным характером.

Что может быть более благородным и высокочтимым, чем великое искусство оперы? Если Барнуму удастся сделать себе имя в качестве антрепренера оперной певицы, его уже никто не будет воспринимать как хозяина цирка уродов. Финеас Барнум даже поморщился от подобной мысли. Он попросил своего друга организовать им с Дженни встречу и, если получится, достать билеты на ее выступление в Ковент-Гарден.

Дженни Линд с радостью согласилась встретиться со скандально известным антрепренером, но вот посетить концерт никак не получалось. График выступлений Генерала Тома Тама был расписан на ближайшие несколько месяцев вперед, сейчас их уже ждала королевская семья в Испании, а ближайшее выступление мисс Линд должно было состояться только через три дня.

Буквально за день до отъезда Финеас Барнум все же встретился с Дженни Линд. Простое, даже грубое лицо простолюдинки с широким носом и маленькими бегающими глазками сильно контрастировало с утонченными манерами этой женщины. Она вела себя так, будто сознавала, что в мире нет никого красивее, чем она. При этом, по заключению Барнума, в ней чувствовалась какая-то трагедия. За всем этим гротескным жеманством, свойственным излишне взрослым и незамужним женщинам, скрывалось нечто чрезвычайно печальное. Где-то внутри этого образа скрывалась очень хрупкая и ранимая женщина. Именно за это ощущение и ухватился мистер Барнум. Он вел себя с ней, как должен вести себя заботливый отец с талантливой дочерью. Это моментально расположило мисс Линд. Если поначалу она даже и слышать не хотела об абсурдном предложении Барнума, то в конце вечера она уже готова была подписать контракт на сто концертов в Штатах.

На следующий день корабль вместе с Барнумом и Генералом Томом Тамом отбыл от берегов Великобритании. После посещения королевской семьи в Испании последовали приглашения во Францию, Швецию... Везде их сопровождал триумфальный успех. Лишь через несколько месяцев Барнум и Генерал Том Там вновь прибыли к берегам Туманного Альбиона. Оказалось, что Дженни Линд тоже сейчас в отъезде.

Вернуться она должна была лишь через несколько дней.

Глава 10. Шведский соловей

«Как бы успешен ни был человек в своем бизнесе, если он оставляет его и переключается на другой, незнакомый бизнес, то уподобляется остриженному Самсону – силы покидают его, и он становится таким же, как и все остальные» (Финеас Тейлор Барнум).

Когда повторная встреча Барнума и мисс Линд состоялась, женщина была не в самом хорошем расположении духа. Дело осложнялось еще и тем, что вместе с ней на встречу прибыло несколько юристов, в задачу которых, кажется, входило лишь одно: максимально усложнить Барнуму жизнь. В итоге контракт о гастролях Линд все же был подписан, но условия певица выставила совершенно невообразимые. Лишь тридцать процентов дохода от выступлений причиталось Барнуму за организацию концертов, личный корабль, наряды, будуары во всех концертных залах... Чего только не было прописано в этом контракте.

«Это случилось в октябре 1849 года: мне в голову пришла идея привезти ее в Америку. Я ни разу не слышал, как она поет, поскольку певица давала свои концерты там уже после того, как мы с Генералом Томом Тамом покинули его. Но мне было достаточно ее репутации» (Финеас Тейлор Барнум).

По самым скромным подсчетам, Барнуму требовалось больше сотни тысяч долларов на организацию этого турне. Таких денег у него не было. На протяжении всего пути до Нью-Йорка Барнум обдумывал то, как ему уговорить кредиторов выделить

ему средства на организацию концертов оперной певицы. В Америке опера никогда не была в почете, поэтому нужно было учесть расходы на рекламу ее выступлений. Каким образом рекламировать оперу, Барнум также пока не знал. Более того, он даже не был уверен в том, что голос Дженни Линд так уж восхитителен, как о нем рассказывали, ведь он так и не побывал ни на одном выступлении певицы.

- Вы с ума сошли? Одно дело - выставять в музее двухголовых уродцев, а другое - быть антрепренером оперной певицы! У вас попросту нет такого опыта, - возмутились кредиторы, когда Финеас Барнум собрал их в лекционном зале музея, чтобы представить на их суд план своего нового проекта.

- Мне кажется, что я уже доказал, что знаю, как заинтересовать публику, - спокойно ответил Финеас Барнум. - С этим, полагаю, никто не будет спорить. Я уверен, что мисс Линд понравится американцам. Я знаю, как заставить людей купить билеты на ее концерты. Мне кажется, что это все, что вам необходимо знать.

С этим сложно было поспорить. Финеас Барнум был главным и единственным авторитетом в сфере развлечений. В Нью-Йорке не было ни одного человека, который бы лучше него разбирался в том, чего хочет публика. И этого действительно оказалось достаточно для того, чтобы выделить ему деньги.

- Вы правда знаете, как заинтересовать американцев оперой? - поинтересовался Филипп Карлайл, когда последний кредитор попрощался с Барнумом.

- Даже не представляю, - весело ответил ему Финеас Барнум.

Началась долгая подготовка к гастрольному турне Дженни Линд по Штатам. В ход пошли уже привычные листовки, статьи и афиши. Вот только все это не

работало. Даже высокообразованная публика не спешила покупать билеты в оперу, что уж говорить о простых людях. Когда на рекламу было потрачено уже неприлично много средств, Барнум не выдержал.

- Почему никому не интересна опера?! - воскликнул он.

- К примеру, потому, что она вам тоже не интересна, - спокойно ответил Филипп. - Вы даже никогда не слышали, как она поет.

- Я не разбираюсь в опере, - отмахнулся Барнум.

- Вы удивитесь, но никто в ней не разбирается, - хмыкнул Карлайл. - Почему Вы решили, что она будет интересна публике?

- Она... - Барнум неожиданно задумался. - Она произвела впечатление очень искренней и ранимой девушки, которая упорно хочет скрыться за маской чопорной аристократки, - ответил наконец он.

- Возможно, стоит рассказать об этом? Человек по имени Дженни Линд будет американцам интереснее, чем неизвестная чопорная оперная певица из Европы?

- Возможно... Все возможно...

На следующий день Барнум попросил Филиппа и трех нанятых рекламных агентов придумать сотню историй о том, какая хорошая женщина оперная певица Дженни Линд. Именно так и озвучил свое задание великий шоумен. Первым, на чем решили сосредоточить свое внимание, была благотворительность. За день они настроили с десяток статей о том, как Линд спасает от голода детей из бедных семей, строит заповедники для редких животных, жертвует большую часть своих гонораров на благотворительность... Вдобавок к этому кто-то решил написать о том, что все деньги от американского турне певицы тоже пойдут на благие цели. В целом все это было недалеко от истины. Дженни Линд действительно была известна как весьма щедрая благотворительница, вот только в Европе

никому не приходило об этом писать. Там намного важнее было то, какие отзывы о ее пении пишут оперные критики, а в Штатах не было людей, достаточно хорошо разбирающихся в опере. Здесь хотели видеть на сцене человека с историей, желательно несчастного, а еще лучше уродливого, если уж и не внешне, то хотя бы с израненным сердцем.

Именно на истории разбитого сердца решили сосредоточиться на втором этапе рекламы турне Дженни Линд. На сей раз в газетах появились статьи о трудном детстве и несчастливом первом замужестве «шведского соловья». Согласно статьям тех лет, именно несчастная любовь подвигла певицу на то, чтобы реализовать свою невостребованную любовь на сцене...

- ...И еще в благотворительности, конечно, - уточнил довольный Барнум, читая готовящуюся к печати статью.

- Особенно в благотворительности, это хит сезона, - согласился помощник Барнума.

«Решив привезти „шведского соловья“ к себе на родину, я начал готовить американцев к этому событию, настраивать их на певицу, естественно, прежде всего через прессу. А о том, насколько эффективным оказался мой подход, свидетельствует тот факт, что американская публика помнит о ее гастролях по сей день» (Финеас Тейлор Барнум).

Накануне прибытия корабля мисс Линд в Штаты Финеас Барнум зашел в шляпную мастерскую Джона Дженини. Здесь он покупал шляпы и котелки вот уже много лет. Барнум привычно поинтересовался о том, как идут дела у мистера Дженини. Тот привычно ответил,

что дела идут неплохо, но Барнум заметил, что при ответе Дженини горестно опустил голову.

- Что-то случилось, мистер Дженини? - обеспокоенно спросил Финеас Барнум.

- Если честно, то в последнее время я терплю одни убытки. Если так пойдет и дальше, мастерскую придется закрыть, - уже искренне ответил Дженини.

- Об этом не может быть и речи, лучшего шляпника в Нью-Йорке нет!

- Возможно, вы и правы, но кредиторы у меня вовсе не самые лучшие. Если бы вы только взялись за рекламу моей мастерской, мистер Барнум, это решило бы все мои проблемы.

- Почту за честь, - старомодно ответил Финеас Барнум.

- Сколько это будет стоить? - насторожился шляпник.

- Мне не нужно платить ни копейки, но пообещайте, что купите первый билет на концерт мисс Линд, сколько бы он ни стоил, - ответил Барнум.

Шляпник легко согласился на сделку. Барнум давно собирался устроить благотворительный аукцион по продаже первых билетов на концерты мисс Линд. В Европе такие мероприятия были привычным делом, а вот в Штатах их никто доселе не проводил. Нужно было показать американцам, как это сделать. Согласие шляпника обнадежило Барнума, но требовалось обеспечить ему соперника для торгов.

Барнум отправился к своему недавнему знакомому - доктору Брандрету. Вот уже много лет, как этот врач оставил медицину и сосредоточился на бизнесе. Он занялся производством недорогих безрецептурных лекарств, которые, по его словам, помогали в лечении абсолютно всех болезней. Состав этих препаратов был вполне безобидным, но вряд ли мог вылечить даже насморк, а вот реклама у этих препаратов была

колоссальной. Буквально весь город был наводнен разного рода рекламными проспектами об этих настойках и пилюлях.

- Рад вас видеть, мистер Барнум. С чем пожаловали? - чуть приподнялся из-за стола доктор Брандрет.

- У меня для вас чертовски выгодное предложение! Я бы хотел сделать вам бесплатную рекламу, но для этого мне требуется от вас одно обещание: купите первый билет на концерт мисс Линд на предстоящем аукционе, это сделает вам колоссальную рекламу.

- Мне нужно понимать, о какой сумме идет речь, - осторожно откликнулся бизнесмен.

- Это аукцион, я не могу предсказать точную цифру, но представьте, что во всех газетах напишут, как производитель пилюль Брандрета выложил сотню долларов на концерт певицы. Это сделает вас знаменитым...

Выслушав предложение Барнума, Брандрет согласился принять участие в аукционе, но предупредил, что не намерен тратить неоправданно большую сумму на такую рекламу. Это как раз было то, чего и добивался Барнум.

Спустя неделю стартовал благотворительный аукцион по продаже билетов на концерты мисс Линд. За первый же билет разразилась настоящая битва между помощниками доктора Брандрета и шляпника Дженини. Помощник Брандрета пришел сюда с четкой инструкцией: не тратить на билет больше двухсот долларов, а помощник Дженини имел при себе тысячу долларов для этих же целей. Естественно, выиграл торги шляпник. На следующий день весь город обсуждал поступок владельца шляпной мастерской. К мистеру Дженини впервые за долгие годы выстроилась очередь из желающих приобрести шляпу у человека,

выложившего за грошовый билет оперной певицы несколько сотен долларов.

В один момент шляпник разрешил все свои финансовые проблемы, а доктор Брандрет еще долго сожалел о том, что не купил тот злосчастный билет.

«Мне надо было заплатить хоть пять тысяч долларов, но не упускать из своих рук первый билет на концерт Дженни Линд. Больше такого потрясающего шанса стать знаменитым мне, конечно, уже не представится» (Доктор Брандрет).

Вскоре в Штаты прибыла и сама мисс Линд. Реклама сделала свое дело, и на пристани певицу встречала колоссальная толпа из зевак. Такой интерес к оперному искусству удивил даже мисс Линд.

«...признаюсь, меня терзали страшные предчувствия, поскольку надежды и ожидания публики были столь огромны, что оправдать их не представлялось возможным, и соответствующая реакция могла наступить после первого же концерта. Но, к счастью, этого не случилось. Исключительная музыкальная одаренность „шведского соловья“ превосходила все, что способно нарисовать человеческое воображение, и первые же звуки ее волшебного голоса вызвали настоящий фурор» (Финеас Тейлор Барнум).

Первые же выступления «шведского соловья» были восприняты публикой с восторгом. Мисс Линд давала один концерт за другим. Каждый раз публика была в еще большем восторге, чем вчера. Вскоре турне продолжилось, и мисс Линд вместе со своей свитой отбыла в другой город. Первые двадцать-тридцать концертов прошли достаточно благополучно, но вот

ближе к середине турне Линд начала подозревать Барнума в мошенничестве с гонорарами. В этом ее убеждали все без исключения, да и в прессе Барнума иначе как мошенником никто не называл. Конечно, никто не собирался красть честно заработанные гонорары певицы, но и на досрочное прекращение турне Барнум не собирался соглашаться. В один из дней Барнум огорошил певицу неожиданной новостью: он предложил увеличить ее гонорар вдвое. Турне принесло уже достаточно прибыли, чтобы можно себе было это позволить, а шоумен надеялся, что этот поступок образумит певицу и та на какое-то время поумерит свой пыл.

«Во всяком случае, не стоит думать, что решение увеличить ее долю в прибылях было продиктовано исключительно моей щедростью.

Просто я убедился, что проект приносит достаточно средств всем его участникам, и при этом почувствовал, что, хотя певица и удовлетворена четким выполнением всех условий контракта, завистники непременно попытаются заронить в ее сознание семена сомнения и недовольства; так что мое решение было скорее политическим; это шаг, призванный предотвратить такую возможность, уничтожить ее в зародыше» (Финеас Тейлор Барнум).

В тот раз Барнум ошибся. Этот шаг только уверил певицу в том, что Барнум крадет часть ее прибыли. Вплоть до самого конца турне Линд устраивала дикие истерики и требовала расторжения контракта. Барнум стойко сносил все претензии, но в один из дней ему пришла телеграмма, в которой говорилось о том, что его дочь серьезно заболела.

Дженни Линд к тому моменту дала уже 93 концерта. Все затраченное на рекламу и организацию турне уже

давно было возвращено, да и прибыль от ее турне была колоссальной. В конечном счете Барнум все же согласился прервать турне на 93-м концерте и пожелал, хоть и не вполне искренне, мисс Линд удачи в ее сольном творчестве.

Барнум вернулся к жене и детям, а мисс Линд и ее новый муж Отто Гольдшмидт, который был младше женщины на девять лет, отправились на сольные гастроли по Америке. Естественно, никто из них даже и не думал о том, что выступления нужно рекламировать и анонсировать. Если поначалу слава Барнума еще тянулась за ней, то уже через несколько концертов интерес публики к певице стал угасать, а через месяц женщине приходилось петь свои арии в практически пустом зале. Спустя полгода Дженни и Отто вернулись в Европу. Там Дженни Линд помнили и любили. С тех пор певица весьма настороженно относилась ко всем предложениям о концертных турах, предпочитая выступать исключительно в Лондоне.

Глава 11. Иранистан

Знаете, я предпочитаю, чтобы люди надо мной смеялись, чем не замечали...

Ф. Т. Барнум, 1876, из письма Сэмюэлю Л. Клеменсу (Марку Твену)

В конце 1840-х годов Финеас Барнум затеял строительство дома. К тому моменту он уже был вполне обеспеченным человеком. Позади были несколько лет выплаты кредита за приобретение музея, и теперь можно было позволить себе почувствовать себя по-настоящему богатым человеком. Первым делом на высвободившиеся деньги он приобрел себе уникальный экипаж авторской работы, предмет зависти Генерала Тома Тама. Затем он выкупил дом, который они с женой арендовали вот уже несколько лет. В конце 1840-х стало понятно, что им по карману строительство собственного дома, такого большого, что это будет даже неприлично.

Место для строительства Финеас Барнум выбрал, по современным меркам, странное – в непосредственной близости от только что построенной железной дороги. В те годы поезда были большой редкостью. Посмотреть на проезжающий поезд обязательно собиралась целая толпа людей. Конечно, шум железная машина издавала колоссальный, но пару раз в неделю это вполне можно было вынести.

«Меня не слишком заботил стиль строения, а мою жену он волновал и того меньше; но мы оба хотели иметь хороший дом, и я не видел причин, почему бы не

сделать его не только удобным, но и уникальным. Признаюсь, что и тогда я думал о деле; я знал, что огромное и необычное здание станет косвенной рекламой моего музея. Я познакомился с архитектором в Лондоне, который сделал для меня первые чертежи будущего дворца. Уже в Штатах я нашел фирму, которая согласна была претворить мой замысел в жизнь. Строительство продолжалось день и ночь, даже в те моменты, когда я был в турне и не имел возможности следить за ходом работ. Для каждой комнаты я заказывал элегантную авторскую мебель, сделанную на заказ. Там были конюшни, оранжереи со сложными системами водоснабжения, множество деревьев... Я так увлекся всем этим строительством, что у меня даже не было желания выяснять, сколько все это стоит» (Финеас Тейлор Барнум).

Дворец с причудливым и сказочным названием Иранистан был построен к концу 1848 года. Это был самый большой и роскошный дворец в Штатах, точная копия королевского павильона короля Уэльского Георга IV. Внешний облик замка поражал воображение, внутренняя отделка была не менее роскошной. Каждый, кто проезжал в те годы по железной дороге, мог видеть невероятный дворец Барнума. Лучшей рекламы было не придумать. Спонсоры и меценаты выстраивались в очередь, чтобы сделать свой вклад в музей Барнума. Если человек может позволить себе такой дворец, он знает толк в бизнесе. Мраморные колонны, огромный разбитый перед домом сад в английском стиле, гигантский балкон вдоль всего второго этажа, – все это выглядело совершенно невероятно.

Ну а через неделю после конца строительства пассажирам проезжавших мимо поездов оставалось лишь посочувствовать.

- Кто-нибудь может объяснить, что на лужайке моего дома делает слон?! - дрожащим от возмущения голосом поинтересовалась Черити у мужа.

- Успокойся, дорогая. Полагаю, на лужайке он завтракал, - усмехнулся Финеас Барнум.

- Ты с ума сошел! - воскликнула женщина.

- Мне с детства все об этом говорят, - пожал плечами мистер Барнум и продолжил чтение деловой корреспонденции.

На самом деле этого слона Барнум приобрел несколько месяцев назад. Он сразу стал изюминкой музея Барнума и любимцем Финеаса. Пару дней назад в музей наведальась проверка, организованная какими-то защитниками животных, и потребовала, чтобы слона убрали из музея, так как его вольер был, по их мнению, недостаточного размера. Конечно, Финеас Барнум не мог лишиться слона и запретил помощнику даже думать о том, чтобы передать Джамбо во владение зоопарка.

И вот, когда судебные приставы явились на порог музея, Филиппу Карлайлу не оставалось ничего, кроме как отправить слона в Иранистан, к своему хозяину. Теперь огромный африканский слон мирно пасся на лужайке в английском стиле.

Вскоре в музей стала ломиться настоящая толпа посетителей. Оказалось, что вид пасущегося на лужайке слона настолько поразил пассажиров поезда, что слава о музее Барнума начала разноситься по всей стране. Неплохой рекламный трюк на почве конфликта с защитниками животных.

«Газетные репортеры ехали ко мне со всех уголков страны и пачками строчили восторженные статьи о продуктивности слона как сельскохозяйственного инструмента. Прежде чем я решил, что моя реклама привлекла достаточно внимания средств массовой

информации, поле было перепахано слоном не меньше шестидесяти раз...» (Финеас Тейлор Барнум).

Черити, конечно, была в ужасе от слона, но, увидев, насколько миролюбиво это животное и насколько нежно к нему относится ее муж, она все же смирилась с таким экзотическим «домашним питомцем».

- Что ты собираешься сделать хитом будущего сезона? - поинтересовался однажды помощник Барнума, когда до начала сезона оставалось всего несколько недель.

- Ко мне недавно обратился один странный человек, он предложил мне купить его изобретение. Оно и вправду полезное... - начал было Барнум.

- Конечно... - недоверчиво протянул помощник.

- Нет, по-настоящему полезное, - запротестовал Барнум. - Это огнетушитель. Я уже придумал, как организовать презентацию этого изобретения...

В 1849 году на площади перед музеем действительно была организована импровизированная сцена, на которой вначале должны были выступить артисты Барнума, а затем должна была начаться презентация огнетушителя.

Первая часть концерта прошла вполне обычно, а вот со второй возникли трудности. Изобретатель огнетушителя вышел на сцену и начал рассказывать о своем изобретении. Он выглядел как самый обычный фокусник, который сейчас продемонстрирует какой-нибудь новый трюк.

- Сейчас я устрою импровизированный пожар, который потушу этим изобретением, - завершил свое выступление ученый.

На этих словах толпа воодушевилась, а уж когда человек на сцене поджег гору каких-то тряпок, началось настоящее ликование. И тут кто-то из зрителей выпрыгнул на сцену и стал мешать работе

ученого. Пожар моментально перекинулся на занавес, и толпа запаниковала. Пожар насилу удалось потушить. Конечно, без помощи нового изобретения. Один громоздкий огнетушитель вряд ли мог справиться с огромным пожаром на одной из центральных площадей города.

- Все-таки каждому изобретению нужно свое время и своя аудитория, - огорченно вздохнул Барнум, после того как прочел в газете о громком провале презентации огнетушителя. Лишь спустя пару десятилетий это изобретение было оценено по достоинству, а в тот момент нужно было срочно найти новую сенсацию.

«Мой жизненный опыт убедил меня в том, что поистине достойным вещам, как и „надувательствам“, успех не гарантирован» (Финеас Тейлор Барнум).

Глава 12. Добро пожаловать в человеческий зоопарк

Рождаясь, вы получаете билет в цирк уродов.

Рождаясь в Америке, вы получаете билет в первый ряд.

Джордж Карлин,

американский комик

К середине 1860-х года музей Барнума превратился в настоящий культурный феномен. В городе сложно было найти человека, который бы ни разу не был в этом центре развлечений. Здесь появился огромный аквариум, в котором можно было увидеть не только рыбок и простых обитателей морского дна, но также здесь плавали две белухи, дельфины, а с недавнего времени здесь появился громадный резервуар для содержания настоящего кита. По соседству с аквариумом был и небольшой зоологический сад с редкими и необычными животными, в числе которых был и слон, и носорог, и даже дрессированный медведь, который отказывался жить с другими животными и требовал постоянного присутствия своего дрессировщика Джеймса Адамса. Когда мужчина уходил, медведь начинал грустить и злиться. Никто и ничто не могло его вытащить из этой вековой хандры, которая развеивалась в тот самый миг, когда в дверях появлялась фигура любимого дрессировщика.

На других этажах все так же можно было встретить самые редкие и диковинные вещи, скелеты необычных животных и самые редкие в мире книги. Все так же

здесь читали свои лекции все самые известные ученые того времени, а по вечерам устраивались самые необычные, не имеющие в мире аналогов шоу с участием карликов, великанов, сиамских близнецов и полностью татуированных людей. Под самой крышей здесь был разбит воздушный сад. Здесь, под облаками, можно было не только наблюдать за звездами через прозрачную крышу, не только заглянуть в увеличительное стекло самого современного на тот момент телескопа, но и отдохнуть, насладившись видом и запахом редчайших в мире растений.

Если для всех жителей Нью-Йорка музей давно превратился в главный центр развлечений, то для всех сотрудников Барнума это место превратилось в самый уютный и гостеприимный в мире дом.

Однажды в кабинет Барнума вошла строго одетая девушка. Судя по ее решительным жестам, новости она несла не самые приятные. Вместо приветствия она протянула директору музея несколько листов бумаги. Это была статья, в которой Барнум представал как ужасный и деспотичный рабовладелец, истязующий уродцев.

- Весьма бездарно, - совершенно равнодушно прокомментировал Барнум статью. - Это вы написали.

- Совершенно верно. Вы можете оценивать мое творчество как угодно. Это мое мнение, и я имею право его опубликовать, - безапелляционно заявила девушка. - В том случае, если вы не хотите увидеть эту статью в завтрашней газете, рекомендую заплатить мне за нее.

Барнум окинул девушку скептическим взглядом, а затем бросил на стол несколько монет.

- Как вы смеете?! - взвизгнула девушка, рассчитывающая явно на большее вознаграждение.

«Тогда я ответил ей, не без доли иронии: „Моя дорогая мадам, вы можете говорить обо мне и моем музее все что угодно. Можете огромным тиражом издать памфлет о том, что после свадьбы Генерала Тома Тама я украл святыню с алтаря церкви Благодати... да, собственно, обо всем, что только придет вам в голову. Только будьте так любезны, расскажите обо мне людям, расскажите им обо мне хоть что-нибудь. А потом приходите, и я с удовольствием оценю, сколько стоит ваша услуга в качестве моего рекламного агента“» (Финеас Тейлор Барнум).

Оскорбленная до глубины души корреспондентка пулей выскочила из кабинета Барнума. Естественно, ей быстро удалось продать разоблачительную статью о самом известной человеке города. Ряд других газет подхватил эту тему, и вскоре уже Финеаса Барнума иначе как диктатором и злодеем, издевающимся над и без того обездоленными людьми, не называли. Как и предполагал шоумен, такая шумиха лишь подогрела интерес к музею. Очереди перед музеем становились все длиннее, а спасительную табличку «продолжение осмотра» на двери, ведущей на улицу, приходилось использовать все чаще. В те годы музею был открыт для всех желающих пятнадцать часов в день. По самым скромным подсчетам, его посетило несколько сотен тысяч человек. Учитывая тот факт, что население Штатов в те годы было значительно меньше, чем сегодня, эта цифра действительно впечатляет.

Однажды в музей пришел молодой журналист из весьма уважаемого журнала. Он хотел опубликовать провокационное интервью с жестоким директором музея, но вышло все вовсе не так, как он планировал изначально. Барнум согласился на интервью и ждал журналиста на первом этаже своего музея.

- Как вам не стыдно эксплуатировать уродцев для потехи публики?! - чуть ли не сразу после приветствия поинтересовался молодой человек.

- Во-первых, я не считаю моих актеров уродцами, как вы выразились, а во-вторых, я не знаю более почетной и полезной работы, чем так, которая способна рассмешить ребенка и удивить взрослого, - совершенно спокойно произнес Барнум, а затем жестом приказал журналисту следовать за ним. В том зале, куда они зашли, было очень много галдящих детей. Здесь им было совершенно не интересно, так как ничего, кроме каких-то окаменелостей, здесь представлено не было.

- А сейчас я буду вас удивлять! - громогласно оповестил детей Барнум.

Он долго рассказывал ребятам о том, что именно за экспонаты представлены в этом зале. Надо признать, что рассказ этот действительно увлекал и завораживал. Барнум умел вовремя вставить какую-нибудь шутку или веселую историю, которая превращала научный рассказ в настоящее представление.

- Мне кажется, что здесь живет кто-то, - сказал вдруг Барнум, указывая на непонятного вида кусок камня. Все, включая журналиста, недоуменно воззрились на него, как на сумасшедшего. - Нет, здесь определенно кто-то живет. Давайте это проверим, - громко сказал директор музея и достал спрятанный где-то возле окна кувшин с водой.

К немалому удивлению всех присутствующих, он начал лить воду прямо в углубление большого булыжника. И тут произошло чудо. Из камня что-то выпрыгнуло и стало как заведенное метаться по небольшой пока поверхности воды. Дети замерли от восхищения.

- Протоптер, друзья. Эта рыба умеет жить и в воде, и без нее. Вот такая вот наука, а вовсе не магия, - удовлетворенно закончил свой рассказ мистер Барнум.

«Если хотите быть счастливым, как ребенок, обрадуйте какого-нибудь ребенка» (Финеас Тейлор Барнум).

Директор музея провел журналиста по залам с самыми разными экспонатами, попутно рассказывая о каждом из них. Казалось, он знает историю каждого предмета здесь, а ведь на тот момент экспозиция музея насчитывала уже несколько сотен тысяч всевозможных экспонатов.

- Так что же с уродцами? - в нетерпении поинтересовался журналист.

- С актерами, - поправил его Барнум. - Пойдемте, я вас познакомлю с некоторыми из своих друзей.

***Анна Хайнинг Свон. Самая высокая девушка в мире
(1846-1888)***

С этой девушкой Барнум познакомился в 1862 году, когда ей едва исполнилось шестнадцать. Она родилась в Нью-Аннани (Британская Канада) в семье эмигрантов из Шотландии. Это была самая обычная семья фермеров, в которой было тринадцать детей. Долгое время родители Анны сражались с подступающей к их порогу нищетой, но все же смогли ее победить. Анна была третьим ребенком в их большой семье ортодоксальных баптистов. Девочка с рождения вызывала удивленные возгласы у окружающих, чем немало раздражала мать. Уже в четыре года рост Анны составлял 137 сантиметров, а к пятнадцати годам он достигал уже 210 сантиметров.

Несмотря на это, Анна была очень скромной, воспитанной и глубоко религиозной девушкой,

мечтавшей о том, чтобы стать драматической актрисой.

- Тебе одна дорога - в цирк уродов, - недовольно ворчала мать, когда девушка делилась с ней своими мечтами.

Несмотря на то, что родители достигли вполне стабильного материального положения, ни о каком образовании и тем более о театре не могло быть и речи. Благовоспитанная религиозная женщина должна уметь вести домашнее хозяйство, воспитывать детей и исправно посещать церковь. Так считали ее родители. Они стеснялись своей дочери-великанши, а оттого часто были к ней излишне жестоки. Анну обожали все братья и сестры, с которыми та могла играть часами, но вот с матерью она так и не смогла найти общий язык.

С самого рождения Анна знала о том, что вся ее жизнь пройдет в этом небольшом городке. Ей с рождения была знакома роль главной достопримечательности. Люди поднимали голову и восторженно разглядывали гигантскую девушку, возвышавшуюся над ними.

Когда слава об Анне Свон достигла ушей Барнума, тот тут же отправил своего агента для того, чтобы тот привез ее в Нью-Йорк.

- Об этом не может быть и речи, убирайтесь отсюда! - заявила чопорная мать Анны.

Девушке даже не дали поговорить тогда с агентом. Впрочем, перспектива выступить в цирке уродов не сильно ее обрадовала.

- Анна, послушайте, вы будете получать тысячу долларов в месяц, тысячу! Столько ваши родители получают в год. Вы сможете себе позволить лучшее образование в стране, увидите разные города...

Анна едва слышала раздающийся откуда-то с земли голос агента, однако слова, которые он выкрикивал, заинтересовали девушку. Выслушав агента, она вдруг спросила:

- А я смогу играть в театре?

Агент тут же согласно закивал головой. Конечно, она бы смогла играть на сцене... Вместе с четырехногой девушкой и лилипутом. Когда мать Анны увидела то, как дочь разговаривает с этим представителем цирка уродцев, она выбежала во двор и начала сыпать проклятьями, загоняя дочь в дом. Вернее, во двор. Анна уже очень давно с трудом могла перемещаться по дому, в котором потолки были на два десятка сантиметров ниже ее роста. Агенту пришлось отступить. Он тут же написал Барнуму отчет о своем визите и спросил, что ему делать дальше. Стоит ли настаивать или уехать из города.

Ответ пришел очень быстро. В конверте содержалось два письма: одно предназначалось агенту, а другое - Анне. Молодому человеку пришлось изрядно напрячься, чтобы придумать способ передать это письмо девушке. В письме Финеас Барнум рассказал девушке о перспективах, которые ее ждут в Нью-Йорке. Он обещал, что лично займется ее образованием и наймет лучших преподавателей города. Новые города, страны, удивительные и необычные люди, а самое главное, возможность встретить человека, с которым Анна будет счастлива. Ведь вряд ли Анне выпадет случай встретить человека такого же роста, если она останется жить в Нью-Аннани...

Девушка согласилась. Услышав о том, сколько будет зарабатывать их дочь, согласились и родители.

- У меня есть условие, - заявила девушка, удивив родителей своей смелостью. - Я соглашусь поехать в Нью-Йорк только в том случае, если в моем контракте будут учтены занятия с преподавателями.

Агент согласно кивнул и сказал, что ему не требуется разрешение Барнума на этот пункт в контракте. Мужчина и так знал, что директор музея согласится на него. Уж где-где, а в музее было

предостаточно возможностей организовать занятия по музыке и танцам.

Оказавшись в музее, Анна стала выступать перед публикой. Чаще всего она величественно выплывала в зал вместе с сантиметровой лентой портного. Все взгляды посетителей тут же устремлялись на нее. Барнум или Филипп Карлайл громко объявляли о том, что сейчас девушка измерит свою талию. Отметив нужную цифру, девушка предлагала измерить талию любой женщине из зала. В среднем оказывалось, что обычная женщина могла трижды обернуть вокруг себя ленту, чтобы достигнуть отметки Анны. При этом девушка никогда не была полной. Она ходила в строгом, скроенном на заказ платье и была очень воспитанной и образованной для своего времени. Вот только с другими артистами она не знала, как себя вести. Три раза в неделю она занималась с педагогами, изучая актерское мастерство, вокал и уроки игры на фортепиано. Ступая на сцену, Анна преображалась. Она очаровывала своей музыкой, высоким голосом с интересным тембром, манерами. Оказавшись за кулисами, она скромно садилась где-нибудь в углу и начинала вязать. Часто она, точно так же, как и дома, играла с детьми.

- Вы восхитительны! - громко сообщил ей один из артистов цирка. Коммодор Натт взобрался на крышку фортепиано, чтобы сказать об этом девушке. - Просто боюсь, что вы меня раздавите, - пояснил он.

Карлик с псевдонимом Коммодор Натт был одним из самых маленьких людей в стране. Его рост не превышал и метра. Услышав заявление лилипута, девушка радостно рассмеялась, вновь обратив на себя всеобщее внимание. Вскоре после этого к ним подскочил Филипп Карлайл и сказал:

- Барнум распорядился, что теперь вы будете выступать вместе, - шепотом сказал он и убежал куда-

то в другой зал.

Отныне они действительно стали выступать в паре. Великанша Анна Свон, рост которой был уже около двух с половиной метров, и лилипут Коммодор Натт. Самая высокая девушка в мире и самый маленький человек на земле. Соответствует ли это заявление действительности, Барнума не волновало, а на афише это смотрелось весьма убедительно.

Как и предсказывал Барнум, на гастролях в Кентукки девушка познакомилась с гигантом Мартином ван Бюреном Бейтсом. Мужчина был на двадцать сантиметров ниже девушки, но это не мешало им общаться на равных. Вскоре между ними вспыхнул роман, и через пару недель они объявили о помолвке. Желая порадовать девушку, Барнум сделал ей поистине важный для девушки подарок – одну из главных ролей в предстоящей постановке «Макбета». О таком она и мечтать не могла.

- У нас в музее всегда найдется кое-что для каждого, - повторил Барнум девиз своего музея и шутливо поклонился.

Анна и Мартин вскоре переехали в Лондон и стали выступать в цирке братьев Коул в качестве самой высокой семейной пары на земле. Свадьба их также состоялась в Лондоне, став одним из самых ожидаемых событий города. На церемонию даже приехала королева Виктория, подарившая молодоженам старинные золотые часы, инкрустированные бриллиантами.

**Джордж Вашингтон Моррисон Натт. Коммодор
Натт. Лилипут (1848-1881)**

Джордж Вашингтон Моррисон Натт родился в 1848 году в Нью-Гэмпшире. Он был самым младшим ребенком в семье. Когда он родился, всем его братьям и сестрам было уже по десять-двенадцать лет, и, по большому счету, им не было никакого дела до младшего брата. Лишь восьмилетний Родни проявлял к нему интерес. Он буквально ни на шаг не выпускал брата из вида. И надо сказать, тому были причины. Веселый, озорной, смывленный Джордж родился карликом, рост которого не превышал и метра. Причем кроме него и Родни в их семье все были очень высокими и не в меру упитанными.

Родители не особенно интересовались Джорджем, полагая, что тот не проживет долго. Когда ребенка ростом в полметра заметил один из заезжих цирков, родители с радостью приняли предложение о покупке шестилетнего Джорджа. Услышав, что брата хотят отдать в цирк, Родни заявил, что уедет вместе с братом. Хозяин балагана противился этому, но в конце концов Родни убедил его в том, что будет полезен цирку.

Барнум впервые увидел Джорджа в 1861 году, когда тринадцатилетний Джордж решил посетить американский музей Барнума.

«Это был совершенно замечательный лилипут, остроумный, очень образованный паренек со светлой головой, хорошей внешностью и прекрасными для тринадцатилетнего мальчишки манерами. Короче говоря, он был идеальным шоуменом и настоящим сокровищем для моего музея» (Финеас Тейлор Барнум).

Барнум тут же выяснил, что Джордж выступает в составе небольшого цирка, и приложил все силы, чтобы выкупить его оттуда. Затем он отправился к родителям Джорджа, чтобы оформить сделку по всем правилам. Это оказалось не так уж сложно. Для проформы они потребовали от Барнума пообещать, что тот даст Джорджу хорошее образование, а затем подписали все бумаги.

Когда все документы были в порядке, Барнум стал думать о том, как представить его публике. Для начала он пустил слух о том, что только собирается приобрести этого совершенно замечательного лилипута.

Прознав об этом из газет, владельцы самых разных шоу стали приезжать в Нью-Гэмпшир в надежде купить артиста, которого собирается приобрести сам Барнум. Родители Джорджа тогда горько пожалели о том, что уже подписали все бумаги. Барнум же давал интервью, в которых всячески выражал сожаление в том, что у него никак не получается подписать контракт с Джорджем. В конце концов он объявил, что купил артиста за 30 000 долларов. Вскоре все газеты пестрели изображениями Коммодора Натта с подписью «Карлик за \$30 000».

На самом же деле, согласно пятилетнему контракту, Джордж получал около тридцати долларов в неделю плюс процент от сувенирной продукции. Чуть меньше получал его брат Родни, которого Барнум также нанял для работы в музее.

Джордж прибыл к Барнуму уже со своим псевдонимом и образом, причем весьма успешным. Лилипут по имени Коммодор Натт выступал в специально скроенной для него военной форме, что ему очень шло. Слава Генерала Тома Тама еще была в самом своем зените, поэтому новый актер в военной форме был как нельзя кстати. Вот только нужно было как-то выделить его среди прочих, удивить людей... Несколько

дней Барнум ходил в довольно скверном расположении духа, а потом вдруг увидел, как тот говорит с недавно приехавшей сюда Анной Свон. Это же персонаж новой сказки!

В тот же день Барнум заказал для Коммодора эксклюзивную карету в форме ореховой скорлупы. Пвозка была запряжена шотландским пони, а брата Коммодора, Родни, Барнум попросил стать кучером.

- Езжайте на осмотр достопримечательностей Нью-Йорка, - распорядился Барнум.

Коммодор Натт, обожавший всевозможные кареты, был в восторге. Да и Родни был счастлив не меньше. Правда, когда они уже раз в сотый проезжали по одному и тому же кругу из главных достопримечательностей города, их обоих уже немного мутило от зданий, но задумка Барнума вновь удалась. О Коммодоре Натте заговорили, а на его выступления повалила публика. Коммодор выступал блестяще, он не уступал по уровню мастерства знаменитому Генералу Тому Таму... Вот его с ним и перепутали.

В газетах стали появляться статьи о том, что Коммодор Натт - на самом деле прославленный Генерал Том Там, а вовсе не новый актер. А это уже была настоящая сенсация. То, что и было нужно величайшему шоумену. Чтобы закрепить успех, он отправил Генералу письмо, в котором просил его прервать свое турне и как можно быстрее вернуться в Нью-Йорк, чтобы выступить на сцене вместе с Коммодором. Генерал прибыл буквально через неделю. Об этом шоу еще долгие месяцы писали все журналы.

Слава о легендарном музее и его новой звезде Коммодоре Натте добралась и до правительства Штатов. Барнум был ошеломлен, когда узнал, что сам Авраам Линкольн с нетерпением ждет встречи с Коммодором. Естественно, Барнум вместе со своим актером поспешил явиться на встречу с президентом.

Президент оказался весьма приятным и веселым человеком, с которым легко можно было поговорить на самые разные темы. В конце встречи Линкольн и Барнум вели себя так, будто бы были закадычными друзьями.

«На прощание Линкольн в шутку поинтересовался у Коммодора, может ли он рассчитывать на его помощь в случае, если начнется война. Натт с важным видом ответил, что подумает над этим предложением, но, скорее всего откажется. Линкольн расхохотался и спросил о причине отказа. „Я думаю, никто лучше вас не сможет защитить нашу страну, мистер Линкольн“, - ответил он. Это был достойный ответ» (Финеас Тейлор Барнум).

Где-то через месяц после возвращения Генерала из турне в музее появилось еще двое новобранцев. Лавиния Уоррен со своей сестрой Минни. Это были две лилипутки, красоте которых могли позавидовать актрисы Королевского театра. Лавинии тогда исполнился двадцать один год, а Коммодору было всего тринадцать.

- Это любовь всей моей жизни... - ошеломленно проговорил Коммодор Барнуму.

Лавиния и Минни Уоррен.

Маленькая королева красоты и ее сестра

(1842-1919), (1849-1878)

Мерси Лавиния Уоррен до встречи с Генералом Томом Тамом даже и не помышляла об актерской карьере. Она и ее сестра Минни (также лилипутка) родилась в аристократической семье со средним доходом и получила прекрасное образование. С шестнадцати лет она начала преподавать в школе. Девушка была вполне довольна своей жизнью. Изредка она соглашалась спеть на каком-нибудь званом вечере, надеясь на то, что ее голос оценят по достоинству. Публика всегда хорошо ее принимала, вот только Лавиния слишком хорошо понимала, что всем совершенно неинтересно, какой у нее голос.

Когда Генерал Том Там приехал в их город, девушка вместе со своей сестрой пошла на его выступление. В конце вечера она подошла к Генералу, чтобы сказать о своем восхищении его талантом. Генерал был восхищен красотой Лавинии не меньше. Они моментально влюбились друг в друга и не хотели расставаться ни на миг, однако потребовалось время, чтобы подготовить родителей к тому, что Лавиния вместе с сестрой уедут в Нью-Йорк.

Когда сестры Уоррен появились в музее, Барнум был искренне восхищен. Несмотря на маленький рост, Лавиния была очень красивой и пропорционально сложенной, а уж услышав о том, что она поет, танцует и обучена светским манерам, Барнум готов был признаться в любви маленькой королеве красоты.

Влюбился в Лавинию и Коммодор Натт, но девушка не обращала на его ухаживания никакого внимания.

- Он такой милый мальчик, такой замечательный друг... - говорила она.

Эти слова больно ранили Коммодора. Барнум считал, что эта влюбленность вскоре пройдет, но ошибся. Коммодор оказался однолюбом. Всю свою жизнь он любил лишь Лавинию. Девушка просила его обратить внимание на свою сестру Минни, но Коммодор

терпеть ее не мог. Минни отвечала взаимностью, но, как это часто бывает, из взаимной ненависти вскоре выросла вполне взаимная дружба на всю жизнь.

В 1862 году Лавиния, Минни, Коммодор и Генерал Том Там отправились в европейское турне, навсегда связавшее их жизни. Генерал видел то, как нежно относится Коммодор к его возлюбленной, но это лишь льстило ему.

По возвращении Генерал и Лавиния объявили о том, что собираются пожениться. Барнум был совершенно счастлив от этой новости. Он сумел превратить предстоящую свадьбу в главное представление года, на целый день парализовавшее движение целого города. Шафером на той свадьбе был Коммодор Натт, а подружкой невесты, естественно, Минни. Всю церемонию Коммодор и Минни обменивались взаимными оскорблениями, но это не смогло испортить эту удивительную церемонию.

Когда шумиха по поводу этой свадьбы улеглась, журналисты стали судачить о романе Коммодора и Минни Уоррен. Барнум знал, что это неправда, так как недавно видел Минни в обществе нового актера Эдмунда Ньюэлла, за которого та вскоре и вышла замуж, но однажды Барнум все-таки спросил у него, почему тот не хочет найти себе невесту.

- Любовь всей моей жизни занята другим... - с грустью в голосе ответил Коммодор. - Когда я накоплю достаточно средств, то открою свое дело и найду какую-нибудь хорошую девушку. Хорошую, высокую девушку, - добавил Коммодор.

Спустя какое-то время Коммодор действительно уехал из Нью-Йорка и открыл свой салун. Правда вскоре

его уличили в незаконной торговле алкоголем, и салун пришлось закрыть. В самом конце жизни, в 1878 году, он действительно встретил хорошую высокую девушку по имени Лилиан Элстон. Она была ниже среднего в то время роста, но не была лилипутом.

Чанг и Энг. Сиамские близнецы

(1811-1874)

Близнецы Жун и Ин родились в Сиаме на территории современного Таиланда в семье китайца и малайки. В деревне Маклонг неподалеку от Бангкока не было жителя, не знавшего об этих мальчиках. Жун и Ин родились сросшимися в области грудной клетки и имели общую печень, остальные органы мальчиков были разделены. В Азии всегда по-своему относились в подобным чудесам природы, поэтому очень скоро в небольшую деревню стали приезжать не только за покупкой фруктов, цветов и тканей, но и для того, чтобы посмотреть на чудо природы. Расчетливые родители близнецов быстро поняли, что смогут заработать на собственном горе, и стали взимать плату за знакомство с «китайскими мальчиками». В числе таких любопытных людей оказался и Роберт Хантер, приехавший поглазеть на это чудо в 1824 году. Из деревни он уехал совершенно пораженным. Закончив свои дела в Таиланде, он засобирался во Вьетнам. Кто-то из торговцев рассказал ему, что король этой страны обожает всевозможные чудеса природы. Хантер вспомнил о близнецах из деревни и решил, что если явится ко двору с близнецами, король тут же проникнется к торговцу симпатией. Конечно, он не

наделся, что родители близнецов согласятся лишиться своего заработка, но попытать счастья стоило. Хантер со своим другом, капитаном корабля Абелем Коффином, отправился в ту деревню.

За пять сотен долларов родители «китайских близнецов» согласились на сделку, и Хантер стал счастливым обладателем тринадцатилетних близнецов. Вопреки ожиданиям, мальчики были совершенно не похожи друг на друга, очень часто ругались и частенько дерзили. Их образ никак не сочетался с представлениями Хантера о людях с физическими аномалиями. Более того, мальчики не хотели ехать во Вьетнам и знакомиться с королем.

– В Штатах лучшая медицина в мире. Если с королем все пройдет хорошо, я привезу вас туда, и вас разделят, – бросил однажды торговец.

Вскоре они действительно оказались в Бостоне. Вот только никто не собирался их разъединять.

– Во-первых, ни один врач не будет работать бесплатно, а во-вторых, вы можете стать богатыми людьми благодаря своим особенностям, – терпеливо объяснял Коффин. Близнецы не знали языка и не имели никаких документов, поэтому у них просто не оставалось выхода, кроме как согласиться на предложение Коффина.

И вот вскоре по всему Бостону были расклеены афиши, на которых крупными буквами было выведено: «Сиамский монстр».

– Какого черта? Что это за бумажки?! – вне себя от злости кричали близнецы, разрывая одну из афиш. – Мы не будем выступать, пока ты называешь нас монстром.

Коффину пришлось перепечатать афиши. Теперь на них крупными буквами значилось: сиамские близнецы Чанг и Энг. Очень скоро они прославились настолько, что в их честь был назван этот медицинский феномен.

Несколько лет подряд Коффин помогал близнецам с организацией выступлений. От мальчишек он натерпелся тогда изрядно. Чанг любил выпить, а Энг проигрывал в карты целые состояния. Несмотря на свою особенность, близнецы постоянно ввязывались в драки, меняли девушек как перчатки и частенько получали за это удары в лицо.

- Да это ж подделка, черт возьми, не бывает таких уродов, - закричал подвыпивший доктор на одном из выступлений. Чанг к тому моменту тоже уже пропустил пару порций виски. Услышав подобное, он взбеленился и понесся к доктору. Энгу не удалось остановить брата. Через секунду завязалась драка. Чанга еле оттащили от несчастного. После той драки доктору самому потребовалось обратиться в больницу. Обозленный до крайности, он подал на близнецов в суд.

Судебное разбирательство было коротким. Обвинительный приговор вынесли почти незамедлительно. Два года тюрьмы...

- Ваша честь, я полностью согласен с этим решением. Более того, если бы на то была моя воля, я бы посадил брата на гораздо более длительный срок, но на все воля ваша. Остается лишь один вопрос: что делать мне? Я не собираюсь два года сидеть за преступление брата, - со спокойствием, достойным лучшего игрока в покер, заявил Энг.

- Суду требуется время для изучения этого обстоятельства, - пробормотал судья, осознав, какую ошибку допустил.

В итоге наказание было заменено крупным штрафом, но вскоре близнецы вновь ввязались в историю. В тот год слава близнецов достигла своего апогея. По всей стране им рукоплескали тысячи восторженных зрителей, а заодно появились и преданные фанаты Чанга и Энга, в том числе и весьма экзальтированная девушка София. Чанг и Энг

влюбились в яркую красотку, а та боготворила их. Братья требовали, чтобы девушка все же сделала выбор между ними, и даже сделали ей предложение. Ответ Софии не мог не удивить. Она согласилась на предложение обоих. К сожалению, тот союз сначала запретили родители девушки, а затем и суд, посчитав, что это попытка к двоемужеству.

Чем больше братья зарабатывали, тем более жадным становился их импресарио Абель Коффин. Чуть ли не ежедневно он ссорился с близнецами из-за гонораров, а в конце концов близнецы все же умудрились расторгнуть с ним контракт.

Спустя несколько лет после начала сольной карьеры Чанг и Энг накопили достаточно для того, чтобы купить сотню акров земли в Северной Каролине. Ни один врач так и не согласился провести операцию по их разделению, поэтому близнецам ничего не оставалось, как начать совместную нормальную жизнь.

В 1840-х годах они женились на Аделаиде и Саре Йейтс. Девушки были обычными, несросшимися близняшками. Несмотря на категорический запрет родителей на эту свадьбу, девушки все же умудрились сбежать из дома к Чангу и Энгу. Вскоре состоялась и церемония бракосочетания.

Жизни близнецов вполне можно было позавидовать. За десять лет у Чанга родилось десять детей, а у Энга одиннадцать. Ферма приносила стабильный доход, и только бесконечные ссоры немного омрачали их жизнь. Сара и Аделаида тоже стали ссориться. Поначалу это были небольшие размолвки, но вскоре они полностью прекратили общение друг с другом. Энгу даже пришлось купить еще одну ферму для жены. Теперь Чанг и Энг жили по три дня в одной семье и по три - в другой.

Так продолжалось вплоть до начала Гражданской войны, в которой близнецы выступили на стороне

конфедератов^[16]. Сыновья их отправились в армию, а Чанг и Энг были щедрыми спонсорами партии. В конце 1850-х годов война окончательно их разорила. Чанг начал спиваться, предчувствуя печальный финал своей жизни. Понимая, что нужно что-то делать, сестры Йейтс заставили своих мужей отправиться в знаменитый музей Барнума.

Именно тогда они, пошатываясь, пришли в музей мистера Барнума и предложили свои услуги. Барнум просто не мог не принять в свою труппу такое чудо, поэтому предпочел не заметить резкий запах алкоголя изо рта Чанга.

Поначалу братья через силу терпели присутствие Барнума в их жизни. Они ожидали, что Барнум, наподобие Коффина, будет воровать у них все честно заработанное. Вдобавок ко всему Барнум выступал против армии конфедератов, да и попросту Чанг и Энг ненавидели выходить на сцену. Со временем они переменили свое отношение и к Барнуму, и к выступлениям. Импресарио тщательно следил за тем, чтобы Чанг не пил, а Энг не проигрывался в карты. Будучи весьма разумными расчетливыми людьми, близнецы понимали, что Барнум своим поведением помогает им. Да и зарабатывать они вскоре стали столько, что быстро поправили свое материальное положение, расквитались с долгами и даже купили дома своим сыновьям.

В середине 1860-х годов Чанг и Энг прекратили свою концертную деятельность и вновь стали жить на ферме. В 1874 году алкоголь все же убил Чанга. Проснувшись январским утром 1874 года, Энг увидел, что брат мертв. По воспоминаниям сестер Йейтс, он

пробормотал: «Тогда и мне пора уйти...». Когда врач прибыл к ним для экстренного разделения, сердце Энга уже не билось.

Раус Гошен. Персидский гигант

(1824-1889)

«Этот достойный сын страны великанов увидел свет сорок три года назад в Иерусалиме. Он имеет еврейско-турецкие корни. В настоящее время его рост составляет 241 сантиметр, а вес - 280 килограммов. Обхват груди - 91 дюйм, а талии - 95. Его кулак достоин молота Тора. Полковник участвовал в нескольких военных компаниях, служил в турецкой армии, сражался на Крымской войне, боролся за независимость Италии и воевал в Мексике» (из рекламного проспекта, посвященного Раусу Гошену).

На самом деле это был самый обычный парень из Мэна, ростом 221 сантиметр. Высоковат, но не гигант, вес его также был значительно меньше, да и возраст тоже. Ему было 27, когда он начал работать в музее, а вовсе не 41. Он долгое время слонялся без дела, пытаясь найти себе работу, но каждый раз не приживался на новом месте. Взрывной, любящий выпить, но весьма добродушный человек - таким его описывали все, кто знал Рауса.

В подростковом возрасте он начал очень быстро расти и вскоре стал настоящим великаном Мэна. Из-за внушительного роста и веса отношения с девушками не клеились, а вот друзей у Рауса всегда было много. Тогда в 1851 году он и решил отправиться к друзьям в

другой город. Там его заметил местный журналист, и вскоре все газеты штата написали по заметке о великане из Мэна. Тогда-то его и заметил Барнум, пригласив к себе работать. Раус согласился, но был уверен, что и отсюда он тоже через пару месяцев вылетит, но неожиданно он понравился публике и полюбился артистам. Раус верой и правдой служил Барнуму до самой смерти шоумена. В 1859 году он женился на самой обычной девушке из Массачусетса. Из-за гастролей, правда, они быстро развелись, но с тех пор личная жизнь Рауса была наполнена яркими событиями и неожиданными поворотами. Вскоре он женился на заклинательнице змей Огасте Уайт, но этот брак тоже не продлился долго. В 1870-х он перестал выступать и на время превратился в безработного. Тогда-то он встретил Элизабет Себастьян, содержанку банкира по имени Джон Свит. Между ними вспыхнул роман, и вскоре Элизабет уговорила Рауса бежать из города вместе со всем имуществом мистера Свита. Элизабет вскоре бросила Рауса, прибрав к рукам все награбленное, а вот Джон Свит еще двадцать лет гонялся за Раусом, желая тому отомстить. Когда Барнум предложил Раусу присоединиться к его новому шоу, великан был несказанно счастлив. Сожалел он лишь о том, что его любимая подруга Анна Свон больше не выступает. С Анной его связывали самые теплые отношения. Несмотря на сравнительно небольшую разницу в возрасте (Раус всего на девять лет был старше Анны), гигант считал девушку своей дочерью или по крайней мере младшей сестренкой, за которую готов был убить. Это иногда вызывало улыбку, потому что Раус был на две головы ниже Анны, хоть и значительно шире ее в плечах.

Милли и Кристин Маккой. Двуглавый соловей

(1851-1912)

Родились сестры Милли и Кристин Маккой в 1851 году, на ферме в Северной Каролине, в семье рабов Джейкоба и Монемии Маккой, которые принадлежали рабовладельцу Дж. Маккею. Отец девочек был африканцем, мать – наполовину африканкой, наполовину индейских кровей. В семье уже было семеро старших детей, пять мальчиков и две девочки, и все они были совершенно нормальными.

Милли и Кристин же родились сросшимися – несмотря на то, что у них был полный набор конечностей, они были соединены в нижней части позвоночника и находились примерно на 90 градусов друг к другу. Таз у девочек был общий. Кстати, хрупкая Милли при рождении весила всего около двух килограммов и, казалось, просто болталась на своей более упитанной сестре, более чем пятикилограммовой Кристин. Многим тогда казалось, что девочки нежизнеспособны. Однако шло время, сестренки крепили и росли, вес Милли прибавлялся, и вскоре кое-кто из рабовладельцев уже понял, что на таких малышах можно неплохо заработать. В то время многие слышали об удивительных близнецах Чанге и Энге, которых привезли в Америку из Сиама, и эти двое братьев, по слухам, уже сколотили неплохое состояние.

Так, еще в младенчестве, в возрасте 10 месяцев, Милли и Кристин были проданы их хозяином за \$1000. Позднее девочки не раз были перепроданы, и цена их в итоге выросла до \$40 000. Их наиболее известным владельцем стал Джозеф Пирсон Смит, к которому они попали после долгих скитаний. Кстати, малышки оказались очень талантливыми – они обладали

ангельскими голосами, за что их позднее и прозвали Двухголовым соловьем. А сначала сценическим именем Милли и Кристин было просто «Близняшки из Каролины» (Carolina Twins).

Несколько лет они колесили по югу США, позднее выбираясь и в другие части страны, где выступали на ярмарках, а также показывали себя в шоу уродов. Известно, что жадная до зрелищ толпа почти всегда требовала доказательств, что Милли и Кристин действительно сросшиеся близнецы, а не шарлатанки, и девочкам раз за разом приходилось проходить через весьма унижительное раздевание. Впрочем, когда они стали подростками, они наотрез отказались раздеваться, и позднее одним унижением на сцене стало меньше. А в остальном они наслаждались пением и выступлениями, кроме того, сестры говорили на пяти языках, могли играть на музыкальных инструментах и пользовались у публики любовью и популярностью.

Кстати, Пирсон в свое время выкупил у прежнего хозяина всю семью Маккой, и все они жили у него на плантации. В отличие от других рабов, девочки не работали, а обучались – их с детства готовили в артистки. Грамоте Милли и Кристин учила жена Пирсона, она же давала им и уроки этикета и танцев.

Когда пришел конец рабству, близнецы, а также вся их семья, решили остаться со Смитом, сестры зарабатывали на тот момент около \$600 в неделю, и вскоре их отец сумел купить собственную ферму неподалеку.

После смерти Джозефа менеджером Милли и Кристин стал его сын, и они выступали еще не менее трех десятилетий и были одной из самых известных развлекательных достопримечательностей тех дней. Публика просто обожала веселых и талантливых сестер. Среди их самых известных фанатов была королева Виктория, которая летом 1871-го даже пригласила их в

Букингемский дворец, где они дали несколько выступлений. Говорят, что королева пожаловала им в дар заколки с алмазами.

К концу 1880-х здоровье Милли начало давать сбои, и сестрам пришлось покинуть сцену. Они поселились в собственном доме, активно вели благотворительную деятельность, поддерживая афроамериканские школы и церкви на юге. К концу века о Милли и Кристин совсем забыли, они исчезли из поля зрения и всю дальнейшую жизнь по собственному желанию пребывали в неизвестности.

В начале XX века Милли был поставлен диагноз «туберкулез», и близнецы пытались остановить болезнь, жили какое-то время в санатории. Но все было безуспешно – 8 октября 1912 года сестры Милли и Кристин Маккой скончались. Печально, но к моменту смерти сестры Кристин была не только жива, но и находилась в прекрасном здравии, и врачи всю рассматривали возможность разделить их именно тогда, но все же сочли это слишком опасным. Известно, что Кристин пережила сестру на долгих 17 (или более) часов, ей кололи лекарства, удерживая ее в состоянии забытья.

Энни Джонс Эллиот. Бородатая женщина

(1865-1902)

Маленькая Энни родилась уже с довольно длинными волосами на лице, что очень беспокоило и смущало ее родителей. Но их отношение к особенностям дочери быстро переменялось, когда через девять месяцев после рождения девочки к ним приехал господин

Барнум – известный шоумен и собиратель человеческих редкостей. Он предложил родителям Энни баснословную по тем временам сумму 150 долларов в неделю за право показывать Энни в своем цирке. Надо ли говорить, что родители тут же согласились?

Первое время мать Энни путешествовала по миру вместе с ней, но когда девочке было три года, приняла решение оставить ее одну в цирке, а сама вернулась домой, к остальным своим детям (которых у нее было 12!).

Во время путешествий по миру Энни не раз представляли венценосным особам: так, ее представили царской семье во время гастролей в Санкт-Петербурге, в Италии она встречалась с королем и принцессой, а германский император Вильгельм II даже сделал ей подарок.

Молодая Энни не знала недостатка в поклонниках. Она была дважды замужем. Первый раз – за Ричардом Эллиотом, антрепренером. Она вышла за него замуж в возрасте 15 лет и ради этого брака подделала свои документы. Однако в 1895 году она развелась для того, чтобы выйти замуж за своего друга детства – Вильяма Донована. Но во время тура по Европе 1898–1899 годов Вильям неожиданно умер.

Энни, совершенно потерянная после утраты любимого мужчины, все же продолжила путешествие с цирком. 1900 год она провела в Германии, а в 1901-м выступала в Будапеште, Голландии и Бельгии. Во время этого путешествия она сильно простудилась, врач поставил диагноз «туберкулез», и в 1902 году Энни умерла.

Энни была достаточно образованна: умела играть на мандолине, хорошо знала классику, поэзию и светский этикет. Современники отмечали, что Энни была очень приятным собеседником.

Профессор Уильям-Стрит Хатчингс. Чудо-счетчик

(1832-1911)

Уильям-Стрит Хатчингс родился на Манхэттене в семье торговца. С тех пор, как мальчик выучился говорить, он стал проявлять невероятные математические способности. Уже в три года он выступал перед членами академии Кларка, а в восемь лет уже работал бухгалтером в фирме отца. Люди – чудо-счетчики были особенно популярны в XIX веке, они часто выступали с сольными представлениями или входили в состав сайдшоу, но в абсолютном большинстве случаев это были саванты^[17] с тяжелой формой аутизма. Уильям Хатчингс был абсолютно нормальным, общительным и любознательным ребенком, которому очень нравились цифры. Какое-то время родители мальчика хотели, чтобы их ребенок выступал на сцене, демонстрируя свои способности, но потом отказались от этой идеи. Уильям получил хорошее образование, но так и не смог найти себе работу, соответствующую его способностям. Он слишком хорошо считал, чтобы зарабатывать так мало.

Лет с двадцати он стал выступать со своим шоу, а в 1860 году познакомился с Финеасом Барнумом. Профессор был счастлив работать в музее, так как помимо неплохого жалованья это означало возможность познакомиться с умнейшими людьми страны, частенько выступавшими там со своими лекциями.

Хатчингс проработал у Барнума несколько лет, а потом вновь стал выступать с сольными номерами. Вопреки всем ожиданиям, он имел большой успех у публики, а в 1872 году его пригласили в Белый дом для выступления перед президентом Улиссом Грантом. Хатчингс выступал вплоть до глубокой старости, решив довести число своих выступлений до круглой цифры. На исходе дней он часто давал интервью, в которых утверждал, что в общей сложности дал 30 000 концертов и выступил перед 80 миллионами человек. Этому можно было верить, так как за свою жизнь Хатчингс ни разу не ошибся в своих подсчетах.

Исаак Спрэг. Человек-скелет

Исаак рос нормальным ребенком, но к 12 годам стал стремительно худеть. Позже он путем постоянного недоедания пытался сохранить необычную форму тела. По достижении совершеннолетия Исаак стал работать в цирке Барнума, изображая человека-скелета. А после пожара Американского музея Барнума Спрэг сумел покончить со своей прежней жизнью живого экспоната. Он женился и даже обзавелся тремя детьми. Но из-за проблем с финансами Спрэг снова присоединился к Барнуму. Исаака часто видели с фляжкой молока на шее, которое он периодически попивал, чтобы оставаться в сознании. Умер человек-скелет в 1887 году в полной нищете, к чему его привела страсть к азартным играм. Свое тело Исаак Спрэг завещал науке, чтобы ученые выяснили причины его худобы. При росте в 168 сантиметров этот уникальный человек весил всего около 18 килограммов.

Максимо и Бартола. Ацтекские дети.

Микроцефалы

«Записки о полной событий экспедиции в Центральную Америку, результатом чего стало открытие языческого города Ишимайя в неисследованном регионе и обнаружение двух примечательных ацтекских детей, потомков и представителей жреческого племени (ныне почти исчезнувшего) древних ацтекских основателей ныне обрушившихся храмов этой страны, описанных Джоном Л. Стефенсом, эсквайром, и другими путешественниками»; в переводе с испанского Педро Веласкеса, Сан-Сальвадор. Нью-Йорк. 1850. Педро Веласкес.

Так называлась брошюра, опубликованная импресарио Джоном Стефенсом. В ней рассказывалась удивительная история о путешествии господина Веласкеса в деревню ацтеков Ишимайя. По словам этого путешественника (существование которого вызывает большие сомнения), в деревне жило двое детей, которых чтили там, как божества.

Дети стали известны под именами Максимо и Бартола Веласкесы или как Ацтекские дети. Они выступали в цирке уродцев на протяжении сорока лет.

В 1853 году Моррис взял детей с собой в Англию. Там их назвали «Ацтекскими лилипутами» и представляли публике в Этнологическом обществе. Их представили королевской семье в Букингемском дворце, а затем они отправились в европейское турне, где в том числе встречались с представителями других королевских семей.

Когда Ацтекские дети вернулись из Европы, с ними захотел познакомиться Финеас Барнум. Сначала он их выставлял в Американском музее в Нью-Йорке, а спустя несколько лет они путешествовали с ним в составе цирка Барнума и Бейли.

Конечно, все, от первого до последнего слова, в легенде о детях ацтеков было вымыслом. Максимо и Бартола страдали от микроцефалии. Люди с этой аномалией мозга часто отличаются необычайно маленькой головой и выраженным слабоумием. По воспоминаниям других артистов цирка, Максимо и Бартола были хоть и недалекими, но очень милыми и приятными в общении людьми, которые всегда были в хорошем настроении. Их нежная привязанность друг другу восхищала не только посетителей, но и других артистов труппы.

Дикие люди Борнео. Карлики-силачи

(ок.1830 - ок.1905)

Эти удивительные люди с острова Борнео были захвачены вооруженными матросами судна, которое привезло их к берегам Америки. Именно с такой легендой они стали выступать на сцене. На самом же деле они родились на ферме в Огайо приблизительно в 1831-м и 1833 году. Оба брата страдали от неизвестной генетической аномалии, из-за которой мало кто верил, что они проживут долго. Еще большее удивление вызвало то, что оба брата с детства стали демонстрировать поразительную для своего роста силу. Уже в шесть лет, при росте сантиметров в пятьдесят, они легко перетаскивали бревна, а в восемь

подрабатывали перевозкой груженых телег. В 1842 году отец братьев умер, а мать вновь вышла замуж и родила уже здоровых детей.

В 1850 году о них прознал агент одного из цирков и приехал с предложением об их покупке. К тому моменту братья были уже взрослыми, но вряд ли могли сами распоряжаться своей судьбой. Мать с радостью подписала контракт, и братья вскоре стали выступать в цирке. Рост обоих братьев не превышал одного метра, а вес равнялся двадцати килограммам. Лица их были отталкивающе уродливыми, вдобавок к этому оба брата были слабоумными. Выступать они стали с номерами, в которых демонстрировали поразительную способность поднимать предметы, в несколько раз превышающие их собственный вес. Каждый из братьев был способен поднять груз весом в сто сорок килограммов. Поначалу братья не имели успеха у зрителей, но вскоре о «диких людях Борнео» прознал Барнум и пригласил к себе в музей. Там они стали настоящими звездами.

- Кем бы стали эти люди, если бы не работа, которую я им даю? - спросил наконец мистер Барнум журналиста, когда они вышли передохнуть в воздушный сад под крышей музея. - Все они очень состоятельные люди. Они получают значительно больше самого высокооплачиваемого актера в национальном театре. К примеру, Генерал Том Там - один из самых богатых людей страны. Недавно я узнал, что он богаче меня. Скажите, смогли бы все эти люди прожить достойную жизнь, если бы не музей? Смогли бы они зарабатывать большие деньги? Увидеть другие страны? Встретить любовь? Завести семью?

Каждый следующий вопрос будто бы загонял гвоздь в голову несчастного журналиста, который все еще не мог прийти в себя от увиденного.

«У нас есть немного для каждого. У всякого уважающего себя бизнесмена должно быть припасено что-то интересное для любого человека, только в этом случае шоу будет по-настоящему интересным, а бизнес – успешным» (Финеас Тейлор Барнум).

Секрет многолетнего успеха музея Барнума заключался вовсе не в «надувательствах», в которых частенько (и, надо признать, не без оснований) обвиняли Барнума. Секрет таился в том, что в этом наполненном чудесами здании каждый мог найти что-то, что интересно именно ему. Здесь можно было узнать что-то новое, изучить старинные артефакты, повеселиться, узнать будущее, увидеть шоу или содрогнуться от ужаса при виде забальзамированных скелетов с какими-то отклонениями и особенностями. Реклама, скандалы и сенсации могли лишь привлечь посетителей, но не удержать. Каждый должен был получить свою порцию развлечений, что бы человек под этим словом ни подразумевал.

Исключение составляли лишь алкоголь и сексуальные извращения. Вопреки всем домыслам, Финеас Барнум был предельно честным и глубоко религиозным человеком, на дух не переносившим даже запах алкоголя. Именно из-за этого чаще всего он и увольнял своих артистов. Если Барнум замечал, что артист позволил себе выйти к зрителям хоть чуть-чуть захмелевшим, его тут же увольняли. Исключений Барнум не делал ни для кого.

«Что касается потребления алкогольных напитков, то здесь я побывал по обе стороны баррикад и знаю, о

чем говорю. В период с 1840-го по 1848 год я пил, сколько в меня влезало, и гордился своим „винным погребом“ больше, чем любым другим своим достоянием. А потом я стал убежденным трезвенником. И у меня нет ни малейшего сомнения в том, что, не сделай я тогда этого, давно лежал бы в могиле.

Если бы люди каждое утро набивали карманы холодной вареной картошкой, а потом каждый раз, встречая друга или знакомого, вытаскивали картофелину и откусывали кусок со словами „За твое здоровье, дружище“, это, конечно, выглядело бы курьезно, но было бы в тысячу раз разумнее, чем пить за чье-то здоровье яд, коим являются все хмельные напитки» (Финеас Тейлор Барнум).

Пораженный всем увиденным журналист сердечно простился с директором музея и вскоре прислал выпуск журнала, в котором Барнум прочитал восхищенную статью об изнанке жизни знаменитого музея. Статья была настолько проникновенной, что Барнум велел повесить выпуск этого журнала на стене своего кабинета.

Вскоре Барнум организовал новое турне артистов музея по стране. Каждый день он теперь выходил на сцену и начинал свое шоу. Публика обожала веселого и яркого ведущего, а Барнум обожал миг, когда нужно было сделать шаг на сцену. Вот только Черити страдала от того, что муж так часто уезжает. Ей приходилось одной справляться со всеми трудностями и невзгодами, а порой это было весьма непросто. Письма из дома Барнум получал очень часто, поэтому с радостью и нетерпением вскрыл очередной конверт. В тот день они должны были выступить в одном из небольших городков Канады, но то представление так и не состоялось. Прочитав написанное, Финеас Барнум побелел как мел.

Его дочь заболела воспалением легких. В течение нескольких дней девочка мучилась от лихорадки, после чего ей вроде бы стало легче. Черити ушла немного поспать, но доктор остался у кровати девочки. Эскулап прекрасно знал, что внезапное улучшение в таком состоянии – очень плохой признак. Интуиция его не подвела. Девочка уснула, но спустя несколько часов внезапно начала задыхаться. Спасти ее уже не удалось.

Барнум простился с артистами, порекомендовав ведение шоу Генералу Тому Таму, и поспешил домой. При виде мужа Черити кинулась ему на шею. Как мог, он старался успокоить ее, но вряд ли можно было найти слова утешения в такой ситуации. Черити просила мужа больше никогда не покидать ее, и Барнум пообещал ей отныне всегда быть дома.

На какое-то время он оставил дела музея. Вместе с семьей они переехали в только что построенный дворец в Бриджпорте. Чтобы хоть как-то занять себя, он начал принимать активное участие в жизни города. На тот момент столица штата Коннектикут представляла собой весьма унылое зрелище. Город прозябал в нищете и пьянстве. На фоне общего запустения и обнищания роскошный дворец Барнума выглядел здесь издевательски несуразно.

Первым делом Финейас выяснил, как живут родители Генерала Тома Тама. Оказалось, что они давно умерли от алкоголя, а Генералу даже сообщить об этом никто не потрудился. Другие родственники Финейаса, живущие здесь, также спились.

Повсюду, куда бы ни пришел Барнум, он наткнулся на целые улицы заброшенных домов. При этом повсюду здесь были питейные заведения – единственные места, в которых можно было встретить людей. Вот там действительно всегда было шумно.

Если раньше Финейас Барнум всегда был равнодушен к политике, а выпады церкви в поддержку запрета

продажи алкоголя воспринимал с иронией, то теперь он сам стал ярким сторонником такого запрета. Он даже выступил с такой инициативой на общественном собрании, но его никто тогда не поддержал, а в газетах даже появились насмешливые фельетоны на тему «святости короля надувательства». Титул короля обмана всегда льстил Барнуму, но все уже давно изменилось. Он давно уже не мог найти в себе силы, чтобы шутить, а все до сих пор ожидали от него лишь забавных историй.

Поскольку закон о запрете продажи алкоголя никто не поддержал, Барнум решил действовать по-другому. Он учредил городскую дотацию за отказ от табака и алкоголя. Люди с большими долгами за дом могли обратиться к Барнуму за помощью. Единственным условием был отказ от вредных привычек. Причем человек должен был доказать, что он бросил пить и курить, и тогда Барнум брал на себя все долги незадачливого работяги. Эту дотацию все восприняли с восторгом. Сотни людей тогда воспользовались этой дотацией, впрочем, еще больше людей предпочло не расставаться с бутылкой, что очень расстраивало Барнума.

«Моим предложением воспользовались довольно много людей, которые со временем без особых усилий расплатились за свои дома. И я очень сожалею, что многие жители, которые тогда не приняли его в угоду вредным привычкам, так и не стали владельцами уютных гнездышек. А ведь денег, которые они за это время потратили на виски и табак, вполне хватило бы, чтобы сделать дом своей собственностью.

Я, конечно, внедрил в городе ряд довольно дорогостоящих усовершенствований, изначально зная, что эти вложения никогда не окупятся, но очень хотел бы, чтобы вы поняли: как правило, в своей жизни я

руководствовался принципом прибыльной филантропии. Я совсем не хочу, чтобы меня считали филантропом в чистом виде. Когда я помогаю тем, кто и сам старается себе помочь, и могу делать это, ничего в конечном счете не теряя, мною движет более мощный стимул; и если я обустроиваю и приукрашиваю свой родной город, благодаря чему мои соседи живут богаче и комфортнее, и при этом еще и получаю прибыль, стимул „трудиться в полную силу“ намного сильнее, нежели если бы я за это ничего не получал» (Финеас Тейлор Барнум).

Впрочем, людей тоже можно было понять. В городе не было ни достойных университетов, ни работы. Чем еще здесь можно было заняться? Поняв, в чем таится корень проблемы, Барнум начал активно помогать местному университету. Его частенько стали приглашать читать лекции для студентов, а вскоре бизнесмен даже учредил стипендию за ораторское мастерство. За всю свою жизнь он успел убедиться, что красноречие способно открыть перед человеком любые двери, поэтому именно этот талант Барнум ценил превыше всего.

Активная гражданская позиция в сочетании с мировой (по мнению жителей Бриджпорта) славой сделали из Барнума главного претендента на должность мэра города. Неожиданно для себя Барнум стал председателем общественного собрания города, а вскоре и вовсе получил должность мэра.

«Работа человека должна быть не только выгодной для него самого, но и полезной для его собрата. В противном случае это лишь глупость и суета» (Финеас Тейлор Барнум).

За время правления Барнуму удалось многое изменить в городе. Бриджпорт уже не напоминал руины. Теперь это был вполне процветающий город, вот только работы жителям по-прежнему не хватало.

Нужно было чем-то прославить Бриджпорт, ведь у каждого процветающего города есть какая-то своя особенность, приманка для инвесторов и туристов. Все точно так же, как и с музеем. Ему нужна была сенсация. Такой приманкой должен был стать часовой завод в черте города.

Когда Барнум возглавил Бриджпорт, к нему на прием записался представитель крупной компании по производству часов Jerome Clock Company. Человек, назвавшийся исполнительным директором компании, просил у Барнума крупную денежную дотацию. В обмен на это он пообещал перенести свое производство в Восточный Бриджпорт.

Эта идея несказанно понравилась Барнуму. Сумма в сотню тысяч долларов не казалась ему в тот момент огромной, а за эти деньги можно было предоставить городу тысячи рабочих мест. По замыслу Барнума, такой завод должен был прославить Бриджпорт и превратить в столицу штата в самый процветающий город Америки. Впрочем, до всего этого было еще далеко. Пока что речь шла лишь о часовом заводе.

Фантазия рисовала Барнуму все более радужные перспективы. Цирк, долгие годы служивший ему вторым домом, начинал казаться чем-то бесконечно далеким. Он стал много времени проводить с семьей, в особенности с внуком. Когда он сам впервые стал отцом, ему вечно не хватало времени на воспитание девочек, а сейчас, когда старшая дочь уже и сама стала матерью, это время наконец появилось.

Финеас и Черити в то время жили вместе с семьями своих дочерей в огромном дворце, который выстроил шоумен на берегу реки. По вечерам Барнум обязательно

заходил в детскую и хотя бы час-другой проводил с внуком. Конечно, ребенок обожал дедушку, который мог часами смешить и показывать фокусы.

В один из дней Финеас Барнум привычно заглянул в детскую, но внука там не оказалось. Горничная сообщила, что у ребенка с утра началась горячка. Все дети болеют. Барнум ничего страшного в этом сообщении не усмотрел. Он расспросил женщину о самочувствии ребенка, а затем все же заглянул в спальню внука. Рядом с детской кроватью сидела и что-то сосредоточенно вязала его дочь. Увидев отца, она улыбнулась и продолжила вязать.

- Все дети болеют... - глубокомысленно произнес шоумен и присел рядом.

Они проговорили в тот вечер до глубокой ночи. Это был редкий случай, ведь уже давно у них не находилось времени для таких разговоров. В тот момент никто не мог предположить, что это последний вечер, который они проведут вместе. Барнум крепко спал, когда в доме началась суматоха. Оказалось, что мальчику стало значительно хуже. Все бестолково бегали по дому, желая как-то сбить температуру, кого-то уже послали за доктором... Но эскулап не успел приехать на этот вызов. К утру мальчика не стало.

Дочь Барнума, казалось, онемела от горя. Это был ее первый и единственный ребенок. Кто бы что ни говорил, а если бы у нее был еще один ребенок, было бы легче. Барнум знал это, как никто. Боль утраты не станет меньше, но если бы у дочери был еще один ребенок, ей бы было ради кого заставить себя жить дальше, ради кого просыпаться по утрам... А ведь искусственная улыбка, пусть и самая фальшивая, рано или поздно становится настоящей. Барнум знал об этом...

Спустя неделю после похорон внука с горячкой слегла и дочь Барнума. Она практически не вставала с

постели, поэтому болезнь никто и не заметил. Приехавший доктор что-то говорил о вирусе, который подхватила женщина на похоронах, о том, что болезнь вовсе не так страшна, как может показаться, но Барнум знал, что его дочь умирает. Она уходила вслед за сыном. Это была даже не болезнь, но осознанный выбор организма. Спустя еще несколько дней Финеас и Черити лишились еще одной дочери.

После того, как Финеас Барнум вступил в ряды республиканской партии, на него обозлились конфедераты. В 1860-х годах Гражданская война была на исходе. Возникшая из ниоткуда армия конфедератов Манхэттена была вполне ожидаемым жестом отчаяния. Эта полупреступная группа несколько раз объявляла о своем желании сжечь «цирк уродов Барнума». Несколько раз поджоги удавалось потушить, но не в тот раз. 13 июля 1865 года легендарное здание американского музея Барнума вспыхнуло, как спичка. Это было самое громкое и впечатляющее представление, какое когда-либо видел город.

Музей вместе с сотней тысяч экспонатов полыхал, а вместе с ним горели люди и животные, для которых этот дом долгие годы был островом счастья и спокойствия. Артисты Барнума пытались спасти друг друга.

- Натягивайте батуты, - в отчаянии кричал Филипп Карлайл, пытаюсь спасти людей и животных.

На огромный натянутый купол один за другим падали лилипуты, танцоры, бородатые женщины, дрессировщики... Великаны на руках выносили женщин и детей. Вскоре подключились и пожарные, которые по очереди выносили всех людей, кого удавалось найти.

Залы музея полыхали. Обезумевшие от страха животные вырывались из своих вольеров и выпрыгивали из окон. Тигр, которому удалось выжить после падения, был застрелен полицейским. Впоследствии этого тигра хоронили со всеми государственными почестями. Впрочем, вряд ли тигру было до этого какое-то дело.

Самое страшное зрелище предстало перед людьми уже после того, как пламя удалось потушить. Две белухи умудрились разбить свой аквариум и в отчаянии пытались уползти от пожара, но, естественно, им это не удалось. Рядом с трупами белух валялись тела пожарного и четырехсоткилограммовой женщины, которую он пытался вытащить из пожара.

Дело всей жизни сотен людей погибло за считанные минуты пожара. «...В утешение мистеру Барнуму следует сказать, что такого яркого шоу Манхэттен еще не видел» – так издевательски заканчивалась статья, посвященная пожару на углу Бродвея и Энн-стрит.

Прочитав статью, Барнум еще какое-то время пытался хоть как-то переварить информацию, но она просто не укладывалась в голове. Перед глазами представали душераздирающие картины беспомощных артистов и сгоревших заживо животных. Небольшим утешением служило лишь то, что из артистов погибло лишь трое человек: дрессировщик, один из великанов и четырехсоткилограммовая женщина.

Пришлось все же на время покинуть Черити и дочерей и вернуться в Нью-Йорк. Когда извозчик остановился перед зданием музея, перед Барнумом возникла страшная картина, очень напоминавшая ту, что была опубликована в газете. Музей сгорел дотла, а вместе с ним были разрушены и все экспонаты, которые собирались десятилетиями. Отстроить здание не представлялось возможным.

- Да и не согласится туда никто пойти, - сказал Филипп Карлайл при встрече, когда Барнум озвучил ему идею о реконструкции музея. - Нужно новое здание и новые экспонаты, - безапелляционно заявил молодой человек, в котором уже трудно было узнать того робкого юношу с азартным блеском в глазах, каким он был в начале их знакомства.

Финеас Барнум согласно кивнул и принялся искать здание. Вскоре они нашли подходящий особняк, куда тут же переселили всех артистов. Барнуму пришлось потратить колоссальные деньги на реконструкцию музея. Он, по большому счету, больше не хотел быть директором музея, но публика жаждала зрелищ. Даже администрация города просила его поскорее открыть двери музея для посетителей. Барнум привык выполнять свои обещания и скрепя сердце шаг за шагом строил новый музей. Вскоре они открыли музей. Он был значительно меньше предыдущего, но зато в нем появилось множество новых экспонатов.

- В Кардиффе появился человек, утверждающий, что откопал настоящего великана на своем участке! - рассказал Филипп Карлайл Барнуму и с гордостью положил перед его носом газету с этой заметкой.

- Это же отлично! - глаза директора музея моментально загорелись азартным блеском.

Один из самых успешных бизнесменов городка под названием Кардифф (вблизи Нью-Йорка) Джордж Халл решил прославить себя и свой город. Халл посвятил свою жизнь производству сигар, но всегда мечтал стать геологом и участвовать в археологических экспедициях. К тому времени он уже был достаточно обеспеченным человеком, чтобы позволить себе осуществить свою мечту. Он оплатил и организовал экспедицию, в ходе которой было найдено огромное количество гипса, причем уникального и явно древнего, вот только, даже несмотря на всю уникальность этой находки, она не

окупала стоимости экспедиции. Если не получилось откопать что-то очень древнее и ценное, это нечто вполне можно закопать. Халл заказал наемным рабочим изготовление огромной гипсовой статуи, которую велел закопать вблизи Кардиффа. Теперь оставалось только ждать. Уже в начале весны фермеры, решившие начать осваивать новое поле, откопали чудесную находку.

- Великан?! Какая неожиданность! - фальшиво воскликнул Халл, узнав о находке фермеров из газеты.

Естественно, в Кардифф стали приезжать журналисты со всей страны. Великан из Кардиффа стал главной новостью года. Прознав об этой находке, Барнум немедленно отправил в Кардифф пару своих людей.

- Он не согласился продать своего великана даже за пятьдесят тысяч долларов, - развел руками только что вернувшийся из поездки Филипп Карлайл.

- Это действительно археологическая редкость? - поинтересовался Барнум.

- Нет, конечно, это самая обычная гипсовая подделка, просто о ней вовремя прознали журналисты. Уже давно подобных сенсаций не было.

- Значит, и в музее будет такой экспонат, - заявил Барнум. - Распорядись, чтобы изготовили точно такого же исполина.

Огромная гипсовая статуя великана заняла практически все пространство главного зала музея. Мальчишки, продающие газеты, весь день голосили:

- Сенсация! Великан из Кардиффа - подделка, настоящий великан в музее Барнума!

«Ни один из вас не рекламирует бизнес в достаточной мере. Мощь печатного слова надо использовать ежедневно. Вы же пребываете в спячке и хотите, чтобы ваш бизнес работал сам по себе. Постоянная реклама в прессе способствует доверию.

Человеку, который в течение года является членом местного сообщества и ведет жизнь респектабельного гражданина, окружающие начинают доверять; люди начинают уважать его, даже если он не слишком богат и влиятелен. По тому же принципу читатели привыкают видеть в газете рекламные объявления компании; они становятся частью их повседневной жизни. Возможно, их не все и не всегда читают, но название фирмы и имя ее владельца становятся горожанам знакомыми, и постоянное присутствие его рекламы в колонке местной газеты способствует укреплению веры в стабильность его бизнеса» (Финеас Тейлор Барнум).

Это был точно такой же трюк, какой удавался Барнуму уже не раз. Бывшая няня Джорджа Вашингтона, русалка с Фиджи, ну а теперь и великан из Кардиффа. Еще один способ привлечь внимание к музею. Трюк сработал и в этот раз. В музей вновь выстраивались очереди, вот только Барнума там больше не было. Всеми делами заправлял Филипп Карлайл, а Финеас вновь вернулся в Бриджпорт и занялся политической карьерой и строительством завода часов.

Представители Jerome Clock Company приходили к нему с завидной регулярностью и просили все новые дотации на строительство завода. Кое-какое строительство в городе действительно велось, но было мало похоже, что в ближайшее время оно будет закончено. Директор компании обещал перенести сюда производство в течение года, но прошло уже без малого три года, а стройка все никак не близилась к завершению.

«Какого же дурака я тогда сваял! Это была большая компания; ее руководство утверждало, что она стоит 587 тысяч долларов. Они обратились ко мне с

просьбой о временной помощи в размере 110 тысяч и с треском обанкротились в ту секунду, как только я убрал свою дающую руку, уничтожив заодно и меня. Даже поглотив практически все мое состояние, компания сумела расплатиться только с 12-15 % своих долгов. А в довершение всего она так и не переехала в Восточный Бриджпорт - хотя, если бы не это обещание, я бы не вложил в это гиблое дело ни цента!» (Финеас Тейлор Барнум).

В 1868 году в Бриджпорт прибыл Филипп Карлайл вместе с Генералом Том Тамом. Они застали Барнума в его кабинете. Он бесцельно смотрел в окно и все глубже погружался в мрачное болото из тяжелых раздумий.

- Музей опять сгорел, - сообщил Карлайл. Впрочем, Барнум и так уже знал об этом из газет. - Мы разорены, Барнум... - чуть помолчав, сказал Карлайл.

«Если человек поступает как подобает, его разум никогда не потревожит то, чего он не способен предотвратить. Человек должен быть абсолютно убежден, что, если он исполняет свой долг, обо всем остальном позаботится Провидение; оно никогда не пошлет ему несчастий, бедности, болезней и каких-либо других очевидных бед, кроме тех, которые в итоге пойдут ему на пользу» (Финеас Тейлор Барнум).

На долгие месяцы Финеас Барнум осел в своем дворце в Бриджпорте. Даже выходить на улицу в тот момент он опасался, так теперь повсюду его буквально преследовали насмешки и, что еще хуже, участливые

вопросы сочувствующих ему людей. Жалости к себе он попросту не мог вынести.

В доме их все чаще можно было видеть родственников Черити, с настойчивостью, достойной лучшего применения, уговаривающих его найти себе «настоящую работу» и повзрослеть. Черити более всего на свете хотела того же, но, с другой стороны, она хотела и счастья для своего мужа. Женщина понимала, что Барнум не сможет быть счастлив на «обычной» работе. Он черпал жизнь в радости, которую дарил. Без удивления и восторга зрителей он медленно умирал.

«Я научился покорности и смирению, и это был самый важный и великий урок из всех, когда-либо полученных мною на жизненном пути. Я нуждался именно в нем, ведь, по сути, все несчастья и невзгоды случались со мной тогда, когда мне больше всего нужно было чему-то научиться. Я смею надеяться на то, что высшие силы учат меня смирению и вере в Провидение и что смирение и вера дают мне в тысячи раз больше спокойствия и истинного счастья, чем можно получить в нашем шумном, полном вражды и трагедий, борьбы и разочарований мире, в котором все и вся поклоняются золотому тельцу» (Финеас Тейлор Барнум).

Спустя несколько недель Финеасу Барнуму стали слать письма его бывшие артисты. Все они предлагали свою посильную помощь для решения его финансовых проблем. Барнум был растроган, прочитав пару таких посланий, но от всякой помощи каждый раз отказывался. Спустя несколько месяцев Барнум получил письмо от Генерала Тома Тама.

«Мой дорогой мистер Барнум, как мне известно, ваши друзья (а это означает „все твари, Богом сотворенные“) стараются по мере сил как-то помочь вам

и вашей семье. И я прошу вас, мой дорогой сэръ, будьте так добры, помните, что и я принадлежу к их числу и должен приложить к этому делу свою руку (или хотя бы пальчик... раз уж я „Мальчик-с-пальчик“)» (из письма Генерала Тома Тама Финеасу Барнуму).

К письму прилагался чек на внушительную сумму, который помог погасить большую часть самых срочных долгов. Вот только это не помогло Барнуму вновь придумать себе занятие. Друзья уговаривали начать читать лекции о том, как разбогатеть, но поначалу это вызывало лишь улыбку.

- Для того чтобы читать лекции на подобную тему, нужно по крайней мере быть богатым, а я разорен, - любил говорить Барнум.

- Прекрати. Для того чтобы разориться, нужно для начала разбогатеть. Если хочешь, можешь не рассказывать о том, как ты лишился всех своих денег, хотя это тоже весьма интересно, - сказал однажды один из приятелей Барнума, занимающийся устройством подобных выступлений по всей стране.

Чек Генерала Тома Тама уже давно был потрачен, а кредиторы настойчиво требовали новых выплат. Никаких других идей, как заработать, у него не было. Черити начала было возражать, но быстро замолкла, заметив в глазах мужа тень того азартного блеска, за который когда-то его полюбила.

И вот в самом конце 1860-х годов Финеас Барнум стремительно вошел в лекционную аудиторию. Оглядев публику, он подошел к молодому человеку в первом ряду. Тот уже приготовился записывать все, что говорит Барнум, но величайший шоумен молчал до тех пор, пока юноша не отложил в сторону карандаш.

- Сможешь меня удивить? - вполне дружелюбно поинтересовался величайший шоумен. Молодой человек

смог лишь оторопело покачать головой. Как он мог удивить такого человека, как Барнум?

- Только тогда, когда вы будете знать, как удивить покупателя, вы сможете начать свое дело. Американцы хотят быть одураченными, если при этом они смогут удивиться. Нет ничего более дорогостоящего, чем впечатление, которое вы производите своим товаром...

За время лекции он рассказал тысячу забавных историй, шуток и интересных рекламных трюков, но так ни разу и не улыбнулся. Эта манера выступления моментально покорила публику. Вскоре на выступления разорившегося бизнесмена стали записываться за несколько месяцев, так как ни одна аудитория не могла вместить всех желающих послушать его лекции.

«Мы не можем не признать, что мистер Барнум является одним из самых интересных лекторов из всех когда-либо выступавших перед аудиторией на эту универсальную тему. Стоит добавить, что в его внешности нет ровным счетом ничего „шарлатанского“, на вид он абсолютно респектабельный бизнесмен, а в его распоряжении имеется целый арсенал шуток, которые лектор произносит обычным тоном, оставаясь абсолютно невозмутимым, в то время как слушатели покатываются со смеху. Звучный голос и восхитительно четкое и понятное донесение материала завершает его характеристику как лектора; очевидно, в этой ипостаси Барнум не имеет никакого отношения к „надувательству“ ни в низшем, ни в высшем понимании этого слова» (из рецензии Times).

«Он [Барнум] так искусно организовал и провел встречу Генерала Тома Тама с Ее Высочеством, что можно подумать, будто актерство является одной из множества профессий этого человека. Великий шоумен рассказывал байки об ирландских пилотах и

официантах, забавных священниках и других необычных людях, с которыми он встречался на жизненном пути. Мистер Барнум – прирожденный рассказчик, в его руках даже обычный каштан вызывает взрыв хохота» (из рецензии Times).

«Все признают, что я обычно очень неплохо справляюсь с задачами руководителя, я дерзок в своих планах, готов идти на риск, даю людям много за небольшие деньги и предлагаю шоу, достойные поддержки высокоморального и благородного общества» (из письма Финеаса Барнума Марку Твену).

За несколько лет чтения лекций Финеас Барнум смог расплатиться со всеми долгами. К 1870 году он вновь крепко стоял на ногах. Лекции приносили стабильный и весьма ощутимый доход, а вместе с тем и интересных собеседников. В ту же пору с выступлениями частенько ездили по городам Марк Твен и Чарльз Диккенс. С Твеном Барнум знаком был уже очень давно, но именно в эти годы они стали чуть ли не лучшими друзьями. Знаменитый писатель даже собирался написать книгу, посвященную жизни Барнума, но так и не воплотил этот план в жизнь.

– Когда вы снова будете устраивать шоу, мистер Барнум? – раздался из зала чей-то вопрос.

За годы чтения лекций Барнум старался не вспоминать о своем музее и тех удивительных шоу, которые он создавал в течение нескольких десятилетий. И вот сейчас этот вопрос выбил его из колеи. Он постарался отшутиться, но после выступления к нему подошли двое мужчин, умолявших о том, чтобы он уделил им хотя бы несколько минут. Это были Дэн Кастелло и Уильям Коуп.

Оказалось, что Кастелло – известный бизнесмен, наживший себе огромное состояние весьма

сомнительным путем, а Уильям Коуп – его старинный друг, выросший на шоу Барнума.

– Мы бы хотели предложить вам создать новое шоу. Никакого музея, только ваше соло. Величайшее шоу на земле...

Конечно, Барнум не согласился на сомнительное предложение, но мысли о собственном шоу вновь стали посещать его. Время от времени он замечал интересных людей, которые могли бы стать богатыми, выступая в цирке. Практически всегда эти люди занимались попрошайничеством и владели жалкое существование. Барнум пытался им как-то помочь, но сложно помогать людям, если сам нуждаешься в помощи. Новое шоу... Он двадцать лет создавал шоу... Двадцать лет, сгоревшие в один миг. Коуп и Кастелло не собирались так просто сдаваться. Они донимали Барнума письмами и частенько посещали его лекции в Нью-Йорке.

Однажды Барнум согласился на еще одну деловую встречу с предполагаемыми партнерами, сказав, что будет в ближайшее время в Висконсине. Коуп и Кастелло тут же купили билеты в Делаван, штат Висконсин. Барнум собирался встретиться с ними, когда будет в Нью-Йорке, и немало удивился, встретив их в забытом богом местечке на окраине штата. Оказалось, что случайно брошенную в письме реплику о предстоящем выступлении в Висконсине они восприняли как приглашение. На сей раз Барнум не смог отказать. Он согласился выступить организатором пары выступлений, не более того, о чем и написал жене в следующем письме, но Черити уже поняла, что муж вновь обрел в себе силы для шоу. Она прислала мужу письмо, в котором, против обыкновения, выражала искреннюю радость от новой затеи мужа. Она писала, что это шоу будет поистине величайшим на земле.

Величайший шоумен старался теперь как можно больше времени проводить с Черити, но вдвоем им было

невыносимо больно. Как бы они ни старались, но воспоминания обо всем, что им пришлось пережить, разъедали их изнутри, сжигали все то хорошее, что их связывало. Нет, они вовсе не ссорились и не спорили по мелочам, Барнум слишком сильно любил для этого свою жену, чтобы позволить каким-то неурядицам разрушить их союз, но вечера вдвоем неизменно превращались в исполненные грусти часы одиночества вдвоем. Они часто навещали семью последней оставшейся в живых дочери, и только это спасало их от отчаяния. Черити часто простужалась и становилась все более хрупкой. Казалось, она даже не худеет, а буквально тает на глазах.

Барнум теперь даже лекции стал проводить значительно реже, чтобы больше времени уделять жене. Постепенно это действительно помогало. Любовь мужа и дочери сотворили чудо. Женщина потихоньку поправлялась и даже вновь научилась улыбаться. Чем лучше себя чувствовала Черити, тем чаще она говорила о том, что Барнум должен принять предложение о новом шоу. Ведь он был рожден для этого, ничего другого он просто не умел и не любил.

В 1871 году Финейас Барнум и Уильям Коуп начали готовить новое шоу. Самое грандиозное, самое яркое и впечатляющее, величайшее шоу на земле...

- Мистер Барнум? Вам письмо, - сказал портье гостиницы, в которой они остановились. Конверт был тщательно запечатан и выглядел слишком официально. Еще ни разу Барнум не получал в таких конвертах хороших новостей... Предчувствие его не обмануло. Трясущимися руками он вскрыл конверт и пробежал глазами несколько скупых строчек, написанных их

семейным врачом. В письме сообщалось о том, что миссис Черити Барнум скончалась несколько дней назад.

Барнум очень медленно положил письмо на стол перед портье, а затем молча развернулся и стал подниматься к себе в номер. Затем он запер комнату на ключ и в совершеннейшем оцепенении уставился в стену. Впоследствии его друзья вспоминали, что никогда они не видели Барнума таким потерянным. В самых ужасных ситуациях он всегда умел находить нечто хорошее или как минимум смешное. Всегда, даже на похоронах детей, он выглядел человеком, который точно знает, что делает и для чего. К сожалению, Барнум больше не знал ответа на эти вопросы.

Глава 13. Величайшее шоу на Земле

*Мы не можем быть все одинаковыми,
но мы все можем и должны делать добро.*

Финеас Тейлор Барнум

Целую неделю Барнум не выходил из номера отеля. Он никого не хотел видеть. Конечно, портье прочитал письмо, которое именитый постоялец аккуратно положил на его стол. Сотрудникам гостиниц свойственна известная степень любопытства. Смерть любимой жены, с которой прожил сорок с лишним лет, – это уже слишком. Даже для самого веселого человека в мире. Уильям Коуп все эти дни безвылазно сидел в фойе. Вскоре сюда пришли и все артисты нового шоу. Кто-то знал Барнума уже очень много лет, а кто-то стал с ним работать совсем недавно. Очень скоро фойе отеля стало напоминать цирковую площадку. Чтобы как-то себя развлечь, кто-то уже начал показывать маленьким постояльцам фокусы, кто-то вел светские беседы с мамашами этих постояльцев. Наблюдать за этим становилось особенно интересно, когда кто-то из скучающих артистов начинал при этом поправлять юбку, обнажая третью и четвертую ногу, или оттягивать кожу на расстояние в метр. Лица аристократических мамаш вытягивались, а дети радостно хохотали.

Генерал Том Там не находил себе места. Он уже несколько раз поднимался к Барнуму, но тот никак не реагировал. Лишь по звукам внутри номера он понимал, что создатель цирка все еще жив. Более всего он боялся, что Барнум попытается что-то с собой сделать. Они ведь с Черити так сильно напоминали

неразлучников, а эти птички жили в музее Барнума, сколько Том Там себя помнил. Генерал прекрасно знал, что эти птицы погибают, когда лишаются своей второй половины. Точно так же поступали лебеди и еноты. Однажды один из енотов в музее Барнума умер. К самцу тут же подселили новую самочку, но тот не обращал на нее никакого внимания, даже пару раз попытался ударить. Животное хандрило несколько дней, отказывалось от еды и не желало уходить с места, где раньше спала его подруга. Осознав, что любимая больше не придет, енот подошел к глубокому пруду, в котором жили лебеди, и утопился. Никто попросту не ожидал, что еноты способны на такое, поэтому спохватились слишком поздно. Потом пришлось очень долго успокаивать дочку Барнума, которая обожала этих енотов. Теперь, спустя два десятка лет, не было больше ни енотов, ни музея, ни дочки, ни жены. Единственная дочь больше не нуждалась в опеке отца, а близких у Барнума больше не было.

Генерал Том Там в очередной раз постучался в номер Барнума, но тот не открыл. Тогда Генерал решил, что пора действовать, и отправился к выходу. Он попросил одного из служивших здесь великанов помочь ему и взобрался на балкон второго этажа гостиницы. Отсюда он легко пробрался в номер Барнума. Хозяин цирка бесцельно смотрел в стену. В руках у него была пустая бутылка виски. Генерал знал, что Барнум бросил пить лет двадцать назад, потому что алкоголь постепенно стал входить в привычку антрепренера.

- Я не смогу найти слов поддержки в этой ситуации... - начал было Генерал, - но я точно знаю, что твоя семья значительно больше, чем ты думаешь. Все эти люди, артисты цирка, погибнут в нищете без тебя. Ты же знаешь об этом лучше многих. И еще я знаю, что единственное, что придает тебе сил, это удивление и

восторг в глазах других людей. Ты должен вернуться в шоу, Барнум...

Слова Генерала возымели действие. Карлику удалось уговорить Барнума умыться и выйти к артистам. Вечером того дня он вновь вышел на сцену цирка и сказал свое коронное приветствие:

- Добрый вечер, дамы и господа, вас приветствует цирк Финеаса Барнума, величайшее шоу на Земле...

«Я был уверен, что Бог не оставит меня, а благодаря своей энергии и настойчивости, и если позволит здоровье, я опять встану на ноги; и последовавшие далее события подтвердили, что я оказался прав.

Время течет своим чередом, проблемы приходят и уходят; сегодня ты в кромешной тьме, а завтра над тобой сияет солнце, но где-то наверху, надо всеми нами и нашим миром царят спокойствие и безмятежность. Мы не можем контролировать свою судьбу, но всегда нужно помнить, что из всех невзгод и проблем, встречающихся на нашем пути, из всех радостей и разочарований мы извлекаем полезные уроки и становимся опытнее и мудрее» (Финеас Тейлор Барнум).

Люди соскучились по хорошим представлениям, а Барнум как никто другой в мире знал толк в хороших шоу. Главное, всегда иметь что-то интересное для каждого - вот главный секрет успеха шоумена. Это правило он не уставал повторять в каждой своей статье или книге, об этом всегда упоминал на лекциях.

«Я всегда считал, что благороднейшее из искусств - искусство делать счастливыми других людей. Самые

простые развлечения могут превратить слезы в радугу»
(Финеас Тейлор Барнум).

Очень скоро новая труппа Барнума превратилась в отряд миллионеров. Величайший шоумен никогда не менял своей ставки: пятьдесят процентов прибыли причитались ему, а пятьдесят - артисту. Каждое представление собирало колоссальное количество зрителей, так что артисты цирка быстро превратились в самых высокооплачиваемых в стране. Все чаще случалось, что люди специально себя уродовали, чтобы только войти в состав звездной труппы. Сам Барнум был в ужасе от подобного. В конце концов, не все артисты его цирка имели физические уродства. Достаточно было лишь хорошей легенды, но и иногда тщательного грима. А иногда и просто таланта. Все остальное брал на себя Барнум, от артиста требовалось лишь неукоснительно следовать его советам. В состав новой труппы входило теперь еще больше уникальных людей, которых десятилетия спустя станут называть фриками.

Эли Боуэн. Безногий акробат

(1844-1924)

Родился Эли Боуэн в 1844 году в Ричлэнд-Каунти, штат Огайо. Сын Роберта и Сары Боуэн, он появился на свет без обеих ног - причиной тому была фокомелия^[18], врожденная недоразвитость конечностей. В семье было много детей, и семеро братьев и сестер маленького Эли очень любили его и всячески поддерживали. Кстати, все остальные дети в семье были совершенно здоровыми.

Ходить Эли научился на руках, при помощи специальных деревянных опор, и еще в детстве он начал эксперименты с акробатикой. Некоторые источники утверждают, что в 1857-м 13-летний Боуэн начал выступать с цирком Major Brown's Colosseum, где он развлекал публику тем, что ходил колесом, крутил сальто назад и вперед – и все это без ног. Было ли это на самом деле – неизвестно, но перепись населения в 1860-м показала, что в тот момент он жил вместе с родителями и учился в школе. По другим источникам, в шоумены Эли подался лишь после смерти его отца в 1865 году.

В 1876-м он присоединился к цирковой труппе Pullman Brothers Side Show, а через четыре с половиной года выступал уже с Cooper, Bailey & Co.

В 1897-м Эли Боуэн выступал уже в Англии со знаменитым цирком Barnum & Bailey Circus. Его представляли публике как Безногого Акробата, и именно здесь он познакомился со своим партнером Чарльзом Триппом по прозвищу Безрукое Чудо. Вместе они работали в нескольких номерах, а самым известным стал их велосипедный тандем, когда безногий Боуэн сидел на первом сиденье двойного велосипеда и управлял рулем, в то время как безрукый Трипп крутил педали, сидя на заднем сиденье. Этот номер пользовался бешеной популярностью у публики, а фотография Эли и Чарльза сохранилась и до наших дней, и ее часто можно видеть в Интернете.

Эли работал перед публикой до самой старости – известно, что в возрасте 79 лет он выступал с труппой Dreamland Circus Side Show на Кони-Айленде.

На Кони-Айленде Эли Боуэн и умер, случилось это в мае 1924 года. Причиной смерти стала пневмония, похоронили его в штате Индиана.

Известно, что в 24 года Эли женился на 16-летней Марте Хэйнс, и у них родилось четверо совершенно

здоровых сыновей; позднее один из них стал судьей, а другой – преуспевающим предпринимателем.

Чарльз Б. Трипп. Безрукий художник

(1855-1930)

Чарльз Б. Трипп родился в 1855 году в Вудстоке, штат Онтарио. Он появился на свет без обеих рук и с самого раннего детства начал привыкать пользоваться ногами. Со временем Трипп научился многому – он стал искусным плотником и столяром, а кроме того, он научился блестяще писать, и его каллиграфический почерк частенько давал ему возможность заработать, чтобы помочь матери и сестре.

В 1872-м Трипп вошел в актерскую труппу цирка Барнума, и именно с этого времени он начал выступать перед публикой. Надо сказать, что хозяин труппы Барнум, едва увидев таланты Чарльза, принял его без промедления, и он оставался с этой компанией более 20 лет.

Позднее Трипп выступал с Ringling Brothers.

На сцене Чарльз представлял перед публикой в образе джентльмена – он умудрялся демонстрировать очень изысканные манеры, а кроме того, иногда он забавлял публику и своими столярными и плотницкими навыками.

Ногами Трипп мог бриться, писать портреты, вырезать из бумаги и даже делать фотоснимки. Кстати, его знали тогда и как Безрукого Фотографа. Публика его просто обожала.

Есть очень известный снимок тех лет – на нем безрукий Трипп едет на велосипеде-тандеме вместе с

Эли Боуэном, безногим артистом-акробатом из Огайо, которого по аналогии с Чарльзом публика прозвала Безногое Чудо. Так, сидящий впереди Боуэн управляет рулем, а Трипп крутит на заднем сиденье педали.

Чарльз выступал перед публикой всю свою жизнь, после 1910-го он перестал странствовать и работал на ярмарках и карнавалах.

Известно, что его жена Мэй также работала с ним рядом – она продавала входные билеты.

Чарльз Трипп умер в 1930 году в Солсбери, Северная Каролина, где он частенько проводил зиму. Его похоронили на кладбище в Олни, штат Иллинойс.

Принц Рандиан. Человек-гусеница

(1874-1934)

Он родился в 1874 году в Британской Гвиане на северо-восточном побережье Южной Америки. Чернокожий мальчик с синдромом тетраамелии^[19] практически не имел шансов на выживание. Ребенок без рук и ног больше напоминал гусеницу, а не человека. Впрочем, такие особенные люди здесь всегда почитались. Принц с раннего детства привык быть местной достопримечательностью. Ему даже нравилось то, какой восторг он вызывает у нечастых здесь туристов. Местные уже давно привыкли к трюкам мальчика, а вот на новых людей они неизменно производили впечатление. Отсутствующие конечности никак не повлияли на мозг мальчика. С детства он был не в меру любопытным и любознательным. С одной стороны, это привело к тому, что он уже в десять лет начал курить сигары отца, а с другой – он научился их

самостоятельно скручивать. К восемнадцати годам Принц выучил несколько языков. Его родным языком всегда был хинди, но также он спокойно говорил на немецком, французском и английском. Более того, он даже читал на всех этих языках. А еще к этому возрасту он успел жениться на девушке, по имени Сара. Девушку ничуть не смутило отсутствие конечностей у возлюбленного, тем более, что у них были одинаковые мечты, а ведь это куда важнее всех других трудностей. Принц и Сара мечтали перебраться в Штаты. Об этом грезили тогда все в их стране. Казалось, что там, в далеком Нью-Йорке доллары и золото раздают прямо на улицах.

Именно поэтому, когда агент Финеаса Барнума, прознав о человеке-гусенице, приехал в Британскую Гвиану, чтобы предложить контракт, тот согласился. Весьма обеспеченные родители мальчика были категорически против того, чтобы их сын веселил всякий сброд, но Принц уже был достаточно взрослым, чтобы принимать решения. Он ни минуты не торговался о первоначальной зарплате, но выдвинул свое условие: Сара поедет вместе с ним. Агент был готов к такому повороту, поэтому даже не стал просить об отсрочке для совещания с Барнумом.

В 1890 году они прибыли в Штаты, где и началась по-настоящему звездная карьера Человека-гусеницы. Барнум был в восторге, увидев коронный трюк Рандиана со скручиванием сигар. Чтобы сделать номер более эффектным, специально для Рандиана пошили костюм из плотной серой шерстяной ткани, благодаря которому он еще больше напоминал гусеницу с лицом человека. В ту пору Барнум уже ввел в моду сайдшоу распространение фотокарточек, на которых были запечатлены артисты цирка. Такие снимки обязательно вывешивались перед входом, чтобы люди знали, кого им предстоит увидеть. Снимки Рандиана моментально

сделали из того знаменитость. Чтобы увидеть человека-гусеницу выстраивались гигантские очереди.

Уже значительно позже, в 1932-м году Рандиана ждал еще один громкий всплеск популярности. Тогда ему предложили сняться в кинофильме «Уродцы», который рассказывал историю легендарного цирка. Фильм в итоге подвергли резкой цензуре, оставив Рандиану лишь одну реплику. Впрочем, этого оказалось достаточно, чтобы вновь стать одной из главных знаменитостей страны. К тому времени он уже стал чуть меньше гастролировать, сказывались возраст и обязательства перед семьей. Вместе с Сарой и детьми он жил в гигантской квартире в Нью-Джерси. Как ни странно, но Рандиан всегда говорил о том, что тетраамелия – лучшее, что с ним случилось, ведь именно благодаря своей болезни он сумел переехать в Штаты, заработать состояние и популярность, демонстрируя публике самые обычные ежедневные ритуалы любого мужчины. Рандиан неплохо пел, но все же коронными у него было два трюка: бритье и скручивание сигар. Выступал он вплоть до глубокой старости, хотя вот уже много лет, как мог себе позволить не появляться на сцене. Смерть его была такой же счастливой и благополучной: наутро после своего крупного концерта он почувствовал резкую боль в сердце, а спустя несколько минут попросту уснул.

Адмирал Дот. Карлик

(1859 или 1863-1918)

В 1870 году Финеас Тейлор Барнум путешествовал вместе со своими друзьями на поезде по западной части

Соединенных Штатов. В Сан-Франциско он встретил немца по имени Габриэль Кан, который предложил шоумену взять на работу своего сына-карлика Леопольда.

Барнум с удовольствием купил мальчика. Леопольд тут же получил псевдоним Адмирал Дот, также его знали как Эльфа Эльдорадо, потому что он был, как выражался сам Барнум, «очень ценным самородком».

Адмирал Дот занял свое место среди других артистов музейной экспозиции Барнума. В 1872 году Финеас назвал свое шоу «величайшим на земле».

Карьера Адмирала Дота длилась около двадцати лет, несмотря на то, что нашлись «актеры», которые затмили его по росту. Часто он выступал вместе с Майором Атомом, который был еще ниже. После «отставки», вместо того чтобы почивать на лаврах, Дот разработал себе сценический образ и заслужил репутацию как «самый маленький характерный актер в мире».

Федор Адрианович Евтихийев.

Мальчик с песьей бородой

(1864-1904)

Евтихийев родился в 1864 году в Санкт-Петербурге. Так же как и его отец Адриан Евтихийев, Федор страдал редким заболеванием - гипертрихозом, в результате которого их тела и лица были полностью покрыты волосами. Гипертрихоз или, как его еще называют, «синдром оборотня» - заболевание загадочное. Причины неизвестны. Есть только предположения, что

недуг зарождается еще во время внутриутробного развития. Ведь все дети примерно на восьмом месяце беременности матери становятся волосатыми, как мартышки. Но потом «шерсть» исчезает. А у Федора она осталась и разрослась. Сначала мальчик выступал в России с отцом, путешествуя по различным городам. Отец и он показывали себя за деньги, как выдающуюся диковинку. Когда отец скончался, Федор подписал контракт с известным американским антрепренером Ф. Т. Барнумом. По легенде, придуманной Барнумом, в далекой Костроме охотники нашли дикого мальчика, который жил в яме с отцом. Отец был совсем диким, и его пришлось застрелить. Младшего же Евтихиева возили по всему миру с цирком «Величайшее шоу на Земле». Парня заставляли лаять и рычать на зрителей, чтобы усилить его сходство с собакой. На самом деле Федор родился в Петербурге. А из Костромы был его отец, но в яме не жил. Им быстро заинтересовались медики, изучали, но, по большому счету, так ничего и не поняли. Тем не менее имя Адриана Евтихиева стало нарицательным и вошло во все учебники по биологии как пример атавизма, то есть возврата к предкам.

Федор владел тремя языками и приобрел мировую славу. Он много гастролировал в Америке и в Европе. Умер Федор в 1904 году от пневмонии во время гастролей по Европе.

Кстати, за всю историю медицинских наблюдений в мире зарегистрировано лишь порядка 50 случаев гипертрихоза. Это начиная со средних веков. Но похоже, что ныне заболевание стало более распространенным. Сейчас, по официальным данным, на Земле живут 19 людей, чьи тела и лица поросли густыми волосами.

Фанни Миллс. Большая нога из Огайо

(1859-1899)

У Фанни была болезнь Милроя^[20] – врожденная патология развития лимфатических сосудов. Из-за нее ноги и ступни Фанни раздулись до невероятных размеров. Фанни родилась в Англии, у нее было две сестры, которые обе родились нормальными.

В 1886 году Фанни вышла замуж за Вильяма Брауна. В 1887 году она родила ребенка, но тот умер. Фанни умерла в 1899 году в возрасте 39 лет. К тому времени ее ступня достигала 43 см.

Капитан Джон Константинос

(1833—?)

Он вошел в здание театра Барнума, и все тут же умолкли. Вряд ли кто-то из артистов цирка мог вспомнить, чтобы здесь, в театре, хоть когда-нибудь было так тихо. С самого раннего утра здесь творилось шоу. Легкий гул постепенно усиливался, обрастая детскими воплями, радостными криками и повизгиваниями излишне жеманных особ. Ближе к вечеру тут творился настоящий хаос, в котором уже трудно было расслышать даже крик рядом стоящего человека.

Финеас Барнум надолго запомнил то утро. Этот мужчина был значительно выше среднего роста, хотя его и нельзя было бы назвать гигантом. Голову покрывала ткань, то ли шарф, то ли большой ворот

странного вида рубахи. Встав посередине главного зала, он обнажил голову. Теперь стало видно, что все лицо, шея, руки и все видимые отрезки его тела были покрыты сотнями татуировок. Все, кто заметил его, тут же умолкли. Менее наблюдательные оборачивались в сторону, в которую сейчас смотрели их собеседники, и тоже замолкали. Вскоре эта волна тишины докатилась и до Барнума. Решив узнать, что происходит, он вышел и увидел его – легенду Европы и Штатов, знаменитого албанского грека Джорджа Константиноса. Барнум уже очень давно хотел с ним познакомиться. Увидев воочию, шоумен понял, что не зря так стремился заполучить этого человека к себе в трупку.

«Капитан Джон Константинос, благородный албанский грек, был покрыт татуировками с ног до головы китайскими татарами в наказание за организацию восстания против их правителя. На его теле (кроме ступней ног) находились 388 маленьких аккуратных татуировок с изображениями животных, птиц, рыб, рептилий и иероглифов. Рисунки были выполнены кинovarью и краской индиго. Чтобы нанести этот варварский узор на тело капитана, потребовалось сделать в его коже свыше семи миллионов кровоточащих проколов» (Финеас Тейлор Барнум).

Биография Джорджа Константиноса так же безумна, как и его легенда, а потому, уже практически невозможно отделить правду от вымысла. Согласно легенде, Джордж Константинос был потомком очень знатного и богатого рода, который на свою беду имел тягу к различным путешествиям. В возрасте тридцати с небольшим лет он отправился в очередную экспедицию, во время которой на их отряд напали. Жестокие дикари грозили убить всех, кто не перейдет на их сторону. Выбрав жизнь, Константинос добровольно сдался в

плен. Жестокие дикари подвергали его различным пыткам и унижениям, а затем, решили подвергнуть его бесчеловечному наказанию и покрыть все его тело татуировками, и лишь затем убить. Когда до дня казни оставалось несколько часов, албанцу с греческими корнями все же удалось сбежать из плена.

На самом же деле все было куда прозаичнее, но, тем не менее, интереснее. Константинос родился с врожденным талантом мошенника и тягой к различным авантюрам, в сочетании с изрядным умом и смелостью, это было по-настоящему опасным сочетанием. Будучи выходцем из очень бедной семьи, Константинос решил во что бы то ни стало разбогатеть. И, надо признать, у него это получилось.

К двадцати семи годам он уже объездил всю Европу, Индию и некоторые страны востока, в совершенстве овладел девятью языками и... был все еще беден, как церковная крыса. Он уже трижды к тому моменту зарабатывал целое состояние, но затем, с той же легкостью терял все накопленное. В 1860 году он вместе с точно такими же искателями приключений отправился в Бирму на золотоносные прииски. Там его и еще одиннадцать товарищей Джорджа взяли в плен за расхищение рудников. В качестве наказания за воровство его тело с ног до головы покрыли татуировками. Вместе с четырьмя товарищами ему действительно удалось сбежать из плена за несколько часов до казни. После долгих скитаний им все же удалось добраться до жилого поселения в южном Китае. На их счастье в то время в соседнем городе был один из европейских консулов. Узнав о странных путешественниках, он тут же прибыл в городок, где приютили Константиноса с товарищами. Выслушав их историю, консул проникся к путешественникам уважением за все пережитое, и пообещал помочь. Мужчина не подвел и сдержал свое обещание. Уже

через пару недель остатки отряда золотоискателей отбыли на большом корабле к берегам Манилы. Затем Константинос отправился в Гонконг, откуда он собирался вернуться в Вену. В Гонконге Константинос задержался на пару лет, но в итоге все же вернулся в Европу. Уже весьма обеспеченный (как ему удалось нажить свое состояние, история умалчивает) Джордж Константинос собирался начать вести тихую и размеренную жизнь в процветающей Вене. Он уже собирался жениться, когда его заметил кто-то из популярного в то время сообщества медиков и антропологов. Неизвестный врач попросил Константиноса выступить на очередном собрании и рассказать свою историю. Немногословный Константинос, ко всеобщему удивлению, согласился. Оказалось, что албанец вовсе не умственно отсталый, даже, скорее, наоборот, весьма умный и образованный человек. Тогда-то Джордж и понял, что сможет хорошо заработать на своей необычной внешности. Его татуировки стали тщательно изучать, описывать и пересчитывать. 388 татуировок. Все части тела, кроме ступней, были окрашены изображениями животных и растений.

За сообществом медиков и антропологов Вены Константиноса пригласили во Францию, Германию, Великобританию и, наконец, Штаты. Как только Барнум узнал, что вскоре знаменитый албанец едет в Штаты, он начал забрасывать мужчину письмами и бизнес-предложениями. И вот, в начале 1880-х годов Константинос все же возник на пороге театра. Барнум согласился на совершенно фантастическую зарплату в сто долларов за выступление, и Константинос попросту не смог отказать.

Немногословный и угрюмый Джордж Константинос неизменно вызывал восхищение у всех посетителей цирка Барнума. Уже после первого же выступления

стало понятно, что величайший шоумен не напрасно столько времени и денег потратил на то, чтобы заполучить албанца. С актерами цирка Константинос не ладил, считая всех здесь собравшихся людьми второго сорта, он частенько хамил и оскорблял артистов. Впрочем, к этому быстро привыкли все, а с бородатой девочкой Эли Джонс он даже подружился. Единственным, кто его на дух не переносил, был гигант Раус Гошен. Константинос постоянно подтрунивал над его любовными похождениями, недалеким умом и безграмотностью. Однажды вечером, когда Барнум был в отъезде, артисты решили расслабиться и выпить в честь удачного выступления. Вскоре все переросло в дикую попойку. Раус Гошен был уже совершенно пьян, когда Константинос отвесил привычный едкий комментарий в адрес какой-то девушки. Оказалось, что невзрачного вида девица, случайно здесь оказавшаяся, новая возлюбленная Гошена. Раус решил не спускать такого. Оскорбляя его девушку, оскорбляют и его. Уже через минуту завязалась драка, в которой проиграли оба.

Когда Барнум вернулся, албанец огорошил его новостью:

– С Раусом я работать больше не буду. Ему важнее эта работа, чем мне, так что уйти придется мне, – заявил он.

Барнуму ничего не оставалось, кроме как согласиться с решением албанца. С тех пор Константинос ушел в свободное плавание. Он все так же выступал, и неизменно срывал бурю аплодисментов. Вскоре слава о нем дошла и до Белого дома, куда его и пригласили для выступлений. Когда там узнали, что знаменитый албанец до сих пор не получил американского гражданства, было принято решение помочь ему в этом вопросе. Уже в конце 1880-х годов начавший терять зрение Константинос начал

задумываться о переезде в Вену. Там началась его карьера, там же она должна была и закончиться. Когда билет на судно в Европу был уже куплен, Константинос узнал о том, что ему все же дали американское гражданство. Он решил отложить переезд в Европу и закончить с оформлением всех документов. Только через два года она все же сел на торговое судно, которое должно было доставить его в Европу. Уже очень богатый, успешный и пожилой человек все так же восхищал своим видом всех прохожих. Только вот сам он уже практически ничего не видел, в том числе и свои татуировки, которые ему уже изрядно надоели. В 1894 году Джордж Константинос растворился в воздухе. Более нигде и никаких записей о его дальнейшей судьбе найдено не было.

Граф Примо Магри

(1849-1920)

В 1883 году Генерал Том Там умер. Барнум в то время был на гастролях с Величайшим шоу, а Генерал был в длительном сольном турне вместе со своей женой Лавинией. Узнав о смерти лучшего друга, Барнум тут же отправил письмо Лавинии, в котором выражал свои соболезнования и брал все расходы по организации похорон на себя.

«Выражаю глубочайшие соболезнования от себя и своей семьи. Смерть - такой же пункт Божественного плана, как и рождение. Небесный Отец всегда делает так, что добро побеждает зло. Да исполнится воля Его» (Финеас Тейлор Барнум).

Все еще не утратившая своей привлекательности сорокадвухлетняя Лавиния Уоррен очень скоро повстречала Канта Магри. Это был лилипут, который вместе со своим братом выступал с незамысловатыми сценками в затрапезных кабаре севера Штатов. Лавинию рассмешили сценки, которые показывали братья Магри, и она предложила им организовать собеседование с его величеством Величайшим шоуменом Земли. Магри даже и не мечтали о таком.

Мистер Барнум согласился посмотреть на братьев и, больше из уважения к Лавинии, чем из искреннего желания, принял братьев Магри в свою труппу. Теперь они выступали под псевдонимами Барон и Граф Магри из далекой Италии. Кант и Джузеппе очень упорно репетировали, а Лавиния помогала им в постановке сцен. Вскоре она уже согласилась и принимать участие в шоу. Кант долго пытался ухаживать за Лавинией, но та, словно, не замечала Канта. Тот был на семь лет моложе, да и воспоминания об умершем муже все еще ранили ее. Однако вскоре настойчивость Канта возымела успех. Сначала он полюбился публике, и лишь затем на него все же обратила внимание Маленькая королева красоты Лавиния Уоррен. Через год они все же сыграли свадьбу.

Братья Магри и Лавиния Уоррен выступали в составе «Величайшего шоу на Земле» вплоть до самой старости.

Нелли Килер. Маленький эльф

(1875-1937)

Нелли Киллер родилась в 1875 году в Кокомо, штат Индиана в семье фермеров. Кроме маленькой Нелли, у которой с детства наблюдались проблемы со здоровьем, в семье было еще две дочери и сын. Отец девочки серьезно пострадал в годы Гражданской войны, поэтому не мог уже работать в полную силу. Денег в семье не хватало настолько, что иногда они могли голодать по несколько суток. Долги росли, словно снежный ком, а когда Эзра понял, что его младшая дочь так навсегда и останется лилипутом, он уже был на грани самоубийства.

В пять лет Нелли увидел агент мистера Барнума и предложил ее отцу сходить на собеседование к владельцу шоу. Поначалу Эзра воспринял это предложение в штыки, но чем дольше агент говорил, тем заманчивее мужчине казались открывающиеся перспективы. В конце концов он все же согласился и привел маленькую Нелли на собеседование. Очаровательный ребенок тут же понравился шоумену. «Маленький эльф» – так ее окрестили в цирке, должен был выступать на сцене в паре с Раусом Гошеном. Впечатляющий контраст в росте неизменно вызывал ажиотаж у публики. Сто долларов в месяц, которые пообещал Барнум Эзре, быстро помогли погасить все накопившиеся долги семьи. Эзра поначалу путешествовал вместе с дочерью, но через год принял решение вернуться к семье в Индиану, а Нелли отныне оставалась на попечении Гошена имистера Барнума.

Чем старше становилась девочка, тем более скверным делался ее характер. Она часто устраивала истерики, отказывалась выступать и всячески старалась привлечь к себе внимание. Все это было бы вполне нормально, но, что страшнее, она перестала нравиться публике. Пресытившаяся толпа уже изрядно подустала от шоу лилипутов, требовались новые герои. Маленькая

фея, ребенок – это мило, а вот подросток-лилипут уже не очень.

Когда девочке исполнилось двенадцать лет, мистер Барнум решил, что не будет продлевать с ней контракт. Кочевой образ жизни цирка еще не успел окончательно изменить сознание девочки, и с заработанными за время выступлений деньгами, она вполне могла рассчитывать на достойное существование.

Расчет мистера Барнума вновь оправдался. Нелли вскоре вернулась в Индиану, где на все скопленное купила две фермы (вернее, Эзра купил). Отныне семья Киллер более не знала недостатка в средствах, а спустя несколько лет Нелли вышла замуж за человека с обычным ростом. С ним она прожила до глубокой старости.

Уильям Генри Джонсон. Человек с головой булавки

(ок. 1842-1926)

Уильям Генри Джонсон родился в бедной семье освобожденных рабов в Нью-Джерси в 1842 году. Несмотря на то, что его физическое отклонение было не таким значительным (его голова была недоразвита из-за небольшой микроцефалии и имела коническую форму), американскому шоумену удалось нажиться на нем, преувеличив и украсив реальную историю. Джонсон начал выступать в сайдшоу в середине 1850-х годов.

В 1860 году Ф. Т. Барнум нанял его в свой цирк, дал ему имя Зип и начал отзываться о нем как о «представителе человеческой расы, найденном в ходе экспедиции по изучению горилл около реки Гамбии в

Западной Африке». Голову Зипа обрили, оставив только хохолок на макушке, и одели его в меховые одежды. Как раз незадолго до этого вышла книга Чарльза Дарвина «Происхождение видов», и Барнум утверждал, что Зип представляет собой недостающее звено между обезьяной и человеком, являясь, таким образом, доказательством эволюционного развития.

Зип быстро стал звездой в музее Барнума, приобретая известность даже среди таких знаменитостей, как писатель Чарльз Диккенс. За свои усилия Зип был щедро вознагражден владельцем цирка: Барнум платил ему по 100 долларов за выступление (а таковых у артиста могло быть по 10 в день), а также купил ему роскошный дом в Коннектикуте.

Актер был интересен не только своей любопытной историей происхождения. Его любили за жизнерадостный и оптимистичный характер. Как написал один из посетителей зрелища: «...он развлекал толпу, а толпа развлекала его». Существование его шоу продолжилось и после смерти Барнума, и он выступал, даже когда ему было далеко за 80. Зип умел «продавать себя»: в ходе известного «Обезьяньего процесса» 1925-го года над учителем, преподававшим теорию Дарвина в школе, он предложил свою персону в качестве живого доказательства эволюции, чем привлек широкое общественное внимание.

Несмотря на то, что ему приходилось всю жизнь изображать из себя дурака, Зип был неглупым и бережливым человеком, что позволило ему выйти на пенсию миллионером. Говорят, что его последними словами было:

«Ну что ж, это было неплохое шоу»...

Всего за несколько месяцев выступлений цирк Барнума вновь обрел прежний уровень популярности. Проблема, правда, заключалась в том, что Барнум и его компаньон Уильям Коуп постоянно ссорились из-за денег. Коуп полагал, что совсем не обязательно тратить столько на рекламу и роскошные номера для артистов цирка, ставя в пример другие передвижные цирки, в которых артисты и вовсе жили на улице, в небольших вагонетках. Барнум же любил повторять, что никогда не занимался зарабатыванием денег, он всегда делал лишь шоу, а для этого уже нужно было зарабатывать деньги.

«Я шоумен, человек, который создает праздник. Сколько бы ни писали обо мне как о бизнесмене, я себя никогда таковым не считал. Мне никогда не был интересен процесс получения быстрой прибыли, мне всегда было интересно создавать иллюзию, увлекать и радовать» (Финеас Тейлор Барнум).

«Величайшее шоу на Земле» вывело цирк на новый уровень. Передвижные ярмарки с их балаганами и шоу уродов больше не были низкопробным развлечением для бедных. Если в половине стран подобные цирки уже давно были под запретом за их аморальность, то здесь, в Штатах, они превратились в настоящий феномен. Появилась настоящая классификация подобных заведений: «Десять в одном» – большое сайдшоу представлявшее обычно цирк уродов. Карлики, гиганты, одноногие, полностью татуированные, безрукие люди, – все они объединялись в коллектив и выступали под вывеской «Шоу “человеческих курьезов”». Шоу одного курьеза представляли собой недорогой аттракцион, в котором был выставлен лишь один предмет. Барнум обычно устраивал подобное для привлечения внимания. Так он придумал «фиджийскую русалку» и «Человек-Булавочную головку». Шоу-музеи обычно выступали под

вывеской «Величайшие уроды прошлого и настоящего». В них выставлялись подлинные и не очень скелеты, мумии, разного рода коллекции (наибольшей популярностью пользовалось, конечно, оружие). «Шоу девочек» также быстро завоевали популярность. Чаще всего это был аналог кабаре, в котором наряду с красивыми девушками могли выступать и барышни весьма экзотического вида: с бородой, татуировками или без ног.

Самым лучшим и самым ярким всегда оставалось «Величайшее шоу на Земле». Оказываясь здесь, тут можно было почувствовать себя в диких джунглях и восхититься экзотическими слонами, носорогами или дрессированными медведями.

- Давайте я вам погадаю, вас ждет великое будущее... Вижу человек вы сложный и противоречивый... - говорила вам вдруг гадалка и увлекала в небольшую, занавешенную шторами кабинку. Рядом обязательно находилась комната для спиритизма и магазин волшебных снадобий. И вот уже вы входите в зал и величайший шоумен приветствует вас. Фокусники и иллюзионисты выступают со своими шоу, бородатая женщина исполняет танец живота, гигант выходит с маленькой феей на руках, безрукий художник предлагает вам купить свою картину... Долгое время гвоздем программы был Феликс Верле, силач, страдавший от синдрома Элерса-Данлоса^[21], из-за которого его кожа превратилась в подобие эластичного пластилина. Он мог вдруг ко всеобщему ужасу и восхищению оттянуть кожу с шеи себе ко лбу, а щеку к спине. Несколько трансвеститов поражали людей не меньше. Эти люди (обычно просто нанятые актеры без каких-либо особенностей) были одеты одновременно и как мужчина, и как женщина. Половину тела занимал строгий костюм, а вторую - женское

платье. Альбиносы также всегда пользовались спросом. Научные лаборатории, в которых демонстрировались трюки вроде отрезания головы, здесь неизменно восхищали любителей острых ощущений. Тут каждый мог найти себе развлечение по душе. Так или иначе, каждый получал неизгладимое впечатление на всю жизнь. Каждый хотел вернуться сюда снова, а лучше и вовсе работать здесь. Пусть и без какой-нибудь конечности, зато в атмосфере вечного праздника. Ну и слухи про высокие зарплаты артистов также делали свое дело. Шоу Барнума из низкопробного цирка уродов, в который все хотят, но стесняются зайти, превратилось в воплощенную мечту, кочующий с места на место Праздник.

«Меня столько раз обвиняли в аморальности, что мне надоело об этом слушать. Что бы делали эти люди, не будь у них этой работы? Конечно, будь я побогаче, я бы обязательно занялся благотворительностью. Впоследствии я так и сделал. Но это лишь развращает людей. Я всегда считал, что лучше всего помогать тем, кто сам хочет себе помочь. Многие говорят, что работа в цирке – дело унижительное, но я так не считал никогда. Нет ничего более возвышенного и благородного, чем дарить людям праздник, вызывать улыбку, радовать и, в конце концов, делать их чуточку счастливее» (Финеас Тейлор Барнум).

Прознав о том, что великий Барнум вновь выступает, королева Виктория тут же выслала ему приглашение в Соединенное Королевство. Пара месяцев ушла на подготовку масштабных гастролей, но все же в 1874 году цирк Барнума и Коупа прибыл к берегам Англии.

Барнум был рад вновь увидеть пасмурный туман Лондона. Когда-то он казался ему мрачным, но сейчас этот туман напоминал ему о временах, когда он

пытался одурачить все королевство, лишь бы оказаться на аудиенции у королевы. И ведь ему удалось. Тогда еще были живы дочери и Черити, а он бился за визит к королеве. Сейчас... Сейчас он прибыл сюда по личному приглашению самой влиятельной женщины планеты, Ее Величества королевы Виктории.

Как и всегда, шоу Барнума произвели фурор, но что особенно удивило Барнума, так это то, как тепло приняла его королева. Она была осведомлена обо всех перипетиях жизни шоумена, выражала ему искренние соболезнования и интересовалась, как может помочь ему. Барнум лишь рассмеялся тогда, но все же запомнил слова Ее Величества.

В Лондоне они должны были дать несколько десятков представлений, а это означало как минимум пару недель в этом городе. Барнум теперь мог себе позволить потратить это время на просмотр достопримечательностей. Первым делом, конечно, он отправился в Зоологический сад. На тот момент Лондонский зоопарк был одним из лучших в Европе. На Барнума он произвел поистине магическое впечатление, а в гигантского африканского слона он просто влюбился. Бизнесмен всегда был равнодушен к этим животным, иначе бы не позволил слону вспахивать лужайку перед Иранистаном. Эти воспоминания казались сейчас настолько счастливыми, что напрочь утрачивали черты правдоподобности.

- Это Джамбо, любимец королевской семьи, - пояснил один из посетителей зоопарка, с которым бизнесмен разговорился. - В нем души не чают внук Ее Величества, да и сама королева обожает его. Поговаривают, что Джамбо приносит удачу своим хозяевам.

- Я не могу продать вам его, мистер Барнум. Мне дозволено многое, но англичане не простят мне такой сделки, а главное, мне не простит этого внук... - отвечала королева. Барнум и не ожидал, что она согласится, но ведь попробовать стоило.

Вскоре цирк должен был уехать из Лондона, а Барнум так и не навестил своего старинного приятеля, владельца хлопчатобумажной фабрики в окрестностях Лондона. Решив, что откладывать визит уже неприлично, Барнум все же отправился в предместье столицы. Джон Фиш был счастлив видеть Барнума, он всегда считал его своим кумиром и наставником. Фиш любил рассказывать о том, что добился такого успеха лишь благодаря тому, что внимательно слушал лекции мистера Барнума в Нью-Йорке. Конечно, он преувеличивал вклад Барнума в свое благосостояние. Когда Фиш слушал знаменитую лекцию, он уже был весьма состоятельным человеком. Сейчас же он превратился в добродушного мужчину в уже весьма почтенном возрасте, вдовца и отца шестерых детей.

Чопорный дом в классическом стиле совершенно не соответствовал веселому и немного мальчишескому нраву этого человека. Еще больше этому не соответствовали уже совсем взрослые дети и внуки.

Двадцатичетырехлетняя Нэнси Фиш сразу же покорила сердце шестидесятилетнего Барнума. Нет, шоумен вовсе не собирался вновь влюбляться, он даже не задумывался над тем, что столь юная девушка может обратить на него внимание, он просто был восхищен «черкесской» красотой Нэнси. Грива темно-каштановых волос, совершенно белая кожа и ярко-голубые глаза - Барнум мог бы только мечтать о такой актрисе. Она бы тут же покорила сердца всех зрителей, даже если бы при этом фальшиво пела и неуклюже танцевала.

- Вы бы могли иметь успех на сцене, - обронил случайно Барнум.

Нэнси Фиш сначала жеманно расхохоталась, а потом вдруг посерьезнела. Ей было уже достаточно много лет, чтобы отец начал переживать о том, что она останется старой девой, но девушка категорически не желала выходить замуж. В чопорной Англии она могла стать лишь женой или старой девой, а вот мистер Барнум мог предложить ей весь мир... Ради той удивительной жизни, о которой рассказывал шоумен, она готова была отпилить себе ногу, но этого не потребовалось. Отец девушки милостиво разрешил ей отправиться вместе с мистером Барнумом в Лондон, чтобы посетить знаменитый цирк, ну а назад девушка возвращаться уже не пожелала. Ее восхитило представление, но еще больше ее поразила веселая атмосфера, царящая за кулисами.

Финеас Барнум был счастлив лишь тогда, когда видел восхищение в глазах своих зрителей. Когда тобой восхищаются, хочется восхищаться. В глазах Нэнси он увидел то, что уже не надеялся встретить. Уже через неделю он сделал девушке предложение, а в конце гастрольного тура они сыграли свадьбу. Джон Фиш, конечно, был взбешен, узнав о романе престарелого шоумена со своей дочерью, но, узнав о предложении руки и сердца, все же смирился с зятем, который был на пятнадцать лет старше его.

Нэнси Фиш прибыла к берегам Соединенных Штатов Америки в статусе жены известного бизнесмена, но это вовсе не означало, что она теперь гражданка этой страны. Поскольку свадьбу сыграли за океаном, она осталась англичанкой. Ей потребовалось двадцать лет, чтобы получить заветное гражданство, которое ей так и не пригодилось, так как в тот момент она уже собиралась переехать во Францию.

Вернувшись в Штаты, Барнум вновь стал давать свои представления в Нью-Йорке. Он собирался поехать в турне по стране, но рекламные агенты и Уильям Коуп противились этому. Такое турне грозило чудовищными расходами. Затраты на транспорт и жилье для артистов даже в случае стопроцентных аншлагов на всех выступлениях не могли окупить путешествия, и уж тем более не могло такое турне принести прибыль.

- Единственный вариант - железная дорога, - предложил кто-то из рекламных агентов цирка.

- Отлично! Мы превратим само турне в настоящее шоу и втрое снизим затраты на транспорт! - воскликнул Барнум.

- Я не буду в этом участвовать, - весьма категорично заявил Коуп.

Мужчина надеялся на то, что Барнум послушает своего компаньона, но шоумен и не собирался этого делать. На время все разговоры о турне прекратились, и Коуп решил, что Барнум отказался от своей затеи, но в один прекрасный день он узнал о том, что турне состоится. Более того, все уже для этого готово, а вот Коупа даже предупредить забыли.

- Ты же сам сказал, что не будешь в этом участвовать, - сказал Барнум и театрально развел руками.

- Я выхожу из бизнеса, - чуть помолчав, заявил Коуп. Барнум тут же приобрел серьезный вид и предложил свою цену за долю Коупа в бизнесе. Мужчина согласился, не торгуясь, что было совсем на него не похоже.

Впоследствии в одном из интервью Барнум не без удовольствия рассказывал об этом трюке. Величайшее шоу на Земле было его детищем, а Коуп и Кастелло все время ставили ему палки в колеса. Барнуму попросту ничего не оставалось, кроме как довести Коупа до

белого каленья, чтобы вовремя предложить ему выкупить долю в бизнесе.

Гастрольный тур Барнума по всей стране превратился в событие национального масштаба. Уже в середине турне все затраты окупились, а в конце тура прибыль Барнума составила несколько сотен тысяч долларов.

Уильям Коуп вскоре отправился в Европу, где попытался создать свой цирк, но вскоре прогорел. Барнум же начал задумываться о том, чтобы иметь собственное постоянное здание цирка. Такого еще никто себе не позволял. Цирк – это передвижной балаган, шоу уродцев, развлечение для бедных. Так было до появления мистера Барнума, поднявшего этот вид развлечений до уровня искусства. На его представления приходили не только бедные работяги с семьями, на его шоу приходили все сильные мира сего. Более того, после того, как Авраам Линкольн пригласил Барнума для выступления, все президенты считали своим долгом пригласить легендарного Барнума к себе.

Глупо было бы предполагать, что у Барнума не было конкурентов. По всей стране ездили сотни передвижных балаганов. Как и везде, одни пользовались популярностью, других освистывала публика. Долгое время равных в масштабе шоу у Барнум действительно не было, но в начале 1880-х появился цирк Бейли и Купера.

Джеймс Энтони Купер родился в 1847 году и очень рано осиротел. С восьми лет он работал у собственного дяди в передвижном балагане. В отличие от абсолютного большинства детей, выросших в атмосфере цирка, Бейли искренне любил этот вид

искусства. Он знал не понаслышке обо всех трудностях жизни артистов, привык к виду бородатых женщин, карликов и великанов, и как никто знал обо всех тонкостях искусства импресарио. В конце 1870-х он познакомился с Джеймсом Купером, импресарио великана Генри Александра Бондаря. К тому моменту у Бейли была скоплена приличная сумма, а вместе с Купером и Бондарем вполне можно было организовать свое небольшое шоу.

За несколько лет из парочки бродячих артистов они превратились в знаменитый цирк Бейли и Купера, шоу которого не уступали по масштабности знаменитому Барнуму. Исключение составлял разве что зверинец. Даже у национального зоопарка не было таких редких животных, каких содержал цирк Барнума. Впрочем, у Бейли было несколько слонов, тоже немало. А в 1881 году в цирке Бейли случилось небывалое событие: родился слоненок. В неволе эти животные размножались крайне редко, ну а ничего более милого и привлекающего внимание, чем детеныши диких животных, человечество пока не придумало. Дети были в диком восторге от слоненка.

О небывалом событии написали в газетах. Цирк Бейли тогда тоже выступал в Нью-Йорке и, следовательно, был прямым конкурентом шоу Барнума. Из-за этого слоненка публика теперь повалила к Бейли.

Узнав о рождении слоненка, Барнум тут же отправил своего агента с предложением о покупке. Причем сумму за него он предложил небывалую – несколько десятков тысяч долларов, но, вопреки всем ожиданиям, Бейли отказал. Но, что еще больше возмутило Барнума, Бейли рассказал об этом предложении журналистам.

«Наших слонов мечтает купить даже Барнум», – гласила надпись на свежееотпечатанных рекламных

проспектах цирка. Увидев это наглое объявление, Барнум пришел в бешенство.

- Как вы смеете наживаться на моем имени?! - кричал Барнум, пытаюсь не разнести в пух и прах весь кабинет наглого выскочки. Бейли к тому моменту было чуть за тридцать, а Куперу и того меньше. Как эти школьники, по меркам Барнума, смогли добиться такого успеха?!

- Мистер Барнум... А вы бы сами на моем месте что бы сделали? - тихо и с легкой иронией в голосе поинтересовался Бейли. Этот тон Барнум сам использовал, когда хотел подшутить над кем-то. Гнев моментально развеялся. Шоу цирка Бейли Барнум смотрел уже с совсем другим настроением, а вскоре Бейли и Барнум решили прекратить всякое соперничество и объединиться под сложным названием «Величайшее шоу на Земле Ф. Т. Барнума, Великий Лондонский цирк Бейли и зверинец королевы Британии». Столько букв ни на одном рекламном проспекте уместиться не могло, поэтому вскоре они стали называться просто «Цирком Барнума и Бейли».

Того, что два самых крупных цирка страны объединятся, не ожидал никто. Несколько недель эта новость не сходила с первых полос всех газет, а вскоре об этом прознала и королева Виктория. Она тут же прислала цирку приглашение ко двору, которое Барнум и Бейли превратили в новое мировое турне.

- ...Мой внук вырос, мистер Барнум, - сказала уже весьма пожилая королева Виктория. - И я теперь могу принять ваше предложение. Я готова продать вам Джамбо.

- А как же англичане? - оторопел шоумен.

- Я верю, что они простят меня, - величественно, как и подобает королеве, ответила она.

«Джамбо – самый большой африканский слон из всех когда-либо существовавших как в дикой природе, так и в неволе – долгое время был главным экспонатом Королевского зоологического сада в Лондоне. Я часто смотрел на животное с завистью, не надеясь, что оно когда-то может стать моим, ведь я знал, что слон является любимцем королевы Виктории, чьих детей и внуков африканский великан катал на спине, как, впрочем, и еще десятки сотен британских сорванцов. Я и мечтать не мог, что англичане когда-нибудь согласятся его продать» (Финеас Тейлор Барнум).

На самом деле Англия не простила ей этого. Узнав о том, что Джамбо уезжает в Штаты, десятки тысяч детей стали писать королеве письма, умоляя ее не делать этого. Журналисты, администрация зоопарка и даже парламент – все осудили Викторию за этот поступок. Впоследствии, когда Джамбо был уже по ту сторону океана, начался судебный процесс, по результатам которого Барнума обязали вернуть гигантского слона домой. Естественно, Барнум отказался это делать. Всякий, кто видел этого слона, влюблялся в него раз и навсегда. Он попросту не мог не восхищаться своим добрым нравом. Обычно гигантские африканские слоны плохо поддаются дрессировке и обладают весьма скверным характером, но этот слон был исключением из всех правил.

«Казалось, Англия сошла с ума. Повсюду были изображения Джамбо, газеты пестрели заголовками „Джамбо – Барнум“, о слоне писали рассказы и слагали стихи, Шляпы „Джамбо“, воротнички „Джамбо“, сигары „Джамбо“, галстуки „Джамбо“, веера „Джамбо“, польки „Джамбо“ и т. п. продавались в магазинах и на улицах Лондона и других британских городов десятками тысяч.

И все это вызвало немалый резонанс в Соединенных Штатах Америки» (Финеас Тейлор Барнум).

Джамбо поймал суданский охотник Техир Шериф в 1860 году. Родителей слоненка убили, а его решили продать живым. Тогда-то и начались великие странствия Джамбо, самого доброго слона в мире. Техир продал его итальянскому торговцу Лоренцо Казанове, который продал его немецкому зоопарку. Вскоре оттуда его выкупил французский зоопарк, а затем и зоологический сад Ее Величества. Большую часть своей жизни слон, чье имя переводилось с суахили как «привет», провел в Англии, а в 1882 году Финеас Барнум выкупил его за две тысячи долларов. Удивительно добрый, приветливый и общительный трехметровый гигант поначалу пугал, но уже через несколько минут влюблял в себя публику. Ни разу в своей жизни Джамбо не проявил и тени агрессии. Что бы ни случилось, он всегда хранил стоическое спокойствие. Если человек рядом с ним нервничал, он протягивал свой гигантский хобот и начинал гладить того по голове. Это животное стало настоящей легендой, известной во всем мире.

Слон категорически не желал покидать Лондон, и лишь когда его любимый дрессировщик Мэтью Скотт зашел на корабль, Джамбо согласился подняться на борт. В итоге дрессировщику пришлось тоже отправиться в путешествие через океан.

«Мой агент в полном отчаянии отбил мне телеграмму: „Джамбо улегся прямо на улице и ни в какую не встает. Что делать?“. Я ответил: „Пусть лежит хоть неделю, если ему так хочется. Это лучшая в мире реклама“» (Финеас Тейлор Барнум).

Джамбо прибыл в Нью-Йорк в самом начале мая 1883 года. В те дни весь город только и говорил о

скором открытии легендарного Бруклинского моста, вернее тогда его называли Мостом Нью-Йорка и Бруклина. Десятилетиями велись разговоры о необходимости соединить Манхэттен и Бруклин, но казалось, что это совершенно непосильная человеку задача. Ни один проект не выдерживал мало-мальски серьезного анализа. Строительство моста таких размеров не представлялось возможным, а планировавшийся поначалу туннель обещал просто разорить городскую казну. В 1869 году известный архитектор Джон Реблинг предложил свой проект строительства навесного моста, который был одобрен правительством.

Строительство велось и днем, и ночью. Уже весьма пожилой архитектор буквально поселился на стройплощадке, желая контролировать каждую деталь. Сердце пожилого человека однажды не выдержало. Спустя пять лет руководить проектом стал сын Джона Реблинга, но и он вскоре умер. Тогда безутешная вдова Вашингтона Реблинга заявила, что сможет закончить дело жизни своего мужа. И вот, спустя тринадцать долгих лет гигантский мост все же украсил панораму Нью-Йорка. Открытие было намечено на 24 мая. Этот день был объявлен праздником, чтобы каждый желающий мог пройти по мосту. Горожане трепетали от нетерпения и... боялись. Ведь было от чего - навесной мост ведь всегда может обрушиться...

Барнум решил воспользоваться шумихой и пришел в администрацию города с абсурдным на первый взгляд предложением: провести легендарного Джембо по мосту. Шоумену, конечно же, отказали, но Барнум никогда не отступал так просто. В конце концов ему пообещали все же подумать над этим предложением, а потом даже вроде бы согласились, однако в последний день мэр все же передумал и Джембо запретили путешествие из Манхэттена в Бруклин.

В Англии Барнум и Бейли приобрели не только Джамбо, но и множество других животных. В том числе они купили двух носорогов, которых тогда не было даже в национальном зоопарке. Мало кто представлял, как они выглядят. Естественно, в Нью-Йорке не было газеты, не написавшей о носорогах и легендарном Джамбо.

В те годы Генри Берг развернул огромную общественную кампанию против жестокости по отношению к животным. Мистер Берг был известным и влиятельным человеком, получившим широкую известность после того, как предал огласке случай Мэри Эллен Уилсон. Берг узнал о том, что приемный отец насилует восьмилетнюю девочку, а его жена поощряла его в этом и периодически поколачивала ребенка. Берг был поражен жестокостью приемных родителей и сделал все возможное, чтобы спасти девочку. Мужчина наивно считал, что случай Мэри Эллен исключителен, но после того, как о ней написали в прессе, на Берга обрушилась лавина писем, в которых рассказывалось о самых разных проявлениях жестокости к детям. Бергу ничего не оставалось, кроме как создать Общество по защите прав детей, которое вскоре стало одной из самых влиятельных общественных организаций в стране. Берг всегда старался защитить тех, кто не может сам бороться за свои права. Вполне естественно, что вслед за детьми Берг начал защищать животных. В особенности отрицательно он относился к цирку, так как в молодости не раз становился свидетелем того, как цирковые дрессировщики в Англии издевались над животными. О цирке Барнума и Бейли Генри Берг отзывался резко отрицательно. Он дал даже пару разгромных интервью и публично обещал «вывести Барнума на чистую воду».

Вскоре после этого заявления за кулисы цирка Барнума явились представители Берга с судебным постановлением.

- Что это? - удивился Барнум, пробегая глазами по тексту официальной бумаги.

- Мистер Берг узнал о том, что вы содержите носорогов в ненадлежащих условиях, от которых животные скоро погибнут. Согласно этой бумаге, вы должны немедленно поместить животных в аквариум, иначе вас арестуют.

Барнум расхохотался. Так весело ему не было уже очень давно. Он приказал вывести к этим людям носорогов. Увидев их, представители Берга недоуменно переглянулись.

- Носороги и бегемоты - это разные животные, - пояснил все еще смеющийся шоумен. - Если я сейчас запихну их в аквариум, они просто захлебнутся. Передайте, пожалуйста, мистеру Бергу, что ему бы неплохо, прежде чем защищать права животных, хотя бы немного изучить тех, кого он собрался спасти, а то животные... могут не перенести мер по их спасению, - продолжал веселиться Барнум.

«Я утверждаю - как и поэт в своих балладах, - что если я знаю, как развлечь народ, мне было бы все равно, кто устанавливает для него законы» (Финеас Тейлор Барнум).

Генри Берг, бесспорно, был в высшей степени достойным и благородным человеком. Вот только с чувством юмора у него всегда были большие проблемы. После случая с носорогами он затаил смертельную обиду на Барнума. Интересы животных тут уже явно ушли на второй план. Берг чуть ли не в каждом интервью упоминал имя Финеаса Барнума как своего личного врага. Каждый раз он обещал найти способ

засадить шоумена в тюрьму. И вот, когда цирк Барнума и Бейли представил на суд зрителя новое шоу, у Берга появилась такая возможность.

В одном из номеров представления лошадь должна была прыгать через горящее кольцо, что, по мнению Берга, было очевидным издевательством над животным. Рассказав об этом номере на очередном собрании, он сумел получить необходимые бумаги для того, чтобы закрыть цирк и арестовать Барнума.

На сей раз Генри Берг явился на представление лично. Прочитав новое постановление, Барнум сосредоточенно кивнул, а затем предложил:

- Я предлагаю вам посмотреть сегодня шоу, на котором я попытаюсь вам доказать свою правоту. Если в конце вы все еще будете считать номер издевательством, я не буду противиться аресту.

Барнум был слишком уважаемым человеком, чтобы отказать ему в подобной просьбе. По воспоминаниям Барнума, то шоу было одним из лучших в его карьере.

- Дамы и господа, сегодня будет необычное представление, которое, тем не менее, вы досмотрите до конца. Если мне не удастся доказать, что мои номера не имеют ничего общего с издевательством над животными, меня арестуют, - в этот момент на арене раздался недовольный гул. - ...Но шоу продолжится в любом случае, - продолжал Барнум. - Просто, возможно, заканчивать его будет Генри Берг.

Номер с лошадьми был в самом начале выступления. Чтобы доказать свою правоту, Барнум попросил выйти на сцену всех артистов шоу, а затем лично поджег кольцо.

- Я попрошу вас пройти через это кольцо, господа, - обратился Барнум к артистам. Все участники шоу с готовностью стали проходить через горящий обруч. Поначалу люди проходили чрез него чинно и благородно, но вскоре лилипуты стали весело

перепрыгивать через него, кое-кто переходил через обруч на руках, перепрыгивал и перескакивал к всеобщему ликованию публики. Когда все прошли через эту экзекуцию, Барнум передал горящий обруч и сам ловко перешагнул через кольцо. Затем под громкие аплодисменты он подошел к месту, на котором сидел Генри Берг, и протянул ему руку.

- Я прошу вас, мистер Берг, окажите мне услугу...

Бергу ничего не оставалось, кроме как выйти на арену и вместе с Барнумом перешагнуть через обруч. После этого Генри Берг вынужден был отказаться от всех своих обвинений.

«Я слишком люблю животных, чтобы издеваться над ними» (Финеас Тейлор Барнум).

После этого представления Генри Берг и Финеас Барнум пожали друг другу руки, а вскоре и вовсе стали друзьями. Финеас Барнум вместе с Бергом стал одним из учредителей Общества по защите прав животных, существующего до сих пор.

15 сентября 1885 года цирк Барнума остановился в городке Сент-Томас, в Онтарио. Здесь они не собирались устраивать представлений, слишком уж маленький это был городок, но животные, да и люди, нуждались в отдыхе. Обычно в таких случаях по вечерам несколько артистов устраивали импровизированное представление на главной площади, чтобы развлечь людей и получить лишнюю порцию аплодисментов.

Жарким днем дрессировщики и артисты повели животных на прогулку. Финеас Барнум также хотел

прогуляться. Слонов у цирка на тот момент было очень много, в том числе и парочка слонят, которых еще даже не начинали дрессировать. Джамбо, конечно, возвышался над всеми. Спокойно и добродушно он шагал в окружении слонов поменьше. Впереди всех семенили слонята.

Никто не заметил, что путь их лежит через железнодорожные пути. Слоненок вдруг остановился. Животное запуталось то ли в ветках, то ли в проволоке. Тут вдалеке послышался гудок приближающегося поезда. Только сейчас все поняли, что слоненок застрял на сортировочной станции. Джамбо вдруг впервые в жизни остервенело заревел и пошел напролом к слоненку. Гигантский слон одним махом откинул слоненка от дороги, но, конечно, не успел сойти с рельсов.

Поезд не успел затормозить, и Джамбо погиб на том железнодорожном перевале. Смерть слона стала главной сенсацией года. Журналисты моментально приехали для того, чтобы сфотографировать тело знаменитого Джамбо, самого доброго слона в мире.

Финеас Барнум с ужасом наблюдал за происходящим. Таким потерянным и несчастным его видели лишь раз – после смерти жены.

– Слоненок выжил, только ногу сломал, – сообщил осмотревший животное доктор.

– Это хорошо. Это очень хорошо, что Джамбо спас слоненка... – пробормотал Барнум. Лишь сейчас он немного опомнился и поспешил к экипажу. Он больше никогда не ездил на поездах.

Через неделю правительство обратилось к Барнуму за помощью. Оказалось, что кто-то пустил по городу слух, что Бруклинский мост может обрушиться от перегрузки. Причем слух этот так быстро распространился, что это привело к давке и панике в самый час пик. Двенадцать человек были буквально

раздавлены толпой. Чтобы успокоить людей правительство теперь уже само предлагало Барнуму устроить выгул слонов по мосту, вот только Джамбо уже не мог пройти по брусчатке. Конечно, бизнесмен согласился и уже через пару дней двадцать один слон с гордостью и величием прошагали по Бруклинскому мосту, убедив тем самым людей в том, что мост способен выдержать любые перегрузки.

Вскоре чучело Джамбо было передано в дар Корнельскому университету, где его поместили в зал имени Финеаса Барнума. Самый добрый слон в мире до сих пор приносит удачу. Все студенты обязательно стараются перед сессией дотронуться до его хобота. Говорят, в этом случае обязательно сдашь все экзамены.

Эпилог

«Каждое утро, проснувшись, я удивляюсь и благодарю Бога за то, что опять чувствую себя таким полным сил, что в столь почтенном возрасте у меня ничего не болит и не ноет. Однако я чувствую, что час мой близок, и это нормально. Наш последний час будет намного приятнее, если, невзирая на все совершенные нами ошибки и чувство вины, мы испытываем уверенность в том, что этот мир стал лучше и счастливее благодаря тому, что мы в нем жили» (Финеас Тейлор Барнум).

В конце 1880-х годов Барнум оставил цирк. Он продолжал активно выступать, давать интервью и писать статьи. Дописал он также и свою автобиографию. Когда-то давно он писал «Жизнь Финеаса Барнума, написанную им самим», сидя в кабинете самого шикарного дворца во всей Америке, а в качестве домашнего питомца у него был ручной слон на лужайке. Это была книга о триумфах. Тогда казалось, что все в жизни уже произошло, и ничего плохого больше не будет. Затем Иранистан сгорел, потом сгорел и музей... Ему пришлось пережить смерть двух дочерей, внука и горячо любимой им Черити, которая снилась ему до последних дней жизни. Ему пришлось пережить так много, но всегда, когда становилось слишком трудно, помощь приходила оттуда, откуда ее невозможно было ждать. Его артисты вдруг один за другим предлагали все заработанное, чтобы Барнум мог расплатиться с долгами. Юная девушка вдруг соглашалась стать его женой и долгих двадцать лет путешествовала вместе с ним и его цирком...

«У меня есть маленькая дешевая книжечка, которую я не продал бы и за тысячу долларов, если бы знал, что не смогу купить такую же. Это потрясающая подборка удивительных мыслей и высказываний древних и современных мыслителей. Это отличное философское руководство, которое учит жить счастливо и долго. Называется она „Что дает силу в повседневной жизни“» (Финеас Тейлор Барнум).

В последних числах марта 1891 года убежденный сединой Финеас Барнум зашел в редакцию одной из газет. Главный редактор подскочил от удивления. Такие гости редко приходили лично, обычно к ним приходилось ездить с визитами.

– Я обязан американской прессе всем, чего мне удалось добиться, однако я все же осмелюсь просить вас об одолжении, – начал Барнум. – Я бы хотел, чтобы вы опубликовали мой некролог.

– Вы с ума сошли! – возмутился редактор.

– К сожалению, нет, хотя иногда очень хочется, – ответил Барнум.

Чем больше шоумен говорил, тем менее решительным и возмущенным казался редактор газеты. В конце концов он все-таки согласился. Сколько уже раз они печатали подобные преждевременные заметки о смерти великих людей? Обидеться на это могла лишь персона, которую хоронят, а персона сейчас как раз и уговаривала его напечатать некролог.

1 апреля 1891 года все газеты Нью-Йорка, а затем и Америки, написали о смерти Барнума. Началась огромная шумиха в прессе. Барнум не мог упустить такую возможность для рекламы, да и нет ничего более интересного, чем наблюдать за тем, как тебя хоронят.

Вечером этого же дня к дому шоумена в Бриджпорте подъехал экипаж, из которого вышел один из самых востребованных журналистов Нью-Йорка.

- Я бы хотел поговорить с мистером Барнумом, - сообщил мужчина, в котором уже сложно было узнать того корреспондента, который заморожено слушал рассказы Барнума о каждом из своих артистов. Нэнси Фиш настороженно посмотрела на него, а затем кивнула и провела его в кабинет Барнума.

- Как вы узнали? - удивился Барнум при виде журналиста.

- Я бы никогда не поверил, что вы бы упустили такую возможность для рекламы, - ответил он и улыбнулся. - И я никогда не поверю, что вам больше нечего сказать.

«Моим читателям: я достиг заката своей жизни, но сердцем молод, и сладчайшая для моих ушей музыка - это веселый детский смех. Я начал свою карьеру управляющего национальных шоу и выставок еще до того, как на свет появились родители большинства из вас. Я старался просвещать и развлекать целые поколения. Во всех уголках земного шара я искал самые удивительные диковинки и по-прежнему работаю над расширением своей коллекции. Я потратил миллионы, стараясь обучать и развлекать публику и вызывать ее интерес. Я встречался с президентами, королями, королевами, императорами и правителями, и на свете осталось очень мало мест, где еще не знают моего имени. И сегодня, оглядываясь назад сквозь призму прожитых лет, я с огромным удовлетворением убеждаюсь, что мой труд высоко оценен теми, ради кого я прилагал такие огромные усилия» (Финеас Тейлор Барнум).

notes

Примечания

1

Известные в XIX веке предприниматели. – *Прим. ред.*

Жизнь этого замечательного человека изображена в комедии Жене под названием «Стеффи-Жирар». Она имеется в русском переводе Д. А. Мансфельда. - *Прим. пер.*

З

Джордж Вашингтон (1732-1799) – американский государственный деятель, первый всенародно избранный президент Соединенных Штатов Америки (1789-1797), один из отцов-основателей США, главнокомандующий Континентальной армии (которую создал первый президент Континентального конгресса, Пейтон Рэндольф), участник войны за независимость, создатель американского института президентства. Крупный рабовладелец.

4

Сайдшоу (*англ. Sideshow*) - условное название нескольких видов развлечений и зрелищ, устраивавшихся бродячими цирками на импровизированных уличных цирковых представлениях, карнавалах, балаганах и ярмарках.

Эльдорадо (*исп.* «золотой») – мифическая южноамериканская страна, богатая золотом и драгоценными камнями. В бесплодных поисках Эльдорадо конкистадоры XVI века (такие как Агирре и Орельяна) проложили новые пути вглубь Южной Америки.

6

Авторство этой фразы приписывают Финейасу Тейлору Барнуму, хотя никаких подтверждений тому, что он действительно это говорил, нет. – *Прим. авт.*

Антонио Лучо Вивальди (1678–1741) – итальянский композитор, скрипач-виртуоз, педагог, дирижер, католический священник. Вивальди считается одним из крупнейших представителей итальянского скрипичного искусства XVIII века, при жизни получил широкое признание во всей Европе. Мастер ансамблево-оркестрового концерта – кончерто гроссо, автор около 40 опер. Вивальди в основном известен благодаря своим инструментальным концертам, в особенности для скрипки. Его наиболее известной работой является цикл из четырех скрипичных концертов «Времена года».

Чезаре Ломброзо (1835–1909) – итальянский врач-психиатр, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве, основной мыслью которого стала идея о прирождённом преступнике. Главная заслуга в криминологии Ломброзо заключается в том, что он сместил акцент изучения с преступления как деяния на человека – преступника.

Эффект Барнума, также эффект Форера, эффект субъективного подтверждения – общее наблюдение, согласно которому люди крайне высоко оценивают точность таких описаний их личности, которые, как они предполагают, созданы индивидуально для них, но которые на самом деле неопределенны и достаточно обобщены, чтобы их можно было с таким же успехом применить и ко многим другим людям. Эффектом Барнума можно частично объяснить феномен широкой популярности астрологических гороскопов, хиромантии, гомеопатии и прочих псевдонаук. Также отмечается его влияние в соционике. Влияние эффекта также присутствует в некоторых психологических тестах, результаты которых не позволяют отличить людей друг от друга.

Эффект назван в честь знаменитого американского шоумена Финеаса Барнума, который был известен своими психологическими манипуляциями и которому приписывают фразу «У нас есть что-нибудь для каждого». Предположительно, такое название эффекту дал психолог Пол Мил. Лучшее всего суть этого феномена иллюстрируют астрологические прогнозы.

10

Элиас Хоу (1819-1867) - американский механик и предприниматель; один из изобретателей швейной машины.

«Хижина дяди Тома» – роман Гарриет Бичер-Стоу 1852 года, направленный против рабовладения в Америке. Роман произвел большой общественный резонанс; по некоторым оценкам, настолько обострил один из местных конфликтов на почве рабства, что он вылился в Гражданскую войну в США.

Микроцефалия (от *греч.* μικρός – маленький и κεφαλή – голова) – значительное уменьшение размеров черепа и, соответственно, головного мозга при нормальных размерах других частей тела. Микроцефалия сопровождается умственной недостаточностью – от нерезко выраженной имбецильности до идиотии. Встречается редко, в среднем в одном случае на 6–8 тысяч рождений.

Том Там (от *англ.* Tom Thumb) – то же, что Мальчик-с-Пальчик, маленький ребенок, сказочный персонаж. В русском языке прижился именно такой перевод имени знаменитого артиста цирка. – *Прим. ред.*

Менестрель-шоу – форма американского народного театра XIX века, в котором загримированные под негров белые актеры разыгрывали комические сцены из жизни негров, а также исполняли стилизованную музыку и танцы африканских невольников.

Эдвард Эверетт (1794-1865) - американский политический и государственный деятель, дипломат, оратор. Эверетт представлял штат Массачусетс в обеих палатах Конгресса, был губернатором Массачусетса, послом в Великобритании и государственным секретарем США.

Конфедеративные Штаты Америки, известные также как Конфедеративные Штаты, КША, Конфедерация - де-факто независимое государство (хотя и не признанное ни одной страной), существовавшее в период с 1861-го по 1865 год в Северной Америке, на большей части территории современных юго-восточных штатов США. Образовались в результате выхода (сецессии) 11 южных рабовладельческих штатов из состава Соединенных Штатов Америки. Конфедеративные Штаты были противником Соединенных Штатов во время Гражданской войны в США. Потерпев поражение в войне, Конфедерация прекратила свое существование; штаты, ее составлявшие, были захвачены войсками северян и реинтегрированы в США во время длительного процесса Реконструкции Юга.

Синдром саванта, иногда сокращенно савантизм (от *фр. savant* – «ученый») – редкое состояние, при котором лица с отклонением в развитии (в том числе аутистического характера) имеют «остров гениальности» – выдающиеся способности в одной или нескольких областях знаний, контрастирующие с общей ограниченностью личности. Феномен может быть обусловлен генетически или же приобретен. Встречается довольно редко и обычно является вторичным явлением, сопровождающим некоторые формы нарушений развития, например детский аутизм или синдром Аспергера, либо умственную отсталость. В особо редких случаях может быть одним из последствий черепно-мозговой травмы или заболевания, затрагивающего головной мозг.

Синдром фокамелии - редкое генетическое заболевание, которое проявляется в отсутствие верхних конечностей или их отделов. У ребенка кисти рук или стопы ног (а иногда и те и другие) соединяются с туловищем посредством коротких культей. Как правило, дальнейшее их развитие сопряжено со значительными трудностями в связи с выраженной функциональной неполноценностью.

Синдром тетраамелии (аутосомно-рецессивная тетраамелия; от греч. τετράς 'четыре', á 'без', μέλος 'член, конечность') - очень редкое врожденное наследственное заболевание, характеризующееся отсутствием четырех конечностей. Другие части тела, такие как лицо, череп, репродуктивные органы, анус и таз, также подвержены порокам развития. Для синдрома тетраамелии характерно аутосомно-рецессивное наследование. Заболевание связано с мутацией в гене WNT3.

Болезнь Нонне-Милроя - лимфедема с ранним началом, наиболее тяжелые поражения наблюдаются в нижних конечностях с рождения.

Синдром Элерса – Данлоса (синдром Элерса – Данло, «гиперэластичность кожи», несовершенный десмогенез, несовершенный десмогенез Русакова, синдром Черногубова) – это группа наследственных системных заболеваний соединительной ткани, вызванных дефектом в синтезе коллагена. В зависимости от отдельной мутации, серьезность синдрома может измениться от умеренного до опасного для жизни. Лечения нет, но существует терапия (уход), смягчающая последствия.